

ISSN 1992-7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск),
Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва),
Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва),
О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н.,
проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова,
д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс),
О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова,
д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск),
К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова,
д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена),
А.Д. Цветкова, к.ф.н., доцент (Казахстан, Павлодар),
А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

П.В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению
и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике),
К.И. Бринев, М.П. Гребнева, В.В. Десятов, В.Н. Карпухина,
Л.М. Комиссарова, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова,
С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, Л.Н. Тыбыкова

Секретариат

О.А. Ковалев, С.Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, о/ф. 405а.
Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: sovet01@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>
Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826
Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Е.В. Яркова. Старообрядческий текст первого тома романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и его авторизованного перевода Н.С. Селивановой.....	7
Н.М. Сухих. Веществование и повседневность вещи как приемы художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали (по рассказам М. А. Осоргина).....	26
Е.В. Лебедева. Образ рассказчика в военной публицистике Г.Д. Гребенщикова (на материале публикации 1916 г. «Охвостье»)	40
С.А. Губанов. Эпитетация тишины и молчания в текстах М. Цветаевой.....	56
О.Н. Григорьева, Гаюань Хао. Фразеология смелости и трусости в современном русском языке и в произведениях А. С. Пушкина	68
Г.В. Напреенко. Озвучивание как интерпретация письменного текста (на материале текстов эссе)	86
Янь Сяолин. Функционально-стилистический подход к преподаванию грамматики русского языка в китайском вузе (реализация категории каузальности в разговорной речи)	104
Е.И. Абрамова, Е.Д. Павлычева. Метафора дерева в политическом дискурсе США	118
Н.Ю. Шнякина. Метафорическая модель «личностное развитие — путь» в практике немецкоязычного коучинга.....	133
Е.В. Валюлина. Роль медиаинтеграционной модели в цифровой трансформации информационного пространства (на примере Алтайского государственного университета)	150
С.В. Доронина, И.Ю. Качесова. Манипулятивные стратегии как компонент речевого воздействия: размышления о статусе коммуникативного явления	172
А.Д. Цкриалашвили. Коммуникационные стратегии в политическом PR: на материале предвыборных кампаний в США 2016–2020 и 2020–2024 годов (электоральный цикл)	184

Научные сообщения

А.А. Корниенко, А.И. Куляпин. Пограничье: семиотика забора и ограды в художественном мире Юрия Олеши.....	197
Т.Н. Гарьковская. О типичных ошибках в интерпретации английского существительного <i>thing</i> русскоязычными студентами	208
Е.А. Важина. Основные модели управлеченческих коммуникаций в российских редакциях СМИ	221
Резюме	233
Наши авторы	248

CONTENTS

Articles

E.V. Yarkova. Old Believer text of the first volume of G. D. Grebenschikov's novel "The Churaevs" and its authorized translation by N. S. Selivanova	7
N.M. Sukhikh. Reification and everyday life of things as techniques of artistic embodiment of everyday space through objective details (based on the stories of M. A. Osorgin)	26
E.V. Lebedeva. The image of the narrator in the military journalism of G. D. Grebenschikov (based on the 1916 publication "Okhvostye")	40
S.A. Gubanov. Epithetization of silence and stillness in the texts of M. Tsvetaeva	56
O.N. Grigorieva, Gaoyuan Hao. Phraseology of courage and cowardice in the modern Russian language and in the works of A. S. Pushkin.....	68
G.V. Napreenko. Sound recording as an interpretation of written text (based on essay texts).....	86
Yan Xiaoling. Functional and stylistic approach to teaching Russian grammar in a Chinese university (implementation of the category of causality in colloquial speech)	104
E.I. Abramova, E.D. Pavlycheva. The metaphor of a tree in the political discourse of the USA	118
N.Yu. Shnyakina. The metaphorical model "personal development is the path" in the practice of German-language coaching	133
E.V. Valyulina. The role of the media integration model in the digital transformation of the information space (based on the example of Altai State University)	150
S.V. Doronina, I.Y. Kachesova. Speech Manipulation as a Component of Speech Influence: Reflections on the Status of a Communicative Phenomenon	172
A.D. Tskrialashvili. Communication strategies in political PR: based on the election campaigns in the USA 2016–2020 and 2020–2024 (electoral cycle)	184

Scientific reports

A.A. Kornienko, A. I. Kulyapin. Borderland: Semiotics of Fence and Railing in the Artistic World of Yuri Olesha	197
T.N. Garkovskaya. On Typical Mistakes in Interpretation of the English Noun 'thing' by Russian-Speaking Students	208
E.A. Vazhina. Main Models of Management Communications in Russian Media Editorial Offices	221
Summary	233
Our authors	248

СТАТЬИ

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ТЕКСТ ПЕРВОГО ТОМА РОМАНА Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЧУРАЕВЫ» И ЕГО АВТОРИЗОВАННОГО ПЕРЕВОДА Н.С. СЕЛИВАНОВОЙ

Е.В. Яркова

Ключевые слова: «Чураевы», Г.Д. Гребенщиков, авторизованный перевод, Н.С. Селиванова, старообрядческий текст, поэтические вставки

Keywords: “The Churayevs”, George Grebenstchikoff, authorized translation, Nina Selivanova, Old Believer text, poetic inclusions

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-01)

Введение

Творчество Г.Д. Гребенщикова — предмет продолжительного интереса ученых-филологов, как изучающих локальный сибирский текст, так и специализирующихся на литературе эмиграции. Особой актуальностью обладает, в частности, введение в научный оборот и анализ автопереводов и англоязычных произведений писателя. Эмигрировав в 1920 г., Гребенщиков продолжил писать и издавать свои произведения на русском языке, в частности, используя для этого издательство «Алатас», которое основал вместе с Н.К. Рерихом в 1924 г., однако известны и переводы на европейские языки [Масяйкина, 2021], и обширные англоязычные рукописи, которые являются основой настоящего исследования. Иноязычные работы Г.Д. Гребенщикова стали объектом специализированного изучения при написании кандидатской диссертации автора настоящей статьи [Масяйкина, 2020а]. В рамках же грантового проекта Российского научного фонда № 22-78-00040, реализовываемого в 2022–2024 гг.¹, был подготовлен и выпущен первый том собрания англоязычных сочинений и автопереводов автора [Собра-

1 Грант Российского научного фонда № 22-78-00040 «Литературный билингвизм как творческая стратегия русских писателей-эмигрантов: на материале наследия Г.Д. Гребенщикова (1883–1964)». Электронный ресурс: <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>

ние, 2024], в которое вошли как прозаические, так и поэтические произведения Гребенщикова на английском языке, с акцентом на автопереводах писателя. Однако несмотря на проделанную работу, большой корпус материалов продолжает оставаться нерассмотренным, что обеспечивает актуальность для подготовки и выпуска второго тома автопереводов Г.Д. Гребенщикова, куда войдут преимущественно средние и крупные прозаические произведения, в частности: автоперевод очерка «Толкай телегу к звездам» (русскоязычная версия 1946 г., англоязычная 1953 г.), автоперевод повести «Купава. Роман одного художника» (русскоязычная версия 1936 г., англоязычная начало 1940-х гг.), роман-эпопея «Чураевы» в авторизованном переводе Н.Н. Селивановой (русскоязычная версия 1921 г., англоязычная 1940-е гг.) и другие тексты. Настоящая статья является частью цикла научных работ по осмыслению и введению в научный оборот данного текста, предваряющего непосредственно выход в свет второго тома «Собрания...». Целью исследования является анализ старообрядческого текста первого тома романа-эпопеи «Чураевы» и его авторизованного перевода.

Методы и материалы исследования

Материалом текущего исследования является авторизованный перевод первого тома романа-эпопеи «Чураевы», выполненный Н.Н. Селивановой (322 листа). Первые попытки описания и введения данного перевода в научный оборот были предприняты в ряде статей автора [Яркова, 2024а; Яркова, 2024б], настоящее исследование является ответом на потребность в комплексном рассмотрении данной пары текстов-сателлитов.

Роман «Чураевы» не раз становился предметом научного рассмотрения для целого ряда исследователей-филологов. Одним из первых с осмыслением романа выступил К.В. Анисимов [Анисимов, 1997], обратив внимание на особую значимость образа старообрядчества для художественной структуры романа, а также непосредственную связь мотива раскола с хронотопами города и деревни, подчеркивая его «особую амбивалентность». Труды, посвященные месту романа в творчестве Г.Д. Гребенщикова и актуальном ему мировом процессе, были представлены А.П. Казаркиным [Казаркин, 2004] и Т.Г. Черняевой [Черняева, 2003]. В частности, Т.Г. Черняева задает читателю следующий вопрос в предисловии к первому в современной России изданию романа: «Вопрос, который не может не интересовать читателя: почему Гребенщиков обратился в своем романе к изображению алтайских старообрядцев?» И отвечает на него таким образом: «Гребенщикова запечат-

лел в раннем творчестве образ Сибири в переломный момент ее существования. В ней многое разрушается и творится заново, происходит переоценка ценностей, жизнь „сокрушает старых, привычных богов и порою никого не ставит на их место“ [Там же, с. 79], ссылаясь на рецензию Василия Анучина к первому тому сборника Г.Д. Гребенщикова «В просторах Сибири». Комплексное изучение романа было представлено в диссертационном исследовании С.С. Царегородцевой [Царегородцева, 2005]. Анализ образа Сибири также представлен Т.Н. Закаблуковой [Закаблукова, 2008]; в статье подчеркивается сложность и многогранность образа региона и описываются два основных элемента, из которых он складывается: природа и быт семьи, причем последний «представлен не только в качестве этнографического описания, но и психологического исследования семейных отношений и их влияния на становление героев» [Там же, с. 58]. Рецепция идеи «Москва — третий Рим» в романе была проанализирована А.Ю. Горбенко [Горбенко, 2013], в статье делается вывод, что данная идея, пройдя долгий путь в идеях и размышлениях героев (в частности, Василия Чураева), «от апокалиптической злобы и всеобщей вражды, принципиально „небратского“ отношения, до смирения и любви, Россия возродится (закономерно, что этот процесс осмысляется автором в евангельских категориях Распятия и Воскресения)» [Там же, с. 299]. В.В. Десятовым был представлен анализ романа в контексте жизнестроительства Г.Д. Гребенщикова [Десятов, 2018]; роман «Чураевы» наряду с деревней Чураевка в шт. Коннектикут, часовней преп. Сергия Радонежского и произведением «Радонега» включается в состав «литературно-архитектурного триптиха». Помимо этого, исследователь продолжает тенденцию к включению Г.Д. Гребенщикова в литературный канон, проводя ряд значимых параллелей с творчеством Н.В. Гоголя. Исследовательская рефлексия над целостным сибирским литературным процессом также отвечает на ряд вопросов, связанных с позиционированием романа в диахронии. В частности, А.В. Смольянинов упоминает о «внутреннем курсе сибирской литературы на крупные эпические и лиро-эпические формы», ответом на который и стала в том числе многотомная эпопея «Чураевы» [Смольянинов, 2024, с. 8]. Тем не менее, несмотря на обширную историю изучения романа «Чураевы», связь темы старообрядчества в тексте романа-эпопеи и особого контекста иноязычного творчества и авторизованных переводов Г.Д. Гребенщикова остается не вполне охваченной современными исследованиями и создает лакуну в изучении творческого наследия писателя.

Роман также был высоко оценен современниками. Иллюстративным примером является высокая оценка романа Ф.И. Шаляпиным: «Да разве о „Чураевых“ так просто напишешь? Это, батюшка, в письмо не укладывается. Восторг вызывают „Чураевы“ у меня в душе огромный, и не могу разобраться точно — они ли, разнородные братья, отцы ли их, обычай ли или природа, так просто и так кованно написанные Вами, умиляют душу мою, — но признаюсь Вам: с „Чураевыми“ я горжусь, что я русский, и с завистью жалею, что не сибиряк» [Росов, 2023, с. 176].

Кроме того, существует достаточно обширная рецепция романа в европейских газетах. Небольшая коллекция этих материалов хранится в ГМИЛИКА и была предположительно собрана Г.Д. Гребенщиковым или Т.Д. Гребенщиковой. В архиве представлены заметки не только на английском, но и на французском, итальянском, датском, чешском и иврите. На французском языке было найдено 8 заметок, на скандинавских языках 5, на итальянском 3, на немецком 2, на чешском и иврите по 1 заметке [Масяйкина, 2021].

В зарубежной газетной рецепции Г.Д. Гребенщиковых предстает в первую очередь автором «Чураевых» и в качестве основателя Чураевки одним из культурных лидеров русского зарубежья в США. Нельзя не отметить рефлексию концепта «сибирскости»: к примеру, в рубрике «Фельетон» газеты «Journal des débats» 10 апреля 1923 г. вышла заметка «Une épopée russe-sibérienne Les Tchouraieff de M. Georges Grebenschchikov» [Русско-сибирская эпопея Чураевы от Георгия Гребенщикова (прим. — *Перевод Е.Я.*)], где, как можно видеть, автор не ограничился одним культурно-этническим маркером, но обозначил один из ключевых трудов Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» как *русско-сибирскую эпопею* (прим. — *Курсив Е.Я.*), объединив в один концепт два близких, но в то же время не синонимичных региональных понятия.

Нельзя также не отметить рецензию Анри Монго (Henri Mongault), переводчика романа на французский язык. Текст опубликован в издании «Le Figaro» 13 августа 1922 г. и озаглавлен «Ecrivains Russes en Exil. Un écrivain siberien: Georges Grebenschchikov» [Русские писатели в изгнании. Сибирский писатель Георгий Гребенщикова (прим. — *Перевод Е.Я.*)]. В рецензии приводятся биографические сведения о писателе, а также информация об отце, деде и матери Гребенщикова, подчеркивается его сибирское происхождение. Автор рецензии прочит Гребенщиковой занять «видное место в новой литературе будущей России», а также приводит не только обзор-аннотацию романа, переводчиком которого является, но и перечисляет уже вышедшие произведения Гребенщикова, включая как отдельные рассказы, так и сборники, причем

заглавия даются на французском языке: «В горных далях» (1913–1914), «Змей Горыныч» (1916), «Степь да небо» (1917), «Любава» (1918) и др. Данный факт косвенно подтверждает, что Г.Д. Гребенщиков был уже достаточно известен во Франции к моменту выхода романа. В том же году вышла рецензия известного французского критика и общественного деятеля первой половины XX в. Камиля ле Сена (Camille le Senne) «*Livres et auteurs. Les Tchouraiev*» [Книги и авторы. Чураевы (прим. — *Перевод Е.Я.*.)]. Источник данной рецензии, к сожалению, не удалось установить, однако сам факт появления данного текста на страницах французской прессы также является иллюстративным примером читательского интереса к произведениям Гребенщикова.

Перевод первого тома романа «Чураевы», «Братья» [Селиванова, 1940-е], подписанный непосредственно Н.С. Селивановой, найден в архиве в виде машинописной рукописи, 322 л., в хорошей сохранности, с небольшим количеством машинописных помет. Можно датировать данную рукопись началом 1940 г., поскольку подпись на обложке характеризует Гребенщикова как «*author of The Turbulent Giant*» (автор романа «Былина о Микуле Буяновиче», вышедшем в 1940 г.). На некоторых листах обнаружен штамп литературного агентства «Robert Thomas Harby, Inc.», осуществлявшего свою деятельность в Нью-Йорке в 1930–1940-х гг. [Bonnet]. Так, можно предположить, что Н.С. Селиванова в начале 1940-х гг. являлась сотрудникой этой организации и работала над переводом «Братьев» в рамках своей официальной деятельности, что может подтверждаться отсылкой к другому уже вышедшему роману Гребенщикова на обложке рукописи.

В исследовании применены методы целостного и переводческого анализа литературного текста, позволившие выявить тематико-мотивные особенности оригинала и его автоперевода. Комплексный подход предполагает не только сравнительное изучение переводного варианта, но и анализ привлеченных источников, что обусловлено спецификой исследуемого материала и способствует адекватному решению поставленных задач.

Результаты исследования

Продуктивным средством выражения комплексной системы образов, связанной со старообрядчеством, является песенный код. Песенный и поэтический код романа «Чураевы» состоит из двух равных частей: народных песен и христианских духовных стихов. Эти произведения создают уникальную картину жизни сибирских крестьян-староверов, в равной степени иллюстрируя их духовную жизнь, радости и го-

рести. В обоих типах текстов переводчик сохраняет оригинальную форму. На иностранном языке воспроизводятся ритм, строфики и иногда предпринимаются попытки сохранить рифму. Духовные стихи в романе представлены четырьмя строфами из первой части романа. Ранее они уже были приведены в статье автора [Яркова, 2024б], однако композиция текущего исследования заставляет привести их еще раз.

Первая строфа относится, согласно авторской ремарке, к одному произведению («он тихо по-старинному запел знакомый стих»), а три оставшихся — к другому («а в памяти вставал другой старинный стих»); кроме того, имплицитно обозначены лакуны.

Таблица 1

**Духовные стихи в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»**

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Ах, пастырю мой прелюбезный, Вскую тако скоро скрыся, Мя остави сиротети — Во вся дни моя скорбети...	Oh, pastor to my heart so dear, Why last thou disappeared so soon, Leaving me orphaned and forlorn To spend my days in sorrow here
Ах, прекрасная пустыня, Прими мя во свои частыни, В тихость свою безмолвну, В палату избранну...	Oh beatific solitude, Receive me in they bosom wide; In the depths of thy silence I have chosen to abide
Покоя и светлых чертогов, Славы и чести премноги — Бегаю аки от змия... Пустыня моя, прими мя!..	Comfort and splendor of palaces, Glory and honors galore, I shun as I would a serpent. Oh solitude, take me therefore.
Пойду в твои луги зрети Многие прекрасные цвети... Пребуду где своя лета До скончания века... (С. 60-61)	To Thy meadows I am coming, To see the store of fragrant flowers. Here shall I spend my days To the last eternal hours. [Селиванова, с. 21-23]

Выявление источников заимствования данных текстов на данный момент является продолжающейся исследовательской задачей; в «Собрании сочинений» (Георгий Гребенщиков. 2006) Г.Д. Гребенщикова эти стихи не были прокомментированы, что оставляет лакуну для научного поиска. В частности, можно закономерно предположить, что Гребенщиклов стилизовал эти поэтические вставки, использовав известные ему старообрядческие духовные стихи, с которыми он познакомился

в ходе своей экспедиции в Горный Алтай в 1909–1910 гг. Тем не менее в очерках «Река Уба и Убинские люди» и «Алтайская Русь» не приводится непосредственных текстов духовных стихов, только указания на то, что церковное пение «старинное, болезненно-ноющее и обязательное надтреснутыми, как бы дребезжащими голосами, производимыми скорее носом, нежели горлом. Слушая это пение, невольно уносишься в первые века христианства, когда, гонимые язычеством, христиане пели где-либо в подземельях, в пещерах и когда, наряду со славословием Бога, они не могли не выразить в голосе своих мученических страданий и скорби» (Георгий Гребенщиков. 1912. С. 55).

Предполагаемым источником для первой строфы является духовный стих «Жалости», относящийся к главе «Рифмы воспоминательны, стихи и плач об Андрее Дионисиевиче, устроителе и предводителе Выговской монастырской общины» сборника «Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола» под ред. Бонч-Бруевича [Бонч-Бруевич, 1908, с. 291]. Что немаловажно, в данном разделе приводятся тексты, относящиеся к поморскому согласию, тогда как герои романа относятся к часовенному согласию. Тем не менее можно предположить, что это несоответствие не является «недоработкой» Гребенщикова, непосредственно знакомого со старообрядческой поэтической и песенной традицией, поскольку данные старообрядческие толки, будучи равно представленными в романе, являются родственными культурно.

Предполагаемым источником для стиха, отраженного в трех последних строфах, является житие об Иоасафе-царевиче [Стихи...], преподном в Православной церкви индийском царевиче, который отрекся от своего царства и принял христианство. Согласно А.П. Кадлубовскому [Кадлубовский, 1915], этот текст отражает наиболее популярный среди сказителей сюжет: диалог царевича Иоасафа с пустыней, «царевич просит пустыню принять его; пустыня указывает на многоразличные трудности жизни в ней; царевич заявляет, что ему не дороги прелести мира, что он готов к подвигу, и что утешаться он будет тем наслаждением природой, которое даст ему пустыня» [Там же]. Это произведение исполняется одним и тем же персонажем, патриархом семьи Фирсом Чураевым, у которого же хранятся священные книги, что дополнительно подкрепляет его особую функцию в сюжете как хранителя традиции, а также актуализирует не только общую историю миграции старообрядцев в Сибирь и на Алтай, но и частную историю семьи Чураевых, бережно хранимую Фирсом Платонычем.

В переводе романа стихи также обрели переложение на английский язык. Н.С. Селиванова сохранила по возможности художественную форму, перенеся ритм, строфическое членение и рифму, однако из парной рифмовки в переводе стала перекрестной. Кроме того, основным изменениям подверглась лексика: там, где в оригинале автор использует церковно-славянскую лексику (*частыня, зрети, вскую*), переводчица находит аналоги, относящиеся к нейтральной лексике (*bosom wide, to see, why*), тем не менее учитывая традицию перевода житийных произведений² (*пустыня — solitude*).

Вторым продуктивным методом конструирования художественной реальности и отображения духовной традиции в романе являются народные песни. Роль песенного нарратива как фактора формирования локусов воображаемой географии и формирования словесной культуры в произведениях Гребенщикова ранее уже была рассмотрена автором [Масяйкина, 2020b], поэтому текущие наблюдения являются закономерным продолжением данного исследовательского цикла.

Таблица 2

**Народные песни в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»**

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Как на травушку роса Пала на муравыньку студеная. Парень девушку любил, спокинул — С руки перстень оставлял... (С. 67)	When the dew was scattered In cool drops on the grass A lad fell in love with a maiden, But soon he left her with only a ring [Селиванова, с. 36]
Ай, не полати-то ли гря-анули, Да по рукам-то девку вда-арили... Ай, как не печь-то повали-илася Да у нас Агафья заручи-илася-а-а... (С. 74)	Oh, it isn't the house that's tumbling down, It's the promised bride has come to town Oh, it isn't the stove that's tumbling down, 'Tis Agafya in her wedding gown [Сели- ванова, с. 49]

² См., в частности, St. John Damascene: Barlaam And Ioasaph (Trans: G.R. Woodward and H. Mattingly; Harvard University Press, Cambridge MA, 1914).

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Да бежит речка, речка бы-ыстрая Да речка быстрая, струистая-а, Ай, как бежит она по камушкам Да по камням, пескам, под го-орушку... (С. 74)	Fast runs the river, The swift river, its waters rippling. Down runs the river, Downhill, through stones and sand [Селиванова, с. 50]
Эй, выйди, мила, на крыльсо-о Да дай с правой руки кольсо-о... (С. 75)	Come out on the step, dear, Give me your ring, dear [Селиванова, с. 52]
Плывите, слезы, плывите горькие. Несите горе мое, несите тяжкое Ко тому ли морю синему, Ко тому ли берегу родимому... (С. 187)	Flow my tears, my bitter tears, Bear my sorrow, me heavy sorrow, To the blue sea, To my native shore [Селиванова, с. 263]
Эй, расчесал-то ли милый ку-удри-и Да костяной-то своей гребеночко-о-ой! Надел шляпу-то черну с лентой Да снарядился-то к миленькой пошел... (С. 217)	Ho, Vanya combed his curly head, With a fine bone-comb he combed his hair; His hat he donned with its ribbon black, And he's off to see his darling fair [Селиванова, с. 317]

На настоящий момент не представляется возможным досконально и полностью установить источники данных текстов, в «Собрании сочинений» источники также не приводятся. Тем не менее для ряда текстов удалось предположить источники авторского вдохновения. В частности, свадебная песня, звучащая в четвертой главе первой части романа, восходит непосредственно к сборнику этнографа М.В. Швецовой «"Поляки" Змеиногорского округа» [Швецова, 1899], входящего в «Записки Сибирского отделения Русского географического общества», кн. XXVI. Текст, приводящийся в сборнике, практически дословно повторяет текст Г.Д. Гребенщикова: «Не полати-то грянули — // По рукам девку ударили. // Что не печь повалилася — // Аннушка заручалася // Со милым дружком, // Со милым дружком // Да с Васенькой» [Там же, с. 80]. Песня, которой Антон зазывает Груню в той же главе, предположительно восходит к песне «Что в нонешнем годочек», зафиксированной в сборнике «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» [Записки, 1902]: «... Прямо к Маше на дворец, // Постучал он ей в окошко: — // Маша, выйди на крылец, // Дай с правой руки колечко // Ради памяти своей» [Там же, с. 80].

с. 172]. Свадебная песня из последней главы романа практически словно повторяет текст «Чесал милый кудри...», записанный в сборнике «Полное собрание этнографических трудов Александра Евгеньевича Бурцева»: «Чесал милый кудри, // Расчесал мил русы, // Пухову иляпту надел, // Шляпочка пухова, // Сибирочка нова» [Там же, с. 191].

Другим способом конструирования старообрядческого текста романа является цитирование Священного Писания и иных христианских текстов. Представляется возможным разделить их на две категории: непосредственно цитаты (например, «Иже возлюбит мать или отца своего паче мене — несть, мене достоин», Мф 10:37), а также стилизация под старообрядческие притчи. Рассмотрим вторую категорию подробнее: в пятой главе первой части Фирс Платоныч пишет своему сыну Василию письмо, в которое включает следующую притчу: «Шла в пустыне некая жена, а ей навстречу муж блаженный, и спрашивает: "Куда бредешь ты, жено"? — "А бреду я в пустыню". — "Чего ты плачешь, жено"? — "А то и плачу, што вдовицей осталась. Было у меня четыре возлюбленных святых мужа: Филарет-патриарх, Иосиф-патриарх, Иоасаф-патриарх и Иов-патриарх. Прииде же Никон-патриарх и убisha их"» (Георгий Гребенщиков. 2013. С. 78). Согласно авторскому жанровому определению, вложенному в уста героя, это «*причта одна, от праведников предание*». Данный текст предваряет основную мысль письма: беспокойство Фирса о назревающем религиозном расколе в их деревне и просьбу к Василию возвратиться, чтобы «*призапастись словесами света истины*», т.е. представить оппозицию к грядущим духовным волнениям. Обнаружить конкретный источник данной притчи на настоящий момент не представляется возможным, однако стоит обратить внимание на ядерный образ святой церкви как вдовы, потерявшей своих мужей по вине патриарха Никона. Данный образ, хоть и не находит отражения в иных источниках, является тем не менее родственным образу патриарха Никона, представляемого староверами в качестве Антихриста. В англоязычной версии притча также присутствует в тексте и переведена фактически дословно: «*A saintly woman was walking along a road leading to the desert when she met a man of God. «Whither art thou going, woman?» «I am going into the desert». «Why art thou weeping, woman?» «I am weeping because I have been left a widow. Four saintly men were the objects of my love: Patriarch Philaret, Patriarch Joseph, Patriarch Jo-siah, and Patriarch Job; but Patriarch Nikon came and slew them all...»* [Селиванова, с. 58–59]. К именам патриархов приводится авторская сноска: «*The predecessors of Patriarch Nikon*» [Предшественники патриарха Никона (прим. — *Перевод Е.Я.*)]. В русскоязычном тексте романа та-

кой сноски нет, это специфическое переводческое решение, объясняющее реалии для англоязычного читателя, предположительно не знакомого с историей раскола православной церкви; данное решение является типичным для англоязычных переложений Г.Д. Гребенщикова [Яркова, 2024b]. Также во фрагменте присутствует ряд лексических переводческих трансформаций: в частности, языковая пара «муж блаженны́й — *a man of God*» [Божий человек (прим. — *Перевод Е.Я.*)], что является описательным переводом, использованным вместо словарного «*blessed*» или «*beatific*», а также модуляция, при которой прилагательное «некая» заменяется переводчицей на «*saintly*» [святая (прим. — *Перевод Е.Я.*)]. Кроме того, Н.С. Селивановой используются устаревшие книжные конструкции «*Whither art thou going?*» вместо современного «*Where are you going?*» [Куда ты идешь? (прим. — *Перевод Е.Я.*)], что является стилистическим аналогом старославянской лексики, использованной в данной притче в оригинале.

Кроме того, самобытным средством конструирования христианского текста в переводе романа является транслитерирование фрагментов песнопений, с пояснением значения в сноске.

Таблица 3

**Фрагменты церковных песнопений в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»**

Г.Д. Гребенщикова. «Чураевы. Братья» (2013)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Господи, помилуй! Господи, благослови!	Gospodi pomilui! Gospodi pomilui! (Сноска: Lord have mercy on us!)
Господи-е, по-ми-елуй. Господи, по-ми-е- лу-ай. Господи-е, по-ми-и-елуй!.. (С. 70)	Gospodi-e po-mi-e-lui-l, Gos-podi-e po- mi-e-lu-ay, Gospodi-e po-mi-i-e-lui-i-. [Селиванова, с. 42-43]

Данное переводческое решение показывает, что для Г.Д. Гребенщикова и Н.С. Селивановой приоритетной является не только передача смысла песнопения, но и его формы, что косвенно подтверждается авторской орографией, имитирующей произношение в русскоязычной версии романа.

Помимо активного использования песенного, поэтического и религиозного нарратива, старообрядческий текст романа продуктивно конструируется за счет использования реалий. Г.Д. Гребенщиков тщательно и дотошно описывает убранство часовни, книги и одежду. Деталь-

ность описаний поддерживается его личным этнографическим опытом, в частности, поездкой на Алтай в 1910 г. Однако интерес писателя скорее лежит в осмыслении и изучении человеческих судеб, нежели в непосредственной этнографии. Как он писал в очерке «На склоне дней его», посвященном Г.Н. Потанину: «Ни Горький не заразил меня „безумством храбрых“, ни Лев Толстой, одобравший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, и ни Г.Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму Ядринцевское, т.е. его, Потанинское, знамя — никто не сделал из меня своего честного последователя».

Одним из ключевых сюжетных элементов романа является противостояние между лидерами двух старообрядческих сект. Главные герои романа — бухтарминские старообрядцы, «каменщики». Фирс Чураев, сам являющийся лидером своего сообщества, отправляет своего сына Василия в Москву для обучения и помощи в богословских делах. Василий стремится стать начетчиком — мирянином, который имеет право на чтение священных текстов, и как начетчик Василий должен быть хорошо знаком со священными книгами, каковое умение он доказывает в последней части романа. В оппозиции к ним находится раскольник Данило Анкудиныч, который, разочаровавшись в вере, отправил своего сына Самойло к поморам в обучение: «Собрат мой о Христе Данило, Анкудинов сын, с зимы отшатнулся от меня и послал Самойлу веру новую искать. По сказам, уплелся он к поморцам... А теперь, слыхать, вернулся и забрел в леса, верст за полсотни от нас к вершине реки, будто там уже свой скит строить зачал» (Георгий Гребенщиков. 2013. С. 79). Так, уже на начальном этапе развития сюжета можно проследить, как герои движутся в поисках и укреплении веры в противоположных направлениях: Василий в Москву, в метрополию, а Самойло, напротив, в наиболее отдаленные области.

Старообрядческий текст романа насыщен непереводимой лексикой, реалиями. К ним относятся слова, обозначающие обрядовую сторону жизни героев: убранство часовни, одежда, книги, терминология.

Таблица 4

Примеры перевода обрядовой лексики в романе «Чураевы»
и переводе «The Churayev Brothers»

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (1913)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Поче это Самойло твой в поморские скиты убрел? (С. 54)	Why did your Samoilo go to the hermitages of that God-forsaken sect on the Coast? [Селиванова, с. 9]

Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы. Братья» (1913)	Н.С. Селиванова. «The Churayev Brothers»
Фирс Платоныч ждет, что он начетчиком на всю округу будет — для этого и в ученье отдал с малых лет (С. 58)	Fiers Platonich had wanted him to be the dominie for the entire district, and so had sent him to the capital to prepare for this position when the boy was still in his teens [Селиванова, с. 18]
— Этот постоит за истинную веру!.. — гордо говорит Чураев. — Этот не поддается выписным миссионерам! (Там же)	“He will stand up for the old faith,” Churayev was heard to remark his pride. “He won’t yield to those imported missionaries.” (Comm.: of the Established Church, — the Greek Orthodox) [Там же]
Беда их в том, что жених-то беспоповец, как и все чураевские прихожане, а невеста из спасовского согласия (С. 73)	Their trouble was that the bridegroom belonged to the “priestless” sect, like Churayev and his parishioners, while the bride was a member of the separatist zealots, the “Brotherhood of the Saviour” [Селиванова, с. 49]
Окрумия спасовцев в горах объявились самокрестьи и дырники, прости их Господи. Потом беглопоповцы да федосеевского толку (С. 79)	Too many faiths have sprung up in our district at the present time. Besides the Brotherhood of the Saviour, the self-immersing Baptists and the Dirniki have come to our mountains, may the Lord forgive them. Then also the fugitive priests and the fanatic followers of Fedoseev [Селиванова, с. 60]

Отдельного внимания здесь заслуживает перевод названий многочисленных старообрядческих толков и согласий. Н.С. Селиванова при переводе пользовалась преимущественно описательным переводом, заключая в него имплицитное пояснение для читателя о характере упоминаемого согласия (тем не менее перевод «беглопоповцев» как «беглых священников» не совсем верен, переводчиком была допущена метонимическая неточность), за одним исключением: название «дырники» было транслитерировано и отмечено сноской, не сохранившейся в рукописи. Можно предположить, что в сноске приводилось объяснение, почему данное согласие имеет именно такое название.

Мотив поиска Бога становится сквозным и проявляющимся на уровне нескольких персонажей: Фирс Платоныч ищет Бога в природе, в разумерной жизни, в преемственности семейной религиозной традиции и лидерстве над общиной, однако теневая сторона его жизни неизбежно проявляется по мере развития сюжета романа: в последней части романа Василий узнает об утопившейся девушки и внебрач-

ном сыне-разбойнике своего отца. Данило Анкудинич в процессе поисков Бога отрекается от общины Фирса, принимая новое крещение в реке, однако этот поиск не останавливает его от своих мрачных ошибок, и его духовный поиск приводит к тому, что черничка Ненила погибает голодной смертью. Из младшего поколения героев в конечном счете к поискам Бога приходит Василий Чураев, что артикулируется устами профессора в finale романа: «*Беспокойный он у вас, все Бога ищет настоящего...*» (С. 220). Так, целью подробного изображения реалий старообрядческой жизни является в первую очередь иллюстрирование поисков Бога героями. Г.Д. Гребенщикова с этнографической правдивостью изобразил бытование различных старообрядческих согласий и существующее вследствие этого очень дробное сообщество, в котором нет вертикали и каждый герой ищет того Бога, которого сам может найти. Согласно С.С. Царегородцевой, «для создания образа одного из главных героев первой части эпопеи, Фирса Чураева, прообразами послужили, прежде всего, герои очерка „Река Уба...“ — вождь старообрядчества из Выдрихи А.П. Фирсов и верхнеубинский старообрядческий начетчик И.Ф. Егоров. <...> Встреча автора романа с И.Ф. Егоровым повлияла не только на формирование образа Фирса Чураева, но определила основную сюжетную линию всей художественной хроники — выполнение сыном духовного завещания отца — отыскать и защитить истинную веру» [Царегородцева, 2005, с. 38].

Заключение

Старообрядческий текст первого тома романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и его авторизованного перевода, выполненного Н.С. Селивановой, складывается из нескольких составляющих. Духовные стихи являются первым элементом, слагающим данный текст в произведении. Для текстов, представленных в речи Фирса Чураева, также были установлены источники: духовный стих «Жалости» и житие об Иоасафе-царевиче. Также старообрядческий текст составляют народные песни, преимущественно свадебные; важно отметить, что частично установленные источники данных текстов географически также относятся к Сибири, Алтаю и Северному Казахстану. Третьей составляющей становится безэквивалентная лексика, в частности, религиозные реалии, а также прямые цитаты из Священного Писания и церковных песнопений. Перевод Н.С. Селивановой преимущественно носит доместицирующий характер, что выражается активным использованием сносок и стратегией описательного перевода реалий. Поэтические и песенные вставки в романе были переведены с сохранением формы, ритма

и в некоторых случаях рифмовки оригинала, однако же практически во всех случаях церковнославянская лексика заменяется при переводе на нейтральную, что лишает перевод значимого лексического средства выразительности.

Библиографический список

Анисимов К.В. Тема «старого обряда» и Сибирская литература начала XX века // Культура и текст. 1997. № 2. С. 96-97.

Горбенко А.Ю. Идея «Москва — третий Рим» в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 295-299.

Десятов В.В. Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5-18.

Закаблукова Т.Н. Образ Сибири в семейной хронике романов Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и В.Я. Шишкова «Угрюм-река» // Мир науки, культуры, образования, 2008. № 1. С. 57-59.

Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этнографии. Т. I. Вып. I. Красноярск. 1902. 199 с.

Кадлубовский А.П. К истории русских духовных стихов о преподобных Варлааме и Иоасафе. Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1915. 25 с.

Казаркин А.П. Георгий Гребенщиков и областничество // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 290-294.

Масяйкина Е.В. Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020а. 196 с.

Масяйкина Е.В. Песенный нарратив как выражение словесной культуры Сибири в сказке Г.Д. Гребенщикова «Хан-Алтай» и ее англоязычном автопереводе // Вестник Томского государственного университета. 2020б. № 455. С. 12-18.

Масяйкина Е.В. Наследие Г.Д. Гребенщикова в рецензии Генриха Блока в газете «Prager Presse», 16 января 1925 г. // Немецкий язык в Томском государственном университете : 120 лет истории успеха : мат-лы III Международного научного форума (12–14 октября 2021 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. С. 75-83.

Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола : в 5 вып. / под ред. Бонч-Бруевича В. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1908. Т. 1. Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты. 314 с.

Росов В.А. Вокруг монографии «Шаляпин». Избранные письма Георгия Гребенщикова и Федора Шаляпина. Алтай. 2023. № 3. Электронный ресурс: <https://журнальныймир.рф/sites/zhurmir/files/pdf/altay-2023-3-176-203.pdf>

Селиванова Н.С. The Churayev Brothers : [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65489.

Смольянинов А.В. Сибирские коллективные литературно-художественные сборники второй половины XIX в. как метатексты : автореф. дис. ... канд. филол. н.: 5.9.1. Томск, 2024. Электронный ресурс: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:001148507>

Собрание англоязычных сочинений и автопереводов Г.Д. Гребенщикова. Т. 1 / отв. ред.: Е.В. Яркова; подгот. текста: Е.В. Яркова, Н.Е. Никонова, В.Н. Карпухина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2024. 414 с.

Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. Электронный ресурс: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtlsls:000197727>

Черняева Т.Г. Георгий Гребенщиков и его роман «Чураевы». Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания : коллективная монография. Томск: Сибирика, 2003. 215 с.

Швецова М.В. «Поляки» Змеиногорского округа. Омск, 1899. Электронный ресурс: <https://www.prplib.ru/item/1176620>

Яркова Е.В. Духовные стихи в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и англоязычном переводе Н.С. Селивановой // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов XI (XXV) Международной научно-практической конференции молодых ученых (18-20 апреля 2024 г.). Томск, 2024а. Вып. 25. С. 510-515.

Яркова Е.В. Произведения Г.Д. Гребенщикова в авторизованных переводах Н.С. Селивановой: к определению степени авторизации англоязычных текстов писателя // Вестник Томского государственного университета. 2024б. № 501. С. 52-59.

Bonnet H.M. It was never that much fun! The Pulp Net. Электронный ресурс: <https://thepulp.net/pulp-articles/it-was-never-that-much-fun>

Источники

Гребенщиков Г.Д. Река Уба и Убинские люди. Алтайский сборник. Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа. 1912. С. 1-80.

Гребенщиков Г.Д. Чураевы. Братья. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Сибирь. Барнаул. 2013. С. 47-220.

Гребенщиков Г.Д. На склоне дней его // Сибирские огни. 2004. № 12. Электронный ресурс: <https://www.sibogni.ru/content/na-sklone-dney-ego>

Стихи об Иоасафе-царевиче. Духовная поэзия. Русская вера. Электронный ресурс: https://ruvera.ru/lib/stihi_ob_ioasafe_careviche

References

Anisimov K.V. Theme of the "Old Rite" and Siberian Literature of the Early 20th Century. *Kul'tura i tekst* = Culture and Text, 1997, no. 2, pp. 96-97. (In Russian)

Gorbenko A.Yu. Idea «Moscow is the Third Rome» in the novel of G.D. Grebenschikov «The Churaevs». *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* = Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2013, no. 1 (23), pp. 295-299. (In Russian)

Desyatov V.V. Hermitage of arts: life-creating of Georgy Grebenstchikoff. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2018, no. 1, pp. 5-18. (In Russian)

Zakablukova T.N. The image of Siberia in the family chronicle of novels by G.D. Grebenschikov «Churaevy» and V. J. Shishkov «Ugrum-River». *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = The World of Science, Culture, Education, 2008, no.1, pp. 57-59. (In Russian)

Notes of the Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Russian Geographical Society. On ethnography, vol. I, iss. I, 1902. 199 p.

Kadlubovskiy A.P. On the History of Russian Spiritual Poems about the Venerables Barlaam and Joasaph, Varshava, 1915. 25 p. (In Russian)

Kazarkin A.P. Georgy Grebenschikov and Regionalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2004, no. 282, pp. 290-294. (In Russian)

Masyaykina E.V. Literary heritage of Siberian regionalism: based on the archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenschikov. Thesis of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2020a. 196 p. (In Russian)

Masyaykina E.V. The song narrative as an expression of the verbal culture of Siberia in George Grebenstchikoff's fairy tale "Khan Altai" and its English self-translation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2020b, no. 455, pp. 12-18. (In Russian)

Masyaykina E.V. George Grebenschikov heritage in the review by Heinrich Block in "Prager Presse", January 16, 1925. *Nemetskiy yazyk v Tomskom gosudarstvennom universitete* = German language at Tomsk State University, 2021, pp. 75-83. (In Russian)

Materials for the history and study of Russian sectarianism and schism: in 5 iss., ed. V. Bonch-Bruevich, St. Petersburg, 1908, vol. 1, Baptists. Beguny. Dukhobortsy, L. Tolstoy on Skopchestvo, Pavlovtsy. Pomortsy, Old Believers, Skoptsy, Stundists, 314 p. (In Russian)

Rosov V.A. Around the monograph "Chaliapin". Selected letters of George Grebenshchikov and Fyodor Chaliapin. Altay, 2023, no. 3. Retrieved from: <https://zhurnal'nyymir.rf/sites/zhurmir/files/pdf/altay-2023-3-176-203.pdf>. (In Russian)

State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altay (GMILIIKA). Main Fund. File 65489. 322 pages. Selivanova, N.S. *The Churayev Brothers, rukopis'*, = The Churayev Brothers, manuscript. (In Russian)

Smolyaninov A.V. Siberian collective literary and artistic collections of the second half of the 19th century as metatexts: abstract of a Philology Cand. Diss: 5.9.1 Tomsk, 2024. Retrieved from: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:001148507>. (In Russian)

Collected English-language works and self-translations by George Grebenshchikov. Vol. 1 Ed.: E.V. Yarkova; Text Prep.: E.V. Yarkova, N.E. Nikonova, V.N. Karpukhina. Tomsk Publishing House of Tomsk State University, 2024. 414 p. (In Russian)

Poems about Tsarevich Ioasaph. Spiritual poetry. Russian faith. Retrieved from: https://ruvera.ru/lib/stihi_ob_ioasafe_careviche. (In Russian)

Tsaregorodtseva S.S. George Grebenshchikov novel "The Churaevs" in the socio-cultural context of the era. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2005. Retrieved from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000197727>. (In Russian)

Chernyaeva T.G. George Grebenshchikov and his novel «The Churaevs». *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury. Opyt samoapisaniya. Kollektivnaya monografiya* = Siberia in the context of world culture. An attempt at self-description. Collective monograph. Tomsk, 2003. 215 p. (In Russian)

Shvetsova M.V. "The Poles" of the Zmeinogorsk district. Omsk, 1899. Retrieved from: <https://www.prlib.ru/item/1176620>. (In Russian)

Yarkova E.V. Christian poems in "The Churayev brothers" novel by G.D. Grebenstchikoff and N.S. Selivanova's translation. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* = Actual problems of linguistics and literary studies, Tomsk, 2024, iss. 25, pp. 510-515. (In Russian)

Yarkova E.V. George Grebenstchikoff's works in authorized translations by Nina Selivanova: To the identification of English-language texts authorization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2024, no. 501, pp. 52-59. (In Russian)

Bonnet H.M. It was never that much fun! The Pulp Net. Retrieved from: <https://thepulp.net/pulp-articles/it-was-never-that-much-fun>

List of Sources

Grebenshchikov G.D. The Uba River and the Ubinsky People. Altayskiy sbornik = Altai Collection. Barnaul, Tipo-Litografija Glavnogo Upravlenija Altajskogo okruga, 1912, pp. 1-80. (In Russian)

Grebenshchikov G.D. Churaevs. Brothers. Sobranie sochineniy v shesti tomakh. T. 1 : Sibir'. = Collected Works in Six Volumes, vol. 1, Siberia, Barnaul, 2013, pp. 47-220. (In Russian)

Grebenshchikov G.D. In the declining years of his life. Sibirskie ogni = Siberian Flames, 2004, №12. Retrieved from: <https://www.sibogni.ru/content/na-sklone-dney-ego>. (In Russian)

**ВЕЩЕСТВОВАНИЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЩИ
КАК ПРИЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
ПОВСЕДНЕВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ
ПРЕДМЕТНЫЕ ДЕТАЛИ
(ПО РАССКАЗАМ М.А. ОСОРГИНА)**

Н.М. Сухих

Ключевые слова: М.А. Осоргин, существование, повседневность вещи, приемы художественного воплощения повседневного пространства, функции повседневности

Keywords: Mikhail A. Osorgin, *reexistentia*, everyday life of a thing, techniques of artistic presentation of the everyday room, functions of the everyday life

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-02](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-02)

Введение

Детали повседневной жизни человека являются неотъемлемой частью художественного мира большинства литературных произведений. Автор может акцентировать внимание читателя на еде, костюме, интерьере и на вещах, окружающих человека ежедневно. Вещи иллюстрируют типы изображаемой в произведении повседневности (домашняя, рабочая, учебная и т.д.), отражают культурные и исторические особенности эпохи, дополняют характеристику персонажей. Вещный мир является ключевой частью повседневности, образом которой в последнее время уделяется все больше внимания в литературоведении. В поле зрения исследователей попадает специфика повседневности в приходской [Леонов, 2021], деревенской [Дубровская, Осовский, 2023], эмигрантской [Комарова, 2021] прозе.

Проблема повседневности изучается в современном отечественном литературоведении на материале творчества зарубежных и российских писателей [Леонов, 2021; Струкова, 2023], а также писателей-эмигрантов [Демидова, 2018; Комарова, 2021]. О вещах и вещном мире написано множество научных работ [Чудаков, 1992; Хайдеггер, 1993; Топоров, 1995; Цивьян, 2001; Хализев, 2002; Хайдеггер, 2008; Миллионщикова, 2019; Давыдова, 2021; Хонг, 2021; Борисова, Дайнеко, 2023 и др.]. Это, а также интерес к эмигрантской литературе в исследовательском

контексте указывает на актуальность освещаемой темы. Современное научное поле включает в себя анализ мемуарных текстов первой волны русской эмиграции [Мегрелишвили, 2019; Резник, Чепуринова, Шилова, 2022], творчества отдельных писателей второй волны [Коновалов, 2019; Чернов, Максимова, 2021], отражения политических реалий в прозе эмигрантов третьей волны [Шаравин, 2021].

Для работы с понятием повседневности в художественных текстах мы будем опираться на определение, аккумулирующее разные теоретические подходы [Сухих, 2023]: повседневность — это будничный мир персонажа, состоящий из совокупности пространственно-временных характеристик (пространство — домашнее, рабочее, уличное; время — утреннее, дневное, вечернее, ночное) и ежедневных, повторяющихся практик (умывание, принятие и приготовление пищи, наведение порядка и т.п.). Такая трактовка подразумевает наполненность повседневности вещами — в домашнем и рабочем (интерьер), а также уличном пространстве (здания, транспорт, вывески и т.д.). Ежедневные практики невозможны без использования вещей: одежды, мебели, кухонной утвари, предметов гигиены и др.

В литературе существуют различные способы изображения вещи. «Вещи могут “подаваться” писателями либо в виде некой “объективной” данности, бесстрастно живописуемой <...>, либо как чьи-то впечатления от увиденного, которое не столько живописуется, сколько рисуется единичными штрихами, субъективно окрашенными» [Хализев, 2002, с. 240–241]. Например, для иллюстрации вещного мира в произведениях Л.Н. Толстого характерен прием острания, заключающийся в описании вещи как впервые увиденной, с использованием названий соответственных частей других вещей (при этом сама вещь не называется своим именем) [Шкловский, 1929, с. 14]. Для изображения пейзажных картин и интерьера в гоголевской прозе характерен принцип необычности, доведения какого-либо качества до крайних пределов [Чудаков, 1992, с. 28]. В описании вещей интерьера у Ф.М. Достоевского обнаруживается мнимая детальность и эмоционально-оценочная лексика, вещам придаются свойства сиюминутного восприятия рассказчика [Там же, с. 95–96].

Одной из характерных особенностей литературы первой волны русской эмиграции XX в. можно назвать особое отношение к бытовому и вещному миру как к миру утраченной реальности. Например, в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» «предметы, вещи повседневного обихода утрачивают свое утилитарное значение, обретают символический смысл, становятся “вещами-знаками”, призванными вы-

полнять эстетическую функцию» [Пустовойтова, 2011, с. 8]. Для прозы М.А. Алданова характерно воспроизведение вещного мира как необходимого сопровождения человеческого существования [Агеносов, 1998, с. 178]. В творчестве А.М. Ремизова обнаруживается особая привязанность к вещам и раскрывается тема разрушения вещного мира [Цивьян, 2001, с. 127–128]. В.В. Набоков восхищается поэтикой вещи [Левинг, 2004, с. 40], его «преследует не только тоска по “утраченному раю” детства, но переживание разорванной связи с навсегда утраченными вещами» [Там же, с. 42].

М.А. Осоргин о своем отношении к вещам размышляет в мемуарном романе «Времена». Он выделяет две категории «счастливцев». Первые всю жизнь проводят в своем доме, «их письменные столы, регистраторы, ящики их комодов, кладовые наполнены прекрасной рухлядью вещественных доказательств их быта» (Осоргин, 1992, с. 546). Вторые скитаются по свету, но у них есть «чемодан, вмещающий самое ценное, ветхое и новое; трогательную собственность» (Там же). М.А. Осоргин не относится ни к первым, ни ко вторым (тюремные заключения, высылки и переезды не позволили сохранить нажитое), но подчеркивает: «я очень люблю вещи и вещицы» (Там же).

Следует отметить, что творчество М.А. Осоргина в литературоведческих исследованиях чаще всего рассматривается с точки зрения поэтики и анализа жанрово-стилистических особенностей [Марченко, 1994; Сваровская, Хатякова, Жлюдина, 2011], отражения исторического времени [Бортновски, 2016], философских воззрений автора [Боравская, 2007; Мужайлова, 2008] и др. О сходстве прозы М.А. Осоргина и Н.В. Гоголя в контексте вещного мира на примере рассказов «Вещи человека» (1927), «Пенсне» (1924), «По поводу белой коробочки» (1938) и др. рассуждает Н.В. Барковская в статье «Апология Плюшкина: М. Осоргин и В. Топоров» [Барковская, 2006]. Особого внимания заслуживает работа, посвященная онтологии и пространству вещи в малой прозе писателя [Хатякова, 2019]. Проанализированный научный контекст позволяет обосновать новизну предпринятого исследования и необходимость изучения повседневности как части художественного целого в творчестве М.А. Осоргина.

Методы и материал исследования

В произведениях писателя складывается особая художественная специфика изображения вещи. Для раскрытия этой специфики мы будем опираться на интерпретацию термина «веществование», предложенную философом и филологом М.Н. Эпштейном. Отметим, что впер-

вые термин «веществование» встречается в эссе М. Хайдеггера «Вещь». Немецкий философ рассуждает о вещи на примере полной чаши, существо которой — это «многосложно простое собирание», а «*подношение собирает в себе то, что входит в поднесение: двоякое вмещение, вмещающее пустоту и выливание поднесенного*» [Хайдеггер, 1993, с. 321]. На вопрос: «*Каким способом существует вещь?*» он отвечает: «*Вещь существует. Веществование собирает*» [Там же]. Веществование по М. Хайдеггеру — это способ существования вещи, проявляющийся в ее «собирании», в полноте своего бытия.

О существовании как о способе существования вещи говорит и М.Н. Эпштейн. Согласно его «Проективному словарю гуманитарных наук», существование — это «*особый способ существования вещей, имеющий свое духовное измерение и ставящий перед человеком эзистенциальные и этические проблемы*» [Эпштейн, 2017, с. 114]. Отталкиваясь от этого определения, мы будем понимать под существованием прием описания особого способа существования вещей в художественном произведении, имеющего свое духовное измерение и ставящего перед персонажем эзистенциальные и этические проблемы (курсив наш. — **Н.С.**). Такая трактовка термина не противоречит жанру проективного словаря, который формулирует М.Н. Эпштейн. Отличие проективного словаря от традиционного заключается в том, что в последнем даются толкования уже известных слов с опорой на существующие тексты, а в первом предлагаются новые определения, на основе которых может появиться потенциальный текст [Там же, с. 15].

Для углубленного исследования вещи в контексте повседневности мы обращаемся также к другому понятию, иному по содержанию, нежели существование — повседневность вещи, — которое обозначает отражение будничного способа существования исправной вещи в мире художественного произведения, выражавшегося в использовании ее персонажем по назначению. На исправности вещи мы делаем особый акцент, поскольку неисправная вещь перестает быть необходимой человеку (персонажу) в обычных условиях. Отметим, что о повседневности вещи и существовании можно говорить только в случае взаимодействия персонажа с вещью, т.е. в описании данных аспектов повседневности важное значение приобретают субъектно-объектные отношения внутри повествовательной ткани произведения. Изображение существования и повседневности вещи в литературном произведении мы рассматриваем как приемы художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали.

Целью нашего исследования является анализ повседневного пространства рассказов М.А. Осоргина «Часы» (1929) и «Портрет матери» (1927) на основе соотнесения понятий «веществование» и «повседневность вещи» и выявления их инструментальной ценности. Методологическая основа исследования включает в себя герменевтический и компаративистский методы.

Результаты исследования

Главная героиня рассказа «Часы» — бабушка Татьяна Егоровна, чья повседневная реальность сосредоточена в комнате (пространственная характеристика) и сопряжена с определенными предметами (элементы вещного мира) — рабочим столиком и каминными часами. Рабочий столик — «*пузатый с перламутром на крышике и бронзой по скату ножек*», внутри него «*иголки всякого размера и нитки любого цвета*» (Осоргин, 1999, с. 432), а еще пуговицы, цветные лоскутки и отделение для писем. Часы «*старинные и драгоценные*», «*великой красоты*», их поченный возраст подчеркивается замечанием, что мастера, их создавшего, «*давно не было на свете*» (с. 433). Двадцать лет назад их бой разладился, и чтобы узнать, который час, бабушка прибавляла к тому времени, которое они отбивали, еще три часа. Неисправность часов говорит о нарушении их будничного способа существования, но именно их особый бой задает привычный ритм повседневного уклада жизни Татьяны Егоровны и приносит ей умиротворение. Таким образом, в этом рассказе Осоргина наблюдается два приема художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали: повседневность вещи — в описании рабочего столика, которым бабушка пользуется по назначению изо дня в день, и веществование часов.

В рассказах «Портрет матери» и «Часы» по-разному выстраивается хронология описываемых событий, но схоже передана пространственная характеристика. В последнем действие разворачивается в одном и том же месте (квартире бабушки) за сравнительно небольшой период времени (около недели). В «Портрете матери» сжато изложена почти вся жизнь героини, но она передана также через определенные пространственные координаты — координаты дома (большинство эпизодов, где описывается главная героиня, показывают ее читателю в домашней обстановке).

В «Портрете матери» тоже представлена такая деталь, как рабочий столик, за которым героиня может разнообразить свой досуг. Кроме того, в ее повседневности есть обязательный ритуал: она «*каждый день, от института до смерти, занималась по утрам иностранными языками*»

ми по сохранившейся институтской книжке: французским, немецким и английским» (с. 416). Вещные миры матери («Портрет матери») и бабушки («Часы») перекликаются: обе женщины проводят большую часть свободного времени за рабочим столиком, и у каждой из них есть особенная вещь, без которой они не представляют своей будничной жизни: институтская книжка и часы.

Рабочий столик в «Часах» описан подробнее, чем в «Портрете матери». В последнем он «с откидной крышкой, с яичками, полочками», сравнивается с «городком рукоделия» (с. 418). По нашему мнению, минимальная детализация в изображении столика связана с автобиографичностью рассказа. Прототипом главной героини в нем стала мать Осоргина. Подтверждение тому можно найти в мемуарной книге «Времена»: «приезжая на каникулы, я находил ее такой же выдержанной, <...> и по старой привычке ежедневно занимавшейся четырьмя иностранными языками — французским, немецким, английским и польским, — знание которых она не имела случая применять на практике в провинциальном городе» [Осоргин, 1992, с. 534]. В «Портрете матери» автору важно запечатлеть хронику жизни главной героини, а повседневность и вещи выступают лишь фоном для ее истории, поэтому акцент сделан не на самой вещи, а на действиях персонажа: за рабочим столиком мать «штопала, вышивала, чинила белье, читала, раскладывала пасьянсы» (с. 418).

Институтская книжка описывается лишь при первом упоминании в рассказе: «Эта книжка, толстая, переплетенная в кожу и за полвека ежедневного употребления оставшаяся чистой и непотрепанной, содержала параллельный перевод изысканных выражений на трех языках» (с. 416). В последующих появлениях книжки в тексте используются только глаголы: «открывала институтскую книжку и шепотком повторяла старинные фразы <...>» (с. 419), «беднее стало у мамы в квартире. Все старенько. Сама, в черном старомодном платье, сидит за книжкой, передвигает закладку, шепчет английские фразы» (Там же).

С одной стороны, никакой необходимости в повторении этих слов из книжки у героини нет: она почти не общается с иностранцами (их не часто встретишь в провинции), не читает иностранных книг или прессы. К тому же книжка содержала «перевод изысканных выражений» (с. 416) на языке «изощренном, старинном, на каком не только говорить, а и писать уже перестали» (Там же). С другой стороны, когда рассказчик стал студентом и начал работать в газетах, мать помогала ему переводами небольших рассказов и иностранной почты. В этом реализуется практическая значимость институтской книжки, что позволяет говорить о реализации приема повседневности вещи. Но помошь ма-

тери сыну скорее исключение, чем правило: она не могла знать наверняка, что ее языковые навыки пригодятся в будущем. Суммируя выше-сказанное, отметим, что существование преобладает над повседневностью в описании институтской книжки, ежедневное повторение иностранных слов стало для героини обязательным ритуалом, неотъемлемой частью ее жизни. За долгие годы мать могла выучить наизусть выражения из книжки и повторять их, не открывая ее, но именно ритуальность действия, ежедневное использование книжки говорит о приеме существования.

Реализация существования как приема художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали в рассказах Осоргина отличается от приема изображения повседневности вещи. И в «Часах», и в «Портрете матери» существование обязательно означает звук, ритм, музыкальность. Бой часов — это звон трех колокольчиков. Волшебство их звона передается даже внуку Татьяны Егоровны: «Какой у них бой чудесный! <...> Вот в горах так бывает, когда часы бьют в какой-нибудь далекой деревушке» (с. 434). Героиня в «Портрете матери» «шепотком повторяла старинные фразы — по-французски, по-немецки, по-английски» (с. 419). Сочетание трех языков, отличающихся разной мелодичностью и звучанием, отражает музыкальность обязательного ритуала матери.

При анализе повседневности как элемента художественного целого, помимо двух приемов художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали, можно выделить ряд функций повседневности (в двух системах координат: произведение — читатель и герой — произведение, т.е. при рецептивном воплощении и создании художественного единства).

Характерно, что в обоих рассказах в центре внимания женская повседневность. Поэтому неслучайно в них упоминается рабочий столик — необходимый помощник женщины в конце XIX — начале XX в. Чрез изображение рабочего столика читатели узнают об основных повседневных занятиях женщин того времени. Здесь реализуется сразу две функции повседневности: познавательная функция (на рецептивном уровне) и функция дополнения характеристики персонажа (художественный уровень). Проводить время за рабочим столиком свойственно только бабушке и матери, это обязательная часть ежедневного жизненного уклада этих героинь.

Прием существования при описании часов иллюстрирует охранную функцию повседневности в системе герой — произведение. После починки часов внуком Татьяна Егоровна грустила, исправный бой

не приносил ей удовольствия: «когда приходит им время звенеть далекими колокольчиками, бабушка вздыхает и как-то неохотно слушает» (с. 436). А как только бой часов разладился и все вернулось на круги своя, «сошло в душу бабушки как бы сияние: и странно это, и смешно, а уж так хорошо, точно провели по сердцу ласковой рукой» (с. 437), и героиня почувствовала умиротворение: «бабушка заснула, вся утонув в улыбке и спокойствии» (Там же). Охранная функция повседневности реализуется в приеме веществования часов, так как в данном случае неисправность связана не с непригодностью вещи, а с привычным для Татьяны Егоровны укладом жизни.

В «Портрете матери» прием веществования при описании институтской книжки выполняет функцию повседневности дополнять характеристику персонажа, в данном случае — психологическую характеристику. Здесь важна роль субъектно-объектных связей, отражающих взаимодействие героя с вещью. Если Татьяна Егоровна только слушает бой часов, т.е. пассивно вступает во взаимодействие, то героине «Портрета матери» характерна позиция активного общения. Конечно, это может быть связано с природой самих предметов (каминные часы предполагают от другого позицию наблюдателя, в отличие от книжки, с которой субъект взаимодействует через чтение). Тем не менее тот факт, что за всю свою жизнь мать не пропустила ни одного дня без повторения слов по институтской книжке, вносит определенную характеристику в ее образ.

Она привязана к этой вещи, вещи из ее молодости. «Институткой она осталась до конца жизни» (с. 415). Героиня вышла замуж в семнадцать лет, рано стала многодетной матерью, всю жизнь посвятила воспитанию своих детей. Но несмотря на это, «утром, прежде всяких занятий, открывала институтскую книжку и шепотком повторяла старинные фразы» (с. 418–419). Она прекрасно училась в варшавском институте, но шифра так и не получила. «Вероятно, это было для девочки большим огорчением — мать вспоминала об этом всю жизнь» (с. 415). Утренний ритуал героини стал для нее, с одной стороны, возможностью перенестись в юные годы, а с другой — способом сохранить себя при полной самоотдаче другим (семье).

Заключение

Специфика изображения вещного мира в выбранных рассказах Осоргина раскрывается при помощи двух приемов художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали — веществование и повседневность вещи. Рассмотрение этих приемов

мов при анализе художественного целого позволяет уточнить субъективно-объектные отношения внутри повествовательной ткани произведения, выявить ценностную доминанту в мировоззрении персонажей. В целом анализ приемов существования и повседневности вещи в литературоведческих исследованиях способствует выявлению функциональной значимости повседневности как части художественного целого произведения.

Библиографический список

Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра. Спорт, 1998. 543 с.

Барковская Н.В. Апология Плюшкина: М. Осоргин и В. Топоров // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь, 2006.

Боравская И.Б. Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе М. Осоргина 1920-х годов : автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2007.

Борисова Е.Б., Дайнеко М.В. Ритмико-сintаксическая организация средств создания образа вещного мира в оригинале и переводе романа В. Набокова «Машенька» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 3. <https://www.doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-170-176>.

Бортновски А. Историческое время в эмиграционной прозе Михаила Осоргина. Познань: Ун-т Адама Мицкевича, 2016. 205 с.

Давыдова И.К. Вещный мир в творчестве Н.С. Лескова : автореф. дис. канд. филол. наук. Орел, 2021.

Демидова О.Р. Аксиология эмигрантской повседневности: женский взгляд // История повседневности. 2018. № 1 (6).

Дубровская С.А., Осовский О.Е. Мир деревни в прозе С.С. Кондурушкина 1900-х — начала 1910-х гг. // Вестник угреведения. 2023. Т. 13, № 1 (52). <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-53-62>.

Комарова Т.Н. Проблема повседневности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Art Logos. 2021. № 2 (15). https://www.doi.org/10.35231/25419803_2021_2_92.

Коновалов А.А. «Писательское» осмысление русской литературы в литературно-критических трудах Л.Д. Ржевского // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). <https://www.doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10590>.

Левинг Ю. Вокзал — Гараж — Ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 400 с.

Леонов И.С. Специфика повседневности в приходской прозе XXI в. (на материале рассказа протоиерея Александра Шантаева «В праздник») // Новый филологический вестник. 2021. № 4 (59). https://www.doi.org/10.54770/20729316_2021_4_286.

Марченко Т.В. Творчество М.А. Осоргина: 1922–1942. Из истории литературы русского зарубежья : дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

Мегрелишвили Т. Функционирование библейских метафор изгнания/исхода в мемуарном дискурсе (на материале мемуарных текстов русской эмиграции «первой волны») // Филологический класс. 2019. № 1. <https://www.doi.org/10.26170/fk19-01-06>.

Миллионщикова Т.М. Вещный мир в русской литературе XIX в. глазами американцев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение. 2019. № 3.

Мужайлова Е.А. Ф.М. Достоевский и М.А. Осоргин: типология почвенничества : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008.

Пустовойтова О.В. Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2011.

Резник О.В., Чепурина И.В., Шилова Л.В. Библейские мотивы в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции (анализ аллюзий и цитат) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1.

Сваровская А.С., Хатямова М.А., Жлюдина А.В. Поэтика прозы М.А. Осоргина. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2011. 100 с.

Струкова Т.Г. Литература и повседневность: сопряжение. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. 164 с.

Сухих Н.М. Осмысление повседневности в литературоведческом дискурсе // Acta eruditorum. 2023. Вып. 44. Электронный ресурс: <https://www.doi.org/10.25991/AE.2023.2.44.020>

Топоров В. Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.

Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с.

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Хатямова М.А. «Маленький храм духа»: онтология и пространство вещи в малой прозе М.А. Осоргина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (198). <https://www.doi.org/10.23951/1609-624X-2019-1-97-104>.

Хонг Е.Ю. Характерологическая функция антропоморфной вещи в прозе XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 4. <https://www.doi.org/10.18384/2310-7278-2021-4-99-106>.

Цивьян Т.В. К семантике и поэтике вещи: несколько примеров из русской прозы XX века // Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.

Чернов А.В., Максимова Т.Н. Историко-эстетическая позиция Николая Ульянова в контексте «Ди-Пи словесности» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. Электронный ресурс: <https://www.doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-147-155>

Чудаков А.П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.

Шарапов А.В. Политические реалии советской действительности и их отражение в прозе В. Аксенова и С. Довлатова // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № (2). Электронный ресурс: <https://www.doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-02-130-138>

Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Изд-во «Федерация», 1929. 266 с.

Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 563 с.

Источники

Осоргин М.А. Времена: Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1992. 608 с.

Осоргин М.А. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Московский рабочий; НПК «Интелвак», 1999. 542 с.

References

Agenosov V.V. The Russian Emigre Literature (1918–1996). Moscow, 1998, 543 p. (In Russian).

Barkovskaya N.V. Apology of Plyushkin: M. Osorgin and V. Toporov. *Mikhail Osorgin: Khudozhnik i zhurnalist* = Mikhail Osorgin: Artist and journalist, Perm, 2006, pp. 40–48. (In Russian).

Boravskaya I.B. An Implementation of Physicophilosophical Concept in the Osorgin's Fictional Prose of the 1920s. Abstract of Philol. Cand. Diss, Moscow, 2007, 30 p. (In Russian).

Borisova E.B., Dayneko M.V. Rhythmic and syntactic structure of means to create material world image in V. Nabokov's novel «Машенька» and its English translation «Mary». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, peda-*

gogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology, 2023, vol. 29, iss. 3, pp. 170–176. <https://www.doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-170-176>. (In Russian).

Bortnovski A. The Historical Time in the Osorgin's Emigre Prose. Poznan', 2016, 205 p. (In Russian).

Chernov A.V., Maksimova T.N. Nikolay Ulyanov's historical and aesthetic position in the context of "DP literature". *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, iss. 1, pp. 147–155. <https://www.doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-147-155>. (In Russian).

Chudakov A.P. Word — thing — world. From Pushkin to Tolstoy. Moscow, 1992, 320 p. (In Russian).

Davydova I.K. The Materialistic World in the Leskov's Art. Abstract of Philol. Cand. Diss. Orel, 2021, 19 p. (In Russian).

Demidova O.R. The Axiology of the Emigre Everyday Life: Woman's Point of View. *Istoriya povsednevnosti* = History of the Everyday Life, 2018, iss. 1 (6), pp. 105–118. (In Russian).

Dubrovskaya S.A., Osovskiy O.E. The world of a village in S.S. Kondurushkin's prose of the 1900s and early 1910s. *Vestnik ugrovedeniya* = Bulletin of Ugric Studies, 2023, vol. 13, iss. 1 (52), pp. 53–62. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-53-62>. (In Russian)

Epshteyn M.N. Projective Dictionary of the Humanities. Moscow, 2017, 563 p. (In Russian).

Heidegger M. The Source of Artistic Creation, Moscow, 2008, 528 p. (In Russian).

Heidegger M. The Thing. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* = Time and Being: Articles and Speeches. Moscow, 1993, pp. 316–326. (In Russian).

Khalizev V.E. Theory of literature: textbook. Moscow, 2002, 437 p. (In Russian)

Khatyamova M.A. "The small temple of the spirit": the ontology of space and things in M. A. Osorgin's prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2019, iss. 1 (198), pp. 97–104. <https://www.doi.org/10.23951/1609-624X-2019-1-97-104>. (In Russian)

Khong E.Yu. Characterizing Function of Anthropomorphic Objects in the 20th Century Prose. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2021, iss. 4, pp. 99–106. <https://www.doi.org/10.18384/2310-7278-2021-4-99-106>. (In Russian)

Komarova T.N. The Problem of Everyday Life in I.A. Bunin's Novel "The Life of Arsenyev". *Art Logos = Art Logos*, 2021, iss. 2 (15), pp. 92–103. Retrieved from: <https://www.doi.org/> https://www.doi.org/10.35231/25419803_2021_2_92 (In Russian)

Konovalov A.A. The «writer's» comprehension of Russian literature in literary-critical works of L.D. Rzhevsky. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik = Verhnevolzhski philological bulletin*, 2019, iss. 4 (19), pp. 39–46. (In Russian).

Leonov I.S. The Specificity of Everyday Life in the Parish Prose of the 21st Century (Based on the Story of Archpriest Alexander Shantaev "On a Holiday"). *Novyy filologicheskiy vestnik = New Philological Bulletin*, 2021, iss. 4 (59), pp. 286–295. https://www.doi.org/10.54770/20729316_2021_4_286. (In Russian)

Leving Yu. Station — Garage — Hangar: Vladimir Nabokov and the Poetics of Russian Urbanism. St. Petersburg, 2004, 400 p. (In Russian).

Marchenko T.V. Creativity of M.A. Osorgin: 1922–1942. From the History of Literature of the Russian Abroad. Philol. Cand. Diss. Moscow, 1994, 211 p. (In Russian)

Megrelishvili T. The functioning of biblical metaphor of exile/exodus in a memoir discourse (on the material of memoir texts Russian emigration "first wave"). *Filologicheskiy klass = Philological Class*, 2019, iss. 1, pp. 44–50. Retrieved from: <https://www.doi.org/10.26170/fk19-01-06> (In Russian)

Millionshchikova T.M. The world of things in Russian literature of the 19th century through the eyes of Americans. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: literaturovedenie = Social sciences and humanities domestic and foreign literature. Series 7. Literary studies*, 2019, iss. 3, pp. 123–130. (In Russian)

Muzhaylova E.A. F.M. Dostoevsky and M.A. Osorgin: typology of pochvennichestvo. Abstract of Philol. Cand. Diss. Magnitogorsk, 2008, 23 p. (In Russian)

Pustovoytova O.V. The Phenomenon of Everyday Life in Ivan Bunin's Prose. Abstract of Philol. Cand. Diss. Magnitogorsk, 2011, 19 p. (In Russian).

Reznik O.V., Chepurina I.V., Shilova L.V. The biblical motifs in the autobiographical prose of the first wave of the Russian emigration (the analysis of allusions and quotations). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2022, vol. 8 (74), iss. 1, pp. 92–98. (In Russian)

Sharavin A.V. Political realities of the common reality and their reflection in the prose of V. Aksenov and S. Dovlatov. *Vestnik Bryanskogo gosu-*

darstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald, 2021, iss. (2), pp. 130–138. <https://www.doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-02-130-138>. (In Russian).

Shklovskiy V.B. About prose theory. Moscow, 1929, 266 p. (In Russian).

Strukova T.G. Literature and everyday life: pairing. Voronezh, 2023, 164 p. (In Russian)

Sukhikh N.M. Literature and everyday life: pairing. *Acta eruditorum=Acta eruditorum*, 2023, iss. 44, pp. 101–105. Retrieved from: <https://www.doi.org/10.25991/AE.2023.2.44.020> (In Russian).

Svarovskaya A.S., Khatyamova M.A., Zhlyudina A.V. Poetics of the prose of M. A. Osorgin. Tomsk, 2011, 100 p. (In Russian)

Toporov V.N. Apology of Plyushkin: a thing in an anthropocentric perspective. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* = Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic: Selected Works. Moscow, 1995, pp. 7–111. (In Russian)

Tsiv'yan T.V. On the semantics and poetics of things: several examples from Russian prose of the 20th century. *Semioticheskie puteshestviya = Semiotic Travels*. St. Petersburg, 2001, pp. 121–158. (In Russian)

List of Sources

Osorgin M.A. Collected Works. Vol. 1. Moscow, 1999, 542 p. (In Russian).

Osorgin M.A. Times: Novels and Autobiographical Narrative. Ekaterinburg, 1992, 608 p. (In Russian).

ОБРАЗ РАССКАЗЧИКА В ВОЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ 1916 Г. «ОХВОСТЬЕ»)

Е.В. Лебедева

Ключевые слова: Г.Д. Гребенщиков, образ рассказчика, жанр, композиционное построение, стиль

Keywords: G.D. Grebenschchikov, image of the narrator, genre, compositional structure, style

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-03)

Ведение
Публицистика Г.Д. Гребенщикова представляет собой синтез жанров художественной литературы и публицистики, поскольку автор, будучи корреспондентом «Русских ведомостей» во время Первой мировой войны, в своем творчестве прежде всего остается писателем, художником слова. В процессе анализа публицистического творчества Г.Д. Гребенщикова военного периода [Лебедева, 2023; Лебедева, Чернышова, 2024] было выявлено, что особенности проявления образа автора-рассказчика в тексте влияют на его стилистическую и композиционную структуру, а следовательно, и на жанровую принадлежность публицистики писателя.

Категория образа автора-рассказчика была изучена в работах многих исследователей [Виноградов, 1971; Кожинов, 1978; Орлова, 2008; Широкова, 2014; Солганик, 2014 и др.]. В.В. Виноградов дает следующее определение термина «образ рассказчика»: «...речевое порождение автора, ... форма литературного артистизма автора» [Виноградов, 1971, с. 118]. Е.И. Орлова об образе рассказчика пишет следующее: «...фигура автора-рассказчика организует весь роман, который и строится как беседа автора с читателем, рассказ о том, как пишется (писался) роман, который благодаря этому как будто создается на глазах у читателя. Автор здесь организует и отношения с героями. Причем сложность этих отношений с каждым из героев мы понимаем во многом благодаря своеобразному речевому „поведению“ автора» [Орлова, 2008, с. 12]. По В.В. Кожинову, образ рассказчика — это «один из образов произведения, созданный реальным автором подобно тому, как он создал и все другие образы» [Кожинов, 1978, с. 25]. Опираясь на приведенные определения, под образом

рассказчика мы будем понимать проявление роли автора в тексте и ее взаимосвязь с композиционной и стилистической организацией текста.

Методы и материал исследования

Цель данного исследования заключается в определении типа обра-за рассказчика в публицистике Г.Д. Гребенщикова.

Методика анализа публицистического творчества писателя строится с учетом теоретических работ М.М. Бахтина [Бахтин, 1986] и включает прием жанрового моделирования на основе изучения тематического содержания, композиционного построения и стиля текста. Так же в работе применен метод сопоставительного анализа.

В качестве материала исследования выбран текст Г.Д. Гребенщикова «Охвостье» (Г.Д. Гребенщиков. Охвостье, 1916). Данные, полученные в ходе анализа этого текста, сопоставляются с данными, полученными в предыдущих исследованиях [Лебедева, 2023; Лебедева, Чернышова, 2024].

Текст «Охвостье» был написан в 1916 г., в годы Первой мировой войны, когда Г.Д. Гребенщиков «не только исполнял свой воинский долг, работая санитаром и выполняя гуманитарные миссии помощи беженцам, но и написал более пятидесяти репортажей с фронта для таких изданий, как „Русские ведомости“ и „Киевская мысль“» [Полякова, Будякова, 2022, с. 644]. Анализируемый текст был написан для общественно-политической газеты «Русские ведомости», которая, как отмечает С.Я. Махонина, «...воспринималась как печатный орган передовой русской интеллигенции, следующий традициям служения России и обществу» [Махонина, 2002]. Впоследствии текст «Охвостье» вошел в цикл «Странички военного быта».

Результаты анализа и обсуждение

1. Жанровое своеобразие текста «Охвостье». Тема текста «Охвостье» затрагивает одну из обязанностей Г.Д. Гребенщикова как начальника Сибирского санитарного отряда — помочь беженцам: «*В наши передовой отряд из комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны прислано свыше сорока тюков разного верхнего и нижнего платья для раздачи беженцам. Уполномоченный командировал меня обследовать ближайшие очаги беженцев, чтобы определить степень нуждаемости и собрать некоторые статистические данные*»¹. Во вступлении

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Г.Д. Гребенщиков. Охвостье. 1916. Электронный ресурс: <https://grebensh.narod.ru/>

Г.Д. Гребенщиков обозначает цель своего повествования — он по заданию отправляется *определить степень нуждаемости* беженцев и *собрать некоторые статистические данные*. Изначально поставленная задача определила характер последующего повествования — в тексте мы наблюдаем стилистические и композиционные особенности, которые позволяют отнести его к жанровой форме отчета. Таким образом, мы предполагаем, что перед нами журналистский отчет, включающий статистические данные о степени нуждаемости беженцев.

Отчет — это «информационное сообщение о событии, выраженном в слове, а также мероприятии, на котором присутствует определенная аудитория» [Ворошилов, 2004, с. 221]. В анализируемом тексте таким событием является командировка Г.Д. Гребенщикова в лагерь беженцев с целью сбора статистических данных об условиях их жизни и степени нуждаемости.

Разные исследователи приводят разные параметры описания этого жанра [Тертычный, 2000; Кройчик, 2000; Ворошилов, 2004; Мутовкин, 2006], однако неизменными компонентами в них является деление отчета по цели и особенностям изложения на информационный и аналитический. Информационный отчет представляет собой подробное изложение происходящего в хронологическом порядке, при этом автор напрямую не высказывает своего мнения, но может его выразить посредством расстановки акцентов на каких-либо фактах или деталях. Аналитический отчет, в отличие от информационного, напротив, допускает прямую авторскую оценку и комментарии при изложении наблюдавшего им события.

Как правило, повествование в отчете линейно и ограничено пространственно-временными рамками. Главная задача отчета — предельно объективно изложить происходящее, а его главная жанрообразующая черта — документальное изложение происходящего [Кройчик, 2000]. Также отмечается, что отчету свойственны детализация и изложение подробностей [Там же].

Далее мы определим жанровую принадлежность исследуемого текста путем анализа его композиционной и стилистической организации.

2. Композиционная структура текста «Охвостье». Основным приемом композиционного развертывания текста «Охвостье» является линейное повествование с соблюдением детального описания. Г.Д. Гребенщиков подробно описывает:

— свои действия: «**Я не мог его здесь слушать, так как хотел внимательно, и, утопая в грязи, позвал его за собою на воз-**

дух. И здесь, **вдыхая** полной грудью чистый воздух, я вместе с тем **впитал** в себя и отчетливо запомнил его просьбу»;

— представителей беженцев: «Тут оказались и **одинокие девушки**, оторванные от семей, **жены австрийских солдат**, находившихся у нас в плену, и **многодетные вдовы** убитых австрийских воинов, и **дряхлые старцы**, случайно раненные при боях, и совсем **молодые парни**, которые должны бы быть в рядах австрийских войск, и просто **мирные и простодушные русины...**»;

— их быт: «Возле построек — **ни кола, ни двора, сад срублен, окна большого дома без рам и загорожены грязными досками, крыша и стены полинялые, а перед фасадом — кучи мусора, грязной соломы, остатки дров и черные головни**»;

— объекты гуманитарной помощи: «...я возился с сортировкой **женских кофточек и юбок, мужских брюк, жилетов, старых курток, чулок, платков, белья, фуфаек...**».

Такой тип композиционного развертывания присущ жанровой форме отчета, однако Г.Д. Гребенщиков, будучи писателем, не остается в рамках конкретного жанра публицистики. Мы это видим в одной из частей текста, где линейное повествование нарушается посредством использования ретроспекции, что является композиционным приемом художественного текста. По мнению М.Г. Пономаревой, «... ретроспекция как литературоведческий термин имеет два основных значения: вставной эпизод из прошлого героя и особый прием повествования...». Как композиционный прием, ретроспекция позволяет комментировать сюжетные события через отсылку к более ранним» [Пономарева, 2012, с. 288]. В данном случае ретроспекция обрамлена графически с помощью многоточия и содержит прошлый опыт автора. Этот прием по сюжету используется в тот момент, когда Г.Д. Гребенщиков, наблюдая и описывая быт беженцев-русинов, противопоставляет его быту беженцев-евреев. Разрыв линейного повествования сопровождается также и определенными стилистическими особенностями этой части текста. Ниже мы рассмотрим их, а также основные стилистические приемы, используемые автором во всем тексте.

3. **Стилистическая организация текста «Охвостье».** Итак, помимо разрыва линейного повествования, прием ретроспекции сопровождается изменением используемых Г.Д. Гребенщиком лексических средств. Он пишет: «*Но такой грязи, какую я увидел в одном старом замке, населенном беженцами-евреями, я не видел и, даст Бог, больше не увижу никогда и нигде*». Здесь мы видим, как писатель использует прием повтора с градацией, усиливающей эмоциональный эффект

повествования. Кроме того, если при описании пребывания героев в фольварке беженцев-русинов писатель старается описывать окружающий его быт, используя нейтральную лексику, то в сюжетном блоке с описанием быта евреев Г.Д. Гребенщиков использует эмоционально-оценочные высказывания.

Рассмотрим, как автор описывает беженцев-русинов: *«К нам из-за сараев подошли два **оборванца**, оба со стриженными подбородками, один босой, другой в каких-то тряпках... Появились бледные, худые ребятишки, девчонки, старики...»*. Слово *оборванец* в Толковом словаре русского языка имеет помету «разговорное» и используется для обозначения «человека в изорванной, изношенной одежде» [Словари и энциклопедии на Академике]². Остальные характеристики — *бледный* — «имеющий лицо без румянца (о человеке)» [Ефремова, 2000]³, *худой* — «имеющий тело с сухими, лишенными жира мышцами; тощий, сухощавый» [Там же]⁴ — приведены без помет и относятся к описанию внешнего вида беженцев. Таким образом, Г.Д. Гребенщиков использует общеоценочную лексику при описании беженцев-русинов.

Иные языковые средства используются автором при описании беженцев-евреев: *«... жило до 15–20 человек, все большие старики, **какие-то** все хилые, с гноящимися глазами, с трахомой, со слюнявыми ртами, в рваных, грязных одежонках. Все раздражительные, смятые, быстро и некрасиво говорящие между собою...»*. Для описания катастрофического положения беженцев-евреев использован прием нисходящей градации — нанизывания эпитетов, характеризующих их внешний облик, психическое состояние и речь измученных людей: в начале градационного ряда использовано неопределенное местоимение *какие-то*, выражающее смешанные эмоции автора (ср.: «КАКОЙ-ТО какая-то, какое-то; местоим. прил. 1. Употр. при затруднении вполне точно определить качество, свойство, характер чего-л.; 4. Употр. при назывании каких-л. свойств предмета, лица, вызывающих удивление, недоумение, досаду говорящего. [Словари и энциклопедии на Академике]⁵). Оценочное существительное *одежонка* со значением уничижительности использовано для характеристики внешнего вида беженцев (ср.: «Одежонка — разг. униж. к сущ. одежда» [Ефремова, 2000]⁶). Отри-

² <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/119775>

³ <https://www.efremova.info/word/blednyi.html>

⁴ <https://www.efremova.info/word/xudoj.html>

⁵ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/158379>

⁶ <https://www.efremova.info/word/odezhonka.html>

цательная оценочная лексика преобладает и в передаче эмоций автора при описании быта беженцев-евреев: «*так зловонны, так отвратительны их жилища, так ужасна, так гнила их жизнь*». Усиление эмоционального воздействия на читателя достигается через использование анафоры через повтор наречия *так*, примененного в функции усиительной частицы. Исследователи отмечают, что в тексте «Охвостье» «так натуралистически описывается быт беженцев от войны, что возникают синестезические ощущения зловонного запаха» [Полякова, Бу-дякова, 2022, с. 644].

Продолжим анализ стилистических особенностей текста. Г.Д. Гребенщиков позволяет выделить ряд тем, при описании которых автор использует приемы выразительности. Представленные в этом разделе выразительные средства передают авторское восприятие и авторские переживания, непосредственно характеризующие его отношение к про-исходящему, его оценку как автора-повествователя.

1. Описание природы: «*синел на негом холмике лесок*», «*чернели лысины земли*», «*привела она* <грязь> *нас к заднему подвалу дома и нырнула в темную, сырую яму*». Использованы цветовые эпитеты, передающие палитру природы, — *синел лесок, на негом холмике* («ПЕГИЙ. Разношерстный (о животных); пестрый» [Словари и энциклопедии на Академике]⁷, *чернели лысины земли* из-под снега. Для создания особого колорита используются уменьшительно-ласкательные формы для обозначения объектов природы (холмик, лесок), метафора (лысины земли) и олицетворение (<грязь> она привела..., нырнула).

2. Описание быта: «*соха* ..., до сих пор никем не прибранная и *ждущая* *своего ората*», «*помещичье гнездо*», «*замок* ..., *видевший* *некогда свет и украшения*». При описании быта Г.Д. Гребенщиков преимущественно использует олицетворение, что является в его творчестве довольно распространенным приемом (вспомним, к примеру, описание вокзала в тексте «Минуты молчания» [Лебедева, Чернышова, 2024]).

3. Описание людей: «*ехал так, словно в седле были натыканы иголки*», «*новые и новые люди: желтые, ..., оборванные*», «*учительница, потерявшая свой внешний облик*».

Изобразительно-выразительные средства при описании людей направлены именно на передачу внешнего вида. Если мы вспомним, к примеру, как описывает Г.Д. Гребенщиков влюбленную пару, за которой он наблюдал на вокзале, в тексте «Минуты молчания» [Лебедев

⁷ https://difficult_words_ru.academic.ru/1807/%D0%BF%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B9

ва, Чернышова, 2024], где сквозь внешние характеристики (*короткие, но ласковые взгляды его и непрерывный, много говорящий взгляд ее; глаза, влажные от прозрачной росы безмолвного прощания*) передаются внутренние переживания как их, так и самого автора (во всем *огромном и чужом городе у меня ни одной знакомой или родной души; сердце мое наполняется к ним теплым чувством нежности, как к чистым детям*), то в данном случае он ограничивается в основном описанием внешних характеристик персонажей:

1) «*ехал так, словно в седле были натыканы иголки*»: в данном случае используется сравнительный оборот, который, исходя из контекста, вряд ли имеет отношение к фразеологизму «как на иголках» (разг. неизм. в крайнем волнении, беспокойстве [Учебный фразеологический словарь, 1997⁸]): скорее всего, автор использует прямое значение и иллюстрирует характер езды человека на лошади, который постоянно подпрыгивает, как если бы у него в седле были натыканы иголки;

2) «*новые и новые люди: желтые, ..., оборванные*»: желтый цвет кожи у людей, как правило, ассоциируется с болезненным состоянием, т.е. люди, которых описывает Г.Д. Гребенщиков, были нездоровы; *оборванный* — «в рваной, грязной одежде, в лохмотьях» [Словари и энциклопедии на Академике]⁹;

3) «*учительница, потерявшая свой внешний облик*»: в данном фразеологическом обороте лексема «облик» может быть использована в нескольких синонимичных значениях, ср.: «вид, характер, лицо, лицо, физиономия, внешность, наружность, обличье» [Словари и энциклопедии на Академике]¹⁰.

Л.И. Богданова выделяет следующие значения этого фразеологизма:

- а) утрачивать внешнюю привлекательность;
- б) утрачивать индивидуальные черты;
- в) обнаружить перед другим слабость, связанную с физиологией;
- г) потерять контроль над своими эмоциями;
- д) терять честь, репутацию, доброе имя [Богданова, 2022, с. 83–84].

Можно предположить, что в данном случае речь идет о первых двух значениях, поскольку в структуре фразеологизма использовано прилагательное, характеризующее «потерянный облик» как *внешний*, т.е. «на-

⁸ <https://phraseologiya.academic.ru/461>

⁹ https://all_words.academic.ru/51752/%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9

¹⁰ https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/98425

ружный, находящийся на виду, снаружи. Внешние признаки. Внешний вид» [Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940]¹¹.

Далее рассмотрим примеры стилистических средств, содержащиеся в речи персонажей, которые встречаются в тексте.

4. Достаточно большой ряд выразительных средств в данном тексте представлен именно в репликах героев. Г.Д. Гребенщикова как бы дистанцируется от фиксации личных эмоциональных проявлений и передает авторство в использовании изобразительных средств другим персонажам. Реплики персонажей: «*пути ртом можно ловить*», «*тишина, как на кладбище*», «*стена, за которой уже плен*», «*ад кругом*», «*охвостя какие-то, а не люди*».

Преобладающее число средств выразительности, отображаемых в репликах, также в основном направлено на описание окружающей действительности. Интересно, что единственная в данном ряду метафора, характеризующая людей, и становится доминантой повествования, заявленной уже в названии анализируемого текста, — «Охвостье». Именно она наиболее точно и образно отражает в повествовании жизнь беженцев.

Согласно словарным источникам, охвостье — это «1. Остатки от первичной очистки зерна веянием. 2. перен. Сторонники, приспешники, прихлебатели; остатки разгромленной группы или организации ... (разг. презр.)» [Словари и энциклопедии на Академике]¹². При этом нужно отметить, что в тексте Г.Д. Гребенщикова развернуто именно первое значение, в свернутом виде сравнивающее людей, попавших в гущу военных действий, с «остатками от первичной очистки зерна», «мелкими остатками зерен в мякине», «плевелами», «охвостьем», что подтверждается отрывком в финальной части текста, где автор размышляет над данным сравнением: «*Действительно, миллионы людей превращены войною в плевелы, и одних бросает бурею за тысячи верст от родины, другие сгорают на ее огне, а третья, как охвостья, — мелкие остатки зерен в мякине, — упорно держатся на кромках старого гумна*».

5. Своеобразием текста «Охвостье» является использование автором кавычек с целью создать дистанцию между авторским текстом и используемыми в нем средствами выразительности, например: *до «его» батарей, что «герман» скоро будет изгнан из Галиции; а если из тяжелых будут «обкладывать», то и дальние хватит..., видавший*

¹¹ https://all_words.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%B9&from=ru&to=xx&did=&stype=0

¹² <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/917634>

виды и привыкший к подобным картинам «человеческой» жизни, делят привозимый «войтом» с питательного пункта хлеб, «торговал без денег», «чоровики», «капелюху», «панчохи», был «пан ласковый» для баб.

Рассмотрим эти примеры подробнее:

1) ...а если из тяжелых будут «обкладывать», то и дальше хватит...

Речь идет об обстрелах в зоне, где располагаются беженцы, и глагол «обкладывать» в данном контексте обозначает «обстреливать»: «Господа, мы, кажется уже в сфере обстрела... Неужели они где-нибудь тут живут?.. — Да, до них немножко не доносит... — ответил студент. — А если из тяжелых будут «обкладывать», то и дальше хватит...» Введение кавычек обусловлено использованием глагола «обкладывать» в переносном значении на основе сходства, ср.: «ОБЛОЖИТЬ /ОБКЛАДЫВАТЬ. 2. что. Покрыть всю поверхность чем н., покрыть сплошной массой чего н.» [Словари и энциклопедии на Академике]¹³, т.е. «покрыть все пространство пулями и снарядами».

2) видавший виды и привыкший к подобным картинам «человеческой» жизни

В данном случае, заключая в кавычки определение «человеческой», писатель имеет в виду противоположное значение (антитеза), т.е. речь идет о нечеловеческих условиях, нечеловеческой жизни. Как отмечает А.А. Зализняк, в таких случаях кавычки отображают некий «свой смысл»: «Существующее слово употреблено в конвенциональном значении, но говорящий как бы снимает с себя ответственность за данное слово (его точность и правомерность употребления в данном контексте). Функция таких кавычек состоит в том, чтобы создавать эффект, аналогичный эффекту слова как бы» [Зализняк, 2007].

3) «торговал без денег»

Высказывание заключено в кавычки, так как является образным выражением (оксюморон), сравнением раздачи благотворительности беженцам с торговлей, но без денег: «В помоиць себе взял я трех солдат и с ними вместе с утра до вечера в большом сарае «торговал без денег», превращая оборванных баб в купчих, красивых девушек — в нарядных барышень, малых ребят — в разноцветных кукол...».

4) делят привозимый «войтом» с питательного пункта хлеб, «чоровики», «капелюху», «панчохи», «был „пан ласковый“ для баб»

¹³ https://verbs_ru.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D1%82%D1%8C&from=ru&to=xx&did=verbs_ru&stype=

Во всех вышеуказанных примерах в кавычки заключаются слова из русинского языка (совокупность славянских диалектов) [Большая российская энциклопедия]¹⁴:

— *войт* — «1. Выборное или назначенное должностное лицо (в городах Польши, Украины, Белоруссии в эпоху Средневековья и в некоторых западных сельских местностях Российского государства до 1917 г.); 2. устар. Староста в селе (на Украине)» [Словари и энциклопедии на Академике]¹⁵;

— *чоровики* (чаравики) — «ботинки, башмаки» [Белорусско-русский словарь Булыки]¹⁶;

— *капелюх* — «шапка, фуражка, малахай, шапка с ушами, зап., южн. (Даль), укр.» [Словари и энциклопедии на Академике]¹⁷;

— *панчоха* — «чулок, укр., блр.» [Словари и энциклопедии на Академике]¹⁸;

— *пан* — «на Украине и в Белоруссии до 1917 г.: хозяин, господин по отношению к прислуге, к подчиненным» [Словари и энциклопедии на Академике]¹⁹.

Можно предположить, что автор использует слова из говора русинов как элемент документальности, для придания правдоподобности и достоверности изображаемому, что соответствует жанровой форме отчета.

Стилистический анализ текста показал, что Г.Д. Гребенщиков минимизирует использование изобразительно-выразительных средств в собственном тексте, но не избегает их полностью, используя разнообразные примы создания выразительности в тексте.

Таким образом, тематический, композиционный и стилистический анализ текста «Охвостье» позволил сделать некоторые выводы относительно его жанровой природы. Жанровой форме журналистского отчета анализируемый текст соответствует по детальному, динамичному изображению происходящего, достигаемому за счет использования глаголов совершенного вида прошедшего времени («**Я добыл необходимый документ-пропуск через посты и заставы, представился местному начальству, взял у него кое-какие сведения и прежде все-**

¹⁴ <https://bigenc.ru/c/rusinskii-iazyk-c82cdb>

¹⁵ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/148119>

¹⁶ <https://classes.ru/all-byelorussian/dictionary-byelorussian-russian-bul-term-9984.htm>

¹⁷ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/40562>

¹⁸ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/44777>

¹⁹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/42611>

го *двинулся из города в одну из наших летучек...*); документальности, соблюдаемой воссозданием речи беженцев-русинов («делят привозимый „войтом“ с питательного пункта хлеб», «чоровики», «каплюху» и др.). При этом соблюдается и линейное повествование с определенными пространственно-временными рамками, однако Г.Д. Гребенщикова-писатель иногда нарушает хронологию событий, используя прием ретроспекции. В повествовании используется стилистически окрашенная и оценочная лексика и наиболее четко прослеживается авторское отношение к беженцам-русинам и беженцам-евреям. Такая структуризация текста, поддерживаемая и на композиционном, и на лексическом уровне, свойственна жанрам художественной литературы. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что в анализируемом тексте синтезируются жанровые формы отчета и рассказа (с преобладанием формы журналистского отчета).

Заключение

Рассмотрение жанровых характеристики текста «Охвостье» на основании его стилистической и композиционной организации позволило провести сопоставительный анализ данного произведения с другими военными произведениями Г.Д. Гребенщикова с целью изучения категории образа автора-рассказчика в творчестве писателя.

В ходе обобщения полученных результатов сравнения были выявлены следующие отличия сравниваемых текстов.

Тексты «Ручеек журчащий» и «Минуты молчания» тяготеют к жанрам художественной литературы (хотя в них содержатся и жанровые признаки публицистических текстов), преимущественно — к рассказу, что влияет на способы стилистической и композиционной организации текстов. Основным приемом и в структурно-логической организации этих текстов и в их лексико-стилистическом оформлении является контраст, выраженный чередованием **эмоционально окрашенных** и **нейтральных** высказываний. Стилистически нейтральные высказывания **информируют** читателей о **происходящем событии**, эмоционально окрашенные передают **авторскую оценку** происходящего [Лебедева, 2023; Лебедева, Чернышова, 2024].

Текст «Охвостье» имеет жанровую форму журналистского отчета, соблюденную в детальном описании происходящих событий и линейном повествовании. Однако и черты жанра художественной литературы (рассказа) здесь также прослеживаются (например, линейное повествование нарушается за счет ввода такого композиционного приема, как ретроспекция). Кроме того, в анализируемом тексте реже использу-

зуются языковые средства выразительности (1 выразительное средство на 88 слов), в отличие от текстов, проанализированных ранее («Ручеек журчащий» — 1/49; «Минута молчания» — 1/42). Такое отличие мы можем связать с проявлением роли автора-рассказчика в тексте. Если в тексте «Охвостье» автор выступает как непосредственный участник событий и контактирует с другими героями («*Я не мог его здесь слушать, так как хотел выслушать внимательно, и, утопая в грязи, позвал его за собою на воздух*»), то в текстах «Минуты молчания» и «Ручеек журчащий» рассказчик является наблюдателем за происходящими вокруг него событиями («*Недавно я наблюдал смерть одного харьковца, Ивана Величко*» — «Ручеек журчащий», «*И только тут я замечаю, что рядом, у другого столика, сидит молодая пара*» — «Минуты молчания»).

Можно предположить, что роль автора-рассказчика в тексте влияет на обработку и транслирование им информации, и, будучи наблюдателем, Г.Д. Гребенщиков рефлексирует и пропускает через себя все увиденное им, а как непосредственный участник Г.Д. Гребенщиков вовлечен в происходящие события, что отражается на его возможности проанализировать информацию, которую он хочет донести до читателя, и структурировать текст.

Сопоставительный анализ рассмотренных текстов позволил выявить обусловленность жанровой природы публицистики Г.Д. Гребенщикова и ее жанрообразующих признаков образом автора-рассказчика, реализованным в тексте. Полученные результаты в дальнейшем станут основой для анализа публицистических текстов Г.Д. Гребенщикова и выявления типических черт образа автора-рассказчика в его творчестве.

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества /сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 423 с.

Белорусско-русский словарь Булыки. Электронный ресурс: <https://classes.ru/all-byelorussian/dictionary-byelorussian-russian-bul-term-9984.htm>

Богданова Л.И. Что означает «потерять лицо» в русском языке? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 78–90.

Большая российская энциклопедия. Научно-образовательный портал. Электронный ресурс: <https://bigenc.ru/c/rusinskii-iazyk-c82cdb>

Виноградов В.В. Проблема автора в художественной литературе // Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 105–112.

Ворошилов В.В. Журналистика. Базовый курс. 5-е издание. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. 703 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Электронный ресурс: <https://www.efremova.info/word/bledno.html>

Зализняк А.А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007. Электронный ресурс: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm.

Кожинов В.В. Проблема автора и путь писателя (на материале двух повестей Юрия Трифонова) // Контекст-1977: Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 23–47.

Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000 г. Электронный ресурс: <https://evartist.narod.ru/text5/58.htm>.

Лебедева Е.В. Жанровое и композиционное своеобразие публицистики Г.Д. Гребенщикова (на примере заметки «Ручеек журчащий») // Алтайский текст в русской культуре : сборник научных статей. Вып. 10. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2023. С. 67–71.

Лебедева Е.В., Чернышова Т.В. Жанровое своеобразие публицистики Г.Д. Гребенщикова (на примере корреспонденции «Минуты молчания») // Филология и человек. 2024. № 1. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2024\)1-03](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2024)1-03).

Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века : учебно-методический комплект. М.: Флинта: Наука, 2004. Электронный ресурс: <https://www.bsu.ru/content/page/1415/hec/ff/machonina.pdf>.

Мутовкин Л.А. Жанры в арсенале журналистики: Конспект лекций. Ч. 2. Омский гос. ун-т путей сообщения. Омск, 2006. 47 с.

Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении. М., 2008. 44 с.

Полякова Т.А., Будякова Т.П. Журналистская биография Г.Д. Гребенщикова // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 643–648. [https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).643-648](https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).643-648).

Пономарева М.Г. Способы организации ретроспективного повествования в рамках исторического художественного дискурса // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 287– 97.

Словари и энциклопедии на Академике. Электронный ресурс: https://all_words.academic.ru/51752/%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D0%BD%.

Солганик Г.Я. Категория рассказчика и специфика художественной речи // Вестник Московского государственного университета. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 2. С. 109–119.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати : учебное пособие. М., 2000. 310 с. Электронный ресурс: <http://evartist.narod.ru/text2/04.htm>

Учебный фразеологический словарь. М.: ACT, 1997.

Широкова И.А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2014. № 23 (352). Вып. 92. С. 103–106.

Источник

Гребенщиков Г.Д. Охвостье. 1916. Электронный ресурс: <https://grebensh.narod.ru/tail.htm>.

References

Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity, 2nd ed. Moscow, 1986, 423 p.
(In Russian)

Belarusian-Russian dictionary of Bulyka. Retrieved from: <https://classes.ru/all-byelorussian/dictionary-byelorussian-russian-bul-term-9984.htm>.
(In Russian)

Bogdanova L.I. What does it mean "to lose face" in Russian? *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* = Bulletin of the Russian State University for the Humanities, 2022, no. 8, part 1, pp. 78–90. (In Russian)

Great Russian Encyclopedia. Scientific and educational portal. Retrieved from: <https://bigenc.ru/c/rusinskii-iazyk-c82cdb>. (In Russian)

Vinogradov V.V. The problem of the author in fiction. Vinogradov V.V. On the theory of artistic speech. Moscow, 1971, pp. 105–212. (In Russian)

Voroshilov V.V. Journalism. Basic course. 5th edition. St. Petersburg, 2004, 703 p. (In Russian)

Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation. Moscow, 2000. Retrieved from: <https://www.efremova.info/word/bledno.html>. (In Russian)

Zaliznyak A.A. Semantics of quotation marks. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog'2007 po kompyuternoy lingvistike i yeye prilozheniyam* = Proceedings of the International Seminar Dialogue'2007 on Computational Linguistics and its Applications. Moscow, 2007. Retrieved from: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm. (In Russian)

Kozhinov V.V. The problem of the author and the path of the writer (based on two stories by Yuri Trifonov). *Kontekst-1977: Literaturno-teoreticheskiye issledovaniya* = Context-1977: Literary and theoretical studies, Moscow, 1978, pp. 23-47. (In Russian)

Kroichik L.E. The system of journalistic genres. *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalistika* = Fundamentals of the creative activity of a journalist, St. Petersburg, 2000. Retrieved from: <https://eartist.narod.ru/text5/58.htm>. (In Russian)

Lebedeva E.V. Genre and compositional originality of G.D. Grebenshchikov's journalism (based on the note "A babbling stream"). *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* = Altai text in Russian culture: a collection of scientific articles, Barnaul, 2023, iss. 10, pp. 67-71. (In Russian)

Lebedeva E.V., Chernyshova T.V. Genre originality of G.D. Grebenshchikov's journalism (based on the "Minute of Silence" correspondence). *Filologiya i chelovek* = Philology&Human, 2024, no. 1. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2024\)1-03](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2024)1-03). (In Russian)

Makhonina S.Ya. History of Russian journalism at the beginning of the twentieth century, Moscow, 2004. Retrieved from: <https://www.bsu.ru/content/page/1415/hec/ff/machonina.pdf> (In Russian)

Mutovkin L.A. Genres in the arsenal of journalism: Lecture notes, part 2, Omsk, 2006, 47 p. (In Russian)

Orlova E.I. The Image of the Author in a Literary Work, Moscow, 2008, 44 p.

Polyakova T.A., Budyakova T.P. Journalistic Biography of G.D. Grebenshchikov. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistik* = Issues of Theory and Practice of Journalism, 2022, vol. 11, no. 3n pp. 643-648. [https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).643-648](https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).643-648). (In Russian)

Ponomareva M.G. Methods of Organizing Retrospective Narrative within the Framework of Historical Fiction Discourse. *Dergachevskie chteniya — 2011. Russkaya literatura: natsional'noye razvitiye i regional'nyye osobennosti* = Dergachev Readings-2011. Russian Literature: National Development and Regional Features, Ekaterinburg, 2012, vol. 2, pp. 287-297. (In Russian)

Dictionaries and Encyclopedias on Academician. Retrieved from: https://all_words.academic.ru/51752/%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B0%D0%BD% (In Russian)

Solganik G.Ya. The Category of the Narrator and the Specificity of Fiction. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Moscow State University, ser. 10, Journalism, 2014, no. 2, pp. 109-119. (In Russian)

Tertychny A.A. Genres of Periodicals: A Tutorial. Moscow, 2000. 310 p. Retrieved from <http://eartist.narod.ru/text2/04.htm>. (In Russian)

Educational Phraseological Dictionary. Moscow, 1997. (In Russian)

Shirokova I.A. The image of the author in a work of art: reflection of the reflected. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Chelyabinsk State University, 2014, no. 23 (352), iss. 92, pp. 103–106. (In Russian)

Source

Grebenshchikov G.D. Tail. 1916. Retrieved from: <https://grebensch.narod.ru/tail.htm> (In Russian)

ЭПИТЕТАЦИЯ ТИШИНЫ И МОЛЧАНИЯ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

Ключевые слова: эпитет, эпитетный комплекс, эпитетация, идиолект, Марина Цветаева

Keywords: epithet, epithet complex, epithetation, idiolect, Marina Tsvetaeva

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-04)

Введение

Исследование эпитетации претерпевает серьезную трансформацию: обращается внимание на когнитивные основы образования приращения значения в составе эпитета в контексте эпитетного комплекса, выявляются закономерности изменений семантической и синтаксической сочетаемости признаковых слов и определяемых лексем [Арнольд, 2002; Гращенков, Лютикова, 2018]. Эпитет понимается не только и не столько как стилистическое средство образности, сколько как сложная единица идиолекта, имеющая различную вербализацию [Булахова, Скороводников, 2017, с. 140; Фадеева, 2014].

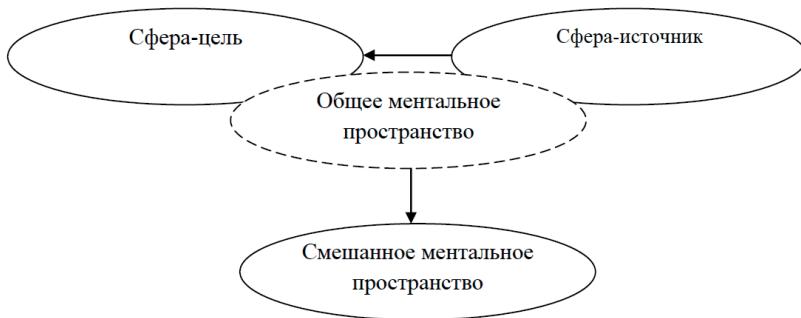
Когнитивная лингвопоэтика описывает специфику и механизмы образования эпитетных комплексов в рамках различных идиолектов с целью выявить принципы поэтического моделирования реальности художником слова, опираясь на такие базовые когнитивные понятия, как «качество», «атрибут», «предикация». Заявленная проблема эпитетации не сводится к изучению специфики трансформации семантики имени прилагательного как основного репрезентанта эпитета, но состоит в уяснении общих принципов и направлений атрибутизации как одного из основных когнитивных процессов. Семантическая податливость имени прилагательного отражает огромный потенциал атрибутивной лексики в целом: данное свойство именуется пластичностью, гибкостью, эластичностью [Виноградова, 2021].

Под эпитетным комплексом в настоящей работе понимается когнитивно-семантическое, ментально-вербальное единство признакового элемента (эпитета) и объекта эпитетации (определяемого слова). Эпитетация — процесс наделения объекта признаком, как правило, не-свойственным ему или осознаваемым автором текста в качестве ново-

го, актуализирующего необходимую семантическую связь между объектами на основе общего для них атрибута.

По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, базовые языковые категории оценки факта и события структурируются pragматически, исходя из ситуативного варьирования смысла [Арутюнова, 1988]. Эпитетация как ситуативный оценочный когнитивный процесс имеет когнитивную природу, что связано со структурированием значения слова на основе выделения в его семантике основных признаков. Данная операция имеет динамический характер, который удачнее всего описывает теория концептуальной интеграции. Концептуальная теория интеграции (блэндинга) позволяет взглянуть на эпитетацию с позиции ее сущностной природы. Под концептуальной интеграцией ученые понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определенной схеме на различных уровнях абстракции и имеет четкую структуру, которая включает в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces), или блэнд (blend) [Fauconnier, 1994; Sweetser, 2000].

На рисунке схематично изображен процесс блэндинга признаков в процессе эпитетации.

Структура модели когнитивной метафоры в соответствии с теорией блэндинга

Данная модель применима как в целом для описания эпитетации с целью выявления направлений метафорического и метонимического переносов признаков, так и в контексте изучения лейтмотивных моделей эпитетации, имеющих идиолектную презентацию.

Атрибутивная лексика хотя и специально не описывалась лингвистами и цветаеведами, однако упоминалась в контексте работы поэта

со смещёнными определениями [Громова, 2010; Зубова, 1989; Ревзина, 1996; Ревзина 1998]. Эпитетация предстает в виде окказионального словотворчества, принципом которого является установка на поиск нужного смысла, осознаваемого в качестве единственного возможного [Ревзина, 1998]. Еще более ярко это проявляется в прозе М. Цветаевой: даже письма она тщательно редактировала, превращая жизнь в творчество. В прозаических текстах отчетливо прослеживается тяготение поэта к парадоксальному, окказиональному постижению стихии слова и бытия [Ляпон, 2010].

В настоящее время на материале текстов М. Цветаевой выявлены основные закономерности эпитетации, среди которых стоит отметить повышенную метонимизацию признака антропоморфного типа, окрашивание некачественных атрибутов, языковую рефлексию над семантикой эпитета, антонимичность восприятия признака и др. [Грязнова, Губанов, 2023].

В прозаических текстах находим немало рассуждений поэта относительно выбора нужного слова и происходящих при этом языковых метаморфозах: *Повторить себя в словах невозможно; любая же, самая малая, перемена речи — и уже не повторение, а преобразование, за которым стоит другая суть* (Марина Цветаева. Собрание сочинений. Т. 5. 1994. С. 407)¹. Данная эстетическая установка на обновление языка, вера в его безграничные возможности приводит к тому, что тексты поэта насыщены различными лингвистическими экспериментами.

Методы и материалы исследования

Объектом настоящей работы является специфика эпитетации в текстах М. Цветаевой. Предмет исследования — направления и принципы эпитетации концепта «тишина / молчание» в текстах поэта. Целью работы является выявление специфики признакового осмыслиения указанного концепта и его роли в концептосфере М. Цветаевой, выявление когнитивных оснований эпитетации на основе теории концептуальной интеграции на материале текстов М. Цветаевой.

Материалом для описания способов актуализации признака послужили собрание сочинений М. Цветаевой в 7 томах, а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. Для проведения исследования были привлечены методы лексикографического, лексико-семантического, компонентного, когнитивного анализа, а также метод сплош-

¹ В данном разделе здесь и далее страницы указаны по изданию: Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-7.

ной выборки и метод статистического подсчета языковых фактов. Методом сплошной выборки было выявлено 108 эпитетных единиц, образующих эпитетные комплексы в сочетании с определяемыми словами *тишина* и *молчание*, а также эпитетные комплексы с эпитетами *тихий* (*тихо, тихонько, тихонечко, молчаливый*).

Результаты исследования

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что эпитетация как категориальный, когнитивный процесс наделения объекта существенным для него признаком носит ситуативный характер, строится на основе ассоциативной связи между ментальными пространствами атрибутивного слова и определяемого понятия; эпитетация характерна для творческого почерка М. Цветаевой и составляет его идиолектную черту.

Эпитетная репрезентация тишины / молчания в русском языковом сознании

Для описания признаковой вербализации тишины и молчания использовался словарь эпитетов русского литературного языка. В данном источнике *тишина* характеризуется с двух сторон:

1) «о степени тишины, о характере и сопутствующих признаках». Данный раздел раскрывает образное осмысление тишины в русском языке, основанное на: отсутствии какого-либо признака как показателе тишины (*беззвучная, безгрешная, безбрежная*), цвете (*белая, голубая, светлая*), признаке существования (*живая, мертвая*), чувственном восприятии (*влажная, сухая; упругая, тягучая, ватная*), ощущении степени полноты (*полная, пустая*), материальном ощущении (*свинцовая, стеклянная*), осознании как «вместилища» речи, где имеет место метафоризация (*немая, молчаливая*) (94 эпитета) [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 450];

2) «о впечатлении, психологическом восприятии». Данный тип эпитетов имеет метонимическую основу, что отражается в когнитивном осмыслении тишины в качестве субъекта и приписывании ему антропоморфных качеств. Это может быть эмоциональное состояние тишины (*грустная, тоскливая*), ее характер (*властная, подозрительная, робкая, строгая, суровая*), черты внешности (*мрачная, угрюмая, хмурая*) (83 эпитета) [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 451-452].

Молчание как отсутствие речи, разговора моделируется также по антропоморфной соматической логике: оно может быть *гордым, добрым, мрачным, строгим, суровым, хмурым* (64 эпитета) [Горбачевич, Хабло,

1979, с. 248]; молчание как отсутствие звуков, тишина (синоним *тишины* в этом значении) совмещает обе тенденции осмыслиения себя как субъекта и предмета (*холодное, мертвое, глубокое, сухое*) (27 эпитетов) [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 249].

В Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) лидирующее положение среди определений тишины принадлежит следующим лексемам (по мере убывания частотности): *мертвый, гробовой, ночной, напряженный, матросский, могильный, глубокий, зловещий, полный, полнейший*, что отражает оценочный характер эпитетов, актуализацию ассоциаций с тишиной как признаком отсутствия жизни [НКРЯ]. В свою очередь, прилагательное *тихий* чаще характеризует такие понятия, как *океан, голос, погоду, вечер, шаг, радость, грусть* [Там же].

Лексема *молчание* описывается антропоморфными, субъективно-оценочными эпитетами, что связывается с данным понятием как с тем, кто способен порождать и воспринимать речь, т.е. с человеком: оно (по мере убывания частотности) *гробовое, неловкое, минутное, тягостное, долгое, продолжительное, глубокое, упорное, напряженное, недолгое* [НКРЯ].

Тишина как отсутствие звуков вообще и речи в частности воспринимается во многом как неотъемлемая составляющая восприятия и картины мира человека, в связи с чем вбирает в себя оценочные признаки, ассоциируемые с человеком, реципиентом тишины; молчание же более антропоморфно и избирательно относительно приписываемых ему признаков, что обусловлено его отнесенностью к концептуальной сфере человека, однако их объединяет оценочность, психологическая рефлексия их восприятия, что отражается в эпитетной лексике.

Эпитетная презентация тишины / молчания в текстах М. Цветаевой

Как известно, творчество М. Цветаевой не принадлежит определенному течению, однако символизм, понятый как тяготение к постоянному переозначиванию реалий, переосмыслинию образов, неизменно присутствовал в ее поэтическом мышлении [Войтехович, 2019; Кучера, 2017]. Бытие, искусство оказывались выше быта и реальности: ...я поделила мир на поэта — и всех, и выбрала — поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать — поэта — от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались (Марина Цветаева. Собрание сочинений. Т. 5. С. 58). С.А. Шульц верно отмечает, что «Цветаева возносит слово над действительностью, над жизнью. ... Согласно Цветаевой, поэт направляет свою речь исходя из собственного понимания (видения), причем направляет именно „издалека“, т.е. начиная с необязательных вещей,

почти случайных. Значение этого „издалека“ — в контекстуальности, в фоновости, что подразумевает целостный охват поэтом мира, а также осознание себя представительствующей за весь мир, за всю поэзию, за весь поэтический язык» [Шульц, 2023, с. 130].

Приведем данные об употребительности лексем *тишина*, *молчание* в поэтических текстах М. Цветаевой. В словаре поэтического языка слово *тишина* зафиксировано 19 раз; *тиши* имеет 16 употреблений (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. 1996–2004. Т. 4. Кн. 2. С. 192–193)². Отметим, что в работе также рассматривается эпитетация, включающая признак *тихий*, с целью показать объемность восприятия поэтом феномена тишины; учитывается разница в семантическом объеме *тишины* и признака *тихий* как отсутствия звука и слабого звука, при наличии значения *безмолвный*. Эпитет *тихий* имеет следующие значения: 1) слабо звучащий, негромкий, 16 словоупотреблений (Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 187); 2) погруженный в безмолвие, 11 словоупотреблений (Там же, с. 187); 3) спокойный, не оживленный, 8 словоупотреблений (Там же, с. 187–188); 4) смиренный, спокойный, 10 словоупотреблений (Там же, с. 188); 5) смиренный, кроткий, 9 словоупотреблений (Там же, с. 188); 6) безмятежный, 12 словоупотреблений (Там же, с. 188); 6) слабый, легкий, 7 словоупотреблений (Там же, с. 188–189); 7) небольшой скорости, не быстрый, 3 словоупотребления (Там же, с. 189). Из выше-приведенных значений нами отбирались те, что связаны с характеристикой отсутствия звучания, хотя иногда данное значение совмещается с некоторыми другими. Также учитывались эпитеты адвебиального типа *тихо*, *тихонечко*, *тихонько*, *тиши* (всего 34 словоупотребления в отношении эпитетации отсутствия звука) (Там же, с. 189–192).

Молчание в данном словаре представлено 17 словоупотреблениями; эпитет *молчаливый* употреблен 5 раз; наречие *молча* — 13; *молчаливо* — 1 (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. 1996–2004. Т. 3. Кн. 1. С. 159–160).

В прозе находим следующее замечание о понимании поэтом тишины: *...тишина не отсутствие звуков, а отсутствие лишних звуков...* (Там же. Т. 4. С. 69), поэтому тишина приобретает амбивалентное философское значение как чистая тишина, сама по себе тишина.

Тишина воспринимается поэтом разнообразно, однако стоит отметить, что для нее молчание и тишина — проявление ветхозаветного, древнего мироздания, сущность бытия. Это находит выражение

² В данном разделе здесь и далее страницы указаны по изданию: Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.

в эпитетации тишины. Рассмотрим основные направления признакового осмысления тишины в текстах поэта.

1. Тишина как основа мира, бытие, сущее, поэтому она приобретает признак *вечный, полный*: *Ветхозаветная тишина, // Сирой полыни крестик* (Там же. Т. 2. С. 304); *В ти-ши-не // Полной, полной, полной* (Т. 3. С. 173); *А мне от куста — тишины: // Той, — между молчанием и речью. ... Такой от куста тишины, // Полнее не выразишь: полной* (Т. 2. С. 318). Когнитивной основой эпитетации тишины как основы мира является ощущение общности тишины и времени (ветхозаветная), тишины и полноты бытия, заполненности реальности тишины, предельной абстрактности тишины как сущности «между», между молчанием и речью.

2. Тишина приобретает черты характера субъекта, осмысляется по линии психологического восприятия (см. выше значение в словаре эпитетов), однако такие эпитеты интерпретируем согласно теории блэндинга. Антропоморфный признак взаимодействует с когнитивным пространством тишины, в результате чего образуется общее ментальное пространство, порождающее блэндинговый образ: *Глыб вероломна тишии* (Т. 3. С. 600). Персонификация связывается с наделением тишины способностью говорить, отвечать, производить звуки речи: *Вновь тишина, не ждущая ответа* (Т. 1. С. 76). В связи с этим тишина приобретает антонимичные черты: *Нынче один, завтра другой. // Ком. Тишина громкая* (Т. 3. С. 145).

3. Овеществление тишины, являющееся результатом пересечения признаков тишины и признаков, присущих веществам, предметам: *Мимо окон моих — бессстрастный — // Ты пройдешь в снеговой тишии* (Т. 1. С. 290); *Державная пажить, // Надежная, ржавая тишии* (Там же, с. 298).

Сложная многосоставная эпитетация свойственна творческому почерку М. Цветаевой; в едином эпитетном комплексе содержится сравнение, выступающее сложным признаковым наименованием тишины, которая ассоциируется фонетически и семантически с пущиной: *Тишина твоя, Индостан. // Как стрелок // После зарослей и тревог // В пущину — // В тишину твою, Индостан — // Человек...* (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. 1996–2004. Т. 3. С. 80).

Отметим наличие окказионализма *тишизна*, которое употребляется дважды в поэзии М. Цветаевой: *в белую книгу твоих тишизм; недосказанностями тишизм*, что связано с потребностью образовать слово со значением единичности, чтобы затем поставить его во множественное число.

Обратный процесс, наделение признаком *тихий* объектов реальности, важен для уяснения объемного представления о тишине: учитываются не только признаки — источники метафоризации тишины в аспекте наделения ее теми или иными характеристиками, но также и процесс распространения признака на объекты, с ним ассоциируемые.

Признак *тихий* в значении «слабо звучащий, негромкий» распространяется в поэзии М. Цветаевой на реалии, связанные с источником звука: это *разговор, зов, пение, голос, слова, вздохи, просыба, уста*. Коррелирующим же с тишиной значением выступает значение «погруженный в безмолвие». Объекты эпитетации, употребляющиеся в составе эпитетных комплексов с эпитетом *тихий*, образуются по метонимической логике. Чаще всего тихим оказывается вместелище тех, кто безмолвствует (метонимическая модель «вместелище»): *Память о Вас — тихим домком. // Тихий домок — Ваш — под замком* (Там же. Т. 1. С. 411); *В тихих комнатах маленькой дачи // Все как прежде* (Там же, с. 27).

Молчание осмысляется в качестве стихии или природного объекта, подчеркивается его бесконечность, сила воздействия, что вскрывает антонимичность мышления поэта: *Пусть между нами молчанья равнина // И запутанность сложных узлов* (Т. 1. С. 27); *молчанья полный гром* (Т. 3. С. 640). Эпитет *молчаливый* чаще употребляется для передачи жеста молчания, поэтому он имеет метонимическую основу: *молчаливый вопрос*.

В прозаических текстах М. Цветаевой тишина (15 примеров употребления) представляется в качестве отсутствия жизни, актуализируется признак полной тишины, например, как в следующем фрагменте, после громкой работы станка: *Смерть Блока — громовой удар по сердцу; смерть Брюсова — тишина от внезапно остановившегося станка* (Т. 4. С. 59). В данном случае предикация признака предназначена ярче подчеркнуть его принадлежность артефактному концептуальному полю.

Эпитетация тишины свидетельствует о различных направлениях признакового осмысливания данной сущности и представляет собой ассоциирование данного понятия со временем, качествами человека, воспринимающими ее, а также веществом. Атрибутивная характеристика объекта эпитетации совмещается с предикативным осмысливанием, что выявляет более «категоричное» отнесение признака к объекту. Распространение признака на объект, совмещение ментальных пространств признакового слова и предметного слова является непредсказуемым и не ограниченным рамками языкового узуса.

Заключение

Эпитетация как когнитивный процесс имеет блэндинговый характер, заключающийся в создании общего, а затем смешанного ментального пространства в рамках эпитетного комплекса, содержащего общие признаки объекта эпитетации и эпитета. В творчестве М. Цветаевой ассоциативная общность признаков является временной, окказиональной, однако необходимой и закономерной в рамках идиостиля, является тотальной, ничем не ограниченной. Метонимическая логика сближения признаков объектов затрагивает как эпитетацию тишины, так и распространение признака *тихий* (отсутствие звучания) на смежные объекты.

Применение теории концептуальной интеграции с целью выявления механизмов образования и направления эпитетации представляется весьма продуктивным при анализе специфики идиостилей и иных писателей.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 382 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.

Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (предупреждение к функциональной характеристики) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122-138.

Виноградова С.А. Пластиность семантики признаковых слов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 4 (71). С. 30-38. <https://doi.org/10.26456/vtflol/2021.4.030>.

Войтехович Р.С. Борьба с ностальгией как поэтический прием в поздней лирике М. Цветаевой // *Studia Rossica Posnaniensia*, Poznan, 2019. Vol. XLIV. С. 63-72.

Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979. 285 с.

Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // *Rhema*. 2018. № 4. С. 9-34. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>.

Громова А.В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М.И. Цветаевой) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 6 (96). С. 46-49.

Грязнова В.М., Губанов С.А. Гиперконцепт качество как механизм вербального представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 185–197. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.1>.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1989. 263 с.

Кучера П. «Мой зов — дальний путь»: Марина Цветаева и поздний Рильке // Opera Slavica. 2017. Vol. 27. № 1. Pp. 15–31.

Ляпон М.В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: ДМЦ, 1998. Т. 2. 552 с.

Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. 316 с.

Фадеева Т.М. Сложный эпитет — ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014.

Шульц С.А. М.И. Цветаева — Ф.И. Тютчев («Silen tium!») — Л.Н. Толстой («Анна Каренина»): к герменевтике соотношения поэзии и слова, индивидуальной и общей жизни // Литературоведческий журнал. 2023. № 4 (62). С. 126–145. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2022.62.08>.

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. 185 p.

Sweetser E. Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics. 2000. Vol. 11. № 3/4. Pp. 305–333.

Источники

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/>

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. Т. 3., кн. 1, 1999. 640 с. Т. 4., кн. 2., 2004. 784 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т.. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.

References

Arnol'd I.V. Stylistics. Modern English language. Moscow, 2002, 382 p. (In Russian)

Arutyunova N.D. *Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact.* Moscow, 1988, 338 p. (In Russian)

Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. To the definition of the concept of epithet (preparation for a functional characteristic). *Ekologiya jazyka i komunikativnaya praktika* = Ecology of language and communicative practice, 2017, no. № 2 (9), pp. 122-138. (In Russian)

Vinogradova S.A. Plasticity of semantics of predicate words slov. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of Tver State University, 2021, iss. 4 (71), pp. 30-38. <https://doi.org/10.26456/vtphil/2021.4.030>. (In Russian)

Voitekhovich R.S. The Fight Against Nostalgia as a Poetic Device in the Late Lyrics of M. Tsvetaeva. *Studia Rossica Posnaniensia*, Poznan, 2019, vol. 44, pp. 63-72. (In Russian)

Gorbachevich K. S., Khablo E. P. Dictionary of epithets of the Russian literary language. Leningrad, 1979, 285 p. (In Russian).

Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rhema* = Rhema, 2018, iss. 4, pp. 9-34. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>. (In Russian).

Gromova A.V. The expressive potential of adjectives in attributive regulatory structures epithets type (based on the material of lyrics of M. I. Tsvetaeva). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2010, iss. 6 (96), pp. 46-49. (In Russian)

Gryaznova V. M., Gubanov S. A. Hyperconcept quality as a mechanism of verbal representation of epithetic paradigm in M. Tsvetaeva's works. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* = Humanities and Legal Studies, 2023, vol. 10, iss. 2, pp. 185-197. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.1>. (In Russian)

Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect. Leningrad, 1989, 263 p. (In Russian)

Kuchera P. For My Call is Always Full of Away: Marina Cvetaeva and the Late Rilke. *Opera Slavica*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 15-31. (In Russian)

Lyapon M.V. *Prose of Tsvetaeva*. Experience of reconstruction of the author's speech portrait. Moscow, 2010, 528 p. (In Russian)

Revzina O.G. Occasional word in poetic language. *Slovar' poeticheskogo jazyka Mariny Tsvetaevoy: в 4 т.* = Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva, in 4 vols. Moscow, 1998, vol. 2.

Revzina O.G. Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva in 4 vols, Moscow, 1996, vol. 1, 316 p. (In Russian)

Fadeeva T.M. A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language. Thesis of Doct. Philol. Diss. Moscow, 2014. (In Russian)

Shul'ts S.A. M.I. Tsvetaeva — F.I. Tyutchev (Silentium!) — L.N. Tolstoy (Anna Karenina): Towards the Hermeneutics of the Relationship Between Poetry and Word, Individual and Common Life. *Literaturovedcheskii zhurnal* = The Journal of Literary History and Theory, 2023, no. 4 (62), pp. 305–333. Retrieved from: <https://doi.org/10.31249/litzhur/2022.62.08> (In Russian)

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language, Cambridge University Press, 1994, 185 p.

Sweetser E. Blended spaces and performativity. Cognitive linguistics, 2000, vol. 11, no. 305–333.

List of Sources

Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva in 4 vols, Moscow, 1996–2004, vol. 3, iss. 1, vol. 4, iss. 2, 784 p. (In Russian)

National Corpus of the Russian Language (NCRY). Retrieved from: <https://ruscorpora.ru/>. (In Russian)

Tsvetaeva M.I. *Collected works*: in 7 Moscow, 1994–1997. (In Russian)

ФРАЗЕОЛОГИЯ СМЕЛОСТИ И ТРУСОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

О.Н. Григорьева, Гаюань Хао

Ключевые слова: фразеологизм, семантический компонент, соматизм, синоним, сравнительный оборот, метафора

Keywords: phraseological unit, semantic component, somatism, synonym, comparative phrase, metaphor

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-05)

Введение

Являясь важнейшей частью языка, отражающей культуру народа, фразеология заключает в себе национальную историческую память, социальные когнитивные модели. Ученые уделяют внимание не только основным проблемам фразеологии, структурным особенностям и отдельным классам фразеологизмов, но и особенностям ее употребления в различных типах текстов и жанров. По мнению О.П. Фесенко, существует несколько направлений развития фразеологии: «рассмотрение фразеологии как культурного кода нации, изучение ее в аспекте отражения эволюции языка и языковой личности, исследование функционирования языковых и индивидуально-авторских фразеологизмов в различных сферах художественной коммуникации, выявление роли фразеологизмов в формировании идиостиля отдельных авторов» [Фесенко, 2003, с. 3]. Н.М. Шанский отмечает, что специфические свойства разговорно-бытовых фразеологических единиц особенно ярко проявляются при сравнении их с синонимичными общеупотребительными словами: *смелый — о двух головах; поглупеть — выжить из ума* и т.д. [Шанский, 1996, с. 168]. В исследовании Н.Л. Васильева и Д.Н. Жаткина изучается особая функция фразеологизмов в поэтическом тексте. Благодаря лексической многокомпонентности и структурной связности фразеологических единиц их использование в поэзии усиливает образность и эмоциональную выразительность стихотворения, придает произведению новую художественную жизненную силу, обновляя традиционную поэтическую форму [Васильев, Жаткин, 2016, с. 16–17].

Фразеология в языке в произведениях А.С. Пушкина также становится объектом исследования. Так, Сафи Рабия Хамид отмечает, что

«фразеологизмы, употребляемые Пушкиным, ориентированы на ту эпоху, о которой идет разговор в произведениях, т.е. Пушкин умело использует как современные ему фразеологизмы, так и для стилизации устаревшие архаичные фразеологизмы» [Сафи, 2012, с. 7]. У Пушкина встречаются выражения, многие из которых сейчас устарели, такие как *давать последний лепт, паче чаяния, в бозе почивающий* и др., а также те, которые используются и сегодня, например: *в бегах, битый час, бить баклущи, чем бог послал* и т.д. Фразеологические единицы в прозе Пушкина имеют эмоционально-экспрессивный характер. Разговорные идиомы окрашены в «фамильярные, шутливые, иронические, презрительные тона», например: *ни рыба ни мясо, гарнизонная крыса* и др. [Сафи, 2012, с. 15]. Цэрэндорж Цэцэгмаа в своей диссертации замечает, что «неполное представление о фразеологии Пушкина дает „Словарь языка Пушкина“ (1956–1961; нов. матер. 1982), так как фразеология в нем только фиксируется, не получая исчерпывающей лексикографической разработки, учитывающей специфику ФЕ как особой единицы языка» [Цэцэгмаа, 2005, с. 9].

В книге «Поэтическая фразеология Пушкина» исследуются связь фразеологизмов с национальными литературными и фольклорными источниками. Например, обозначение военных действий как *бранных споров*: «*Витгенштейн легче бить Умел, чем отходить Средь самых пылких, бранных споров, Быв смел как лев, быстр как Суворов* (Державин, Гимн лиро-эпический на прогнание французов)» [Григорьева, 1969, с. 88]. Автор подчеркивает, что грамматические связи не всегда определяют логические отношения между словами, например, в сочетании *сын смелых Муз* прилагательное могло подчеркивать качества самого поэта [Григорьева, 1969, с. 113]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский отмечают, что процесс идиоматизации фраз не только упрощает их синтаксическую структуру, но и усложняет семантику, вносит в текст богатую имплицитную информацию. Особенно ярко это проявляется в произведениях Пушкина при описании смелости и трусости персонажей, когда использование фразеологизмов не только усиливает экспрессивную силу текста, но и отражает типичные качества русского народа. [Баранов, Добровольский, 2024, с. 11].

Языковая личность Пушкина находит отражение в его частной переписке. При помощи окказиональных фразеологических оборотов в эпистолярных текстах передается эмоциональное отношение поэта к событиям и людям [Фесенко, 2003, с. 21]. Д.А. Цыганов замечает, что комический эффект в эпистолярном творчестве Пушкина создается стилистически окрашенными (экспрессивными), контрастными по смыслу

и окказиональными фразеологизмами [Цыганов, 2023, с. 58]. Это подчеркивает языковую индивидуальность автора, выявляет динамическую роль фразеологизмов в формировании его стиля.

В статье О.В. Шаталовой говорится о влиянии античной фразеологии на язык А.С. Пушкина. Поэт прибегал к мифологическим образам и латинским афоризмам. «Для образованного человека XIX века использование латинских афоризмов в речи было настолько естественным, что они фиксировались в сознании личности в качестве своеобразных языковых ресурсов и не оценивались говорящим как чужеродные вкрапления» [Шаталова, 2017, с. 117].

Еще один аспект, который вызывает интерес у исследователей, — перевод произведений Пушкина. Авторы статьи, посвященной одному из фразеологизмов в романе «Евгений Онегин», отмечают, что перевод не передает «всего многообразия заключенных в тексте (и подтексте) значений. Перевод романа в стихах А.С. Пушкина „Евгений Онегин“ — сложнейшая задача, так как словесная многозначность, лингвокультурологические особенности, удаленность исторической эпохи, существенные различия в языке не позволяют перевести оригинал так, чтобы сохранить всю уникальную многогранность этого произведения, передать все мерцающие скрытые смыслы» [Арутюнов, Латыева, Назарова, 2019, с. 288–289].

Существующие исследования в основном посвящены общей классификации фразеологизмов Пушкина, их использованию в различных жанрах или переводческих стратегиях, но не в рамках конкретных семантических полей. Основная цель нашей статьи заключается в определении особенностей фразеологических единиц с семантическими компонентами ‘смелость’ и ‘трусость’ в общелитературном языке и в художественных текстах А.С. Пушкина. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: выявить данные фразеологизмы во фразеологических словарях и в пушкинских произведениях, определить особенности их семантики; проанализировать эти выражения с точки зрения их национально-культурной специфики.

Методы и материалы исследования

Цели исследования и поставленные задачи определяют использование следующих методов: сплошная выборка языкового материала, компонентный анализ, лексический и стилистический анализ.

Материалом послужили толковые и фразеологические словари русского языка, а также поэтические и прозаические тексты А.С. Пушкина.

Результаты исследования

На основании толковых и фразеологических словарей мы выделили 68 фразеологизмов, из этого числа 22 отмечены в произведениях А.С. Пушкина.

26 выражений включают семантический компонент ‘смелость’. У Пушкина встретились 7 из этих словосочетаний. Большинство устойчивых сочетаний являются определением человека и включают наименования части тела: *голова, головушка, башка, рука, бровь*.

Фразеологизмы со словами *голова* и *головушка* построены на метонимическом переносе. Они, по сути, являются синонимами.

Рассмотрим их словарные толкования.

Бедовая голова, бедовая головушка — отчаянный, бесшабашно смелый человек. *Буйная головушка* — удалой, лихой человек. *Отчаянная голова* — безрассудно смелый человек. Все четыре фразеологизма сопровождаются пометами «разговорное» и «экспрессивное» [Федоров, 2008].

О двух головах (устаревшее, экспрессивное) — безрассудно смелый, рискующий жизнью человек; смельчак, лихач. Пушкин употребил это выражение в стихотворении «Песни западных славян»: *Старый Петра сына укоряет: — Бунтовщик ты, злодей проклятый... Аль о двух головах ты родился? Пропадай ты себе окаянный. Да зачем ты всю Сербию губишь?* [Федоров, 2008].

Как стилистически сниженные определяются два фразеологизма: *отчаянная головушка* (просторечное, экспрессивное) — безрассудно отчаянный человек; *удалая башка* (устаревшее, просторечное) — отчаянно смелый человек [Федоров, 2008].

У Пушкина встречаем это выражение в стихотворении «Делибаш» (1829)¹. Интересно, что *делибаш*, конник турецкой армии, по-турецки буквально означает «отчаянная голова».

Эй, казак! не рвися к бою:

Делибаш на всем скаку

Срежет саблею кривою

С плеч удалую башку (т. 2, с. 270).

Удалая голова в словаре дается с пометами «разговорное» и «экспрессивное». Имеет значение «удалой, лихой человек, которому все ни почем» [Федоров, 2008].

¹ Примеры из произведений А.С. Пушкина даются по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т.: К 150-летию со дня рождения. М. ; Л., 1950.

Удалая головушка — просторечное, часто шутливо-ироничное выражение, означающее смелого, отважного, рискового человека [Мокиенко, Никитина, 2007].

В романе Пушкина «Капитанская дочка» (1836) жена капитана Миронова так называет своего уже казненного мужа, с горечью обращаясь к нему: «Свет ты мой, Иван Кузмич, *удалая солдатская головушка!* не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» (т. 5, с. 343).

Особо следует рассмотреть наречное сочетание *очертя голову* — безрассудно смело, не думая о последствиях. В словаре оно имеет по-меты «разговорное» и «экспрессивное». По одной из версий, выражение связано с древним поверью о том, что нужно было очертить вокруг себя круг, чтобы оградить себя от опасностей, связанных с нечистой силой. Древнерусские воины концом меча очерчивали над своей головой магический круг, охраняя себя от гибели в предстоящем бою [Справочник по фразеологии].

Рука не дрогнет — не побоится, не остановится перед тем, чтобы что-нибудь сделать. *Даже бровью не ведет* — не обращает внимания на грядущую опасность [Федоров, 2008]. Оба выражения встречаются в романе «Евгений Онегин» (1823–1831) — в описании характера Владимира Ленского и в сцене последней встречи Татьяны с Онегиным:

Он верил, что друзья готовы

За честь его принять оковы

И что *не дрогнет* их рука

Разбить сосуд клеветника...

(т. 4, с. 39)

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась

Иль стала вдруг бледна, красна...

У ней *и бровь не шевельнулась* (т. 4, с. 163).

Не робкого десятка («разговорное») — смелый, храбрый, ничего не боится. Слово *десяток* ранее обозначало самое мелкое воинское подразделение [Быстрова, Окунева, Шанский, 1992]. В романе Пушкина «Капитанская дочка» Швабрин бросает реплику о жене капитана Миронова: «Василиса Егоровна *прехрабрая дама*». Капитан Миронов с ним соглашается: *Да, слышь ты, — сказал Иван Кузмич, — баба-то *не робкого десятка*!* (т. 5, с. 309). В.Н. Телия в книге «Русская фразеология», говоря об идиомах, описывающих свойства характера, упоминает выражение *не трусливого [не робкого] десятка* [Телия, 1996, с. 172].

Выражение *сам черт не брат* («просторечное», «экспрессивное») означает, что все нипочем, ничего не стоит — о чьей-либо крайней сме-

лости, независимости в делах, действиях, поступках. По одной версии, оно связано с образом черта как близкого родственника. Это объясняется суеверием, что «черт своих не берет». По другой версии, этот оборот соотносится с французским фразеологизмом *король ему не брат* [Федоров, 2008].

Рыцарь без страха и упрека («книжное», «высокое») — человек высоких нравственных достоинств, качеств. Является переводом французского выражения: *Le chevalier sans peur et sans reproche* [Ушаков, т. 3, 1939].

Приведенные фразеологизмы еще раз подтверждают точку зрения В.В. Виноградова о том, что А.С. Пушкин «произвел новый, оригинальный синтез тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи. Это были: 1) церковнославян主义ы...; 2) европеизмы (преимущественно во французском обличье) и 3) элементы живой русской национально-бытовой речи...» [Виноградов, 1941, с. 5].

Проявление смелости передается глагольными фразеологическими выражениями.

Фразеологизм *набираться (набраться) духу* сопровождается в словаре пометами «разговорное» и «экспрессивное». Имеет значение «пебрарывая, превозмогая в себе страх, робость, неуверенность, решаться на что-либо». Близкое по значению устойчивое словосочетание *собираться с духом*, «просторечное» и «экспрессивное», означает «преодолевать свою нерешительность, робость, страх» [Федоров, 2008]. В романе «Дубровский» это выражение Пушкин использует в сцене признания героя Маше, что он не француз Дефорж: *Он молчал и, казался, собирался с духом. — Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец, — вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...* (т. 5, с. 206)

Синонимическими к приведенным словосочетаниям являются фразеологизмы *набраться храбрости (смелости)* и *взять на себя смелость* — что-то решительно сделать, осмелиться на что-либо [Федоров, 2008].

В стилизованной статье-мистификации Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (1837), опубликованной после его смерти, читаем: *Лет сорок тому назад случилось мне напечатать поэму под заглавием «Генриада». Исчисляя в ней героев, прославивших Францию, взял я на себя смелость обратиться к знаменитой вашей родственнице* (т. 6, с. 223).

Д. Лакофф и М. Джонсон предполагают, что глаза являются вместилищами эмоций [Д. Лакофф, М. Джонсон, 2004, 84]. Метафориче-

ски переосмыслено в русском языке словосочетание *смотреть в глаза* (смерти, опасности) — в значении «не бояться; быть смелым, хладнокровным». Обычно это связано с воинской храбростью, как и два других выражения: *не кланяться пулям* («экспрессивное») — не проявлять трусости на поле боя, не пригибаться, спасаясь от пролетающих пуль; *пасть смертью храбрых* («книжное», «высокое») — погибнуть геройски, достойно, проявляя отвагу и мужество (при исполнении воинского долга) [Федоров, 2008].

Есть фразеологизмы, в которых говорится о смелости, граничащей с безрассудством: *идти в огонь и в воду* — идти на любой самоотверженный поступок, жертвуя всем; *не бояться ни бога, ни черта* быть — безрассудно смелым; поступать необдуманно смело; *море по колено* — ничто не страшно для кого-либо; все нипочем кому-либо [Федоров, 2008]. *Все нипочем* — ничто не страшно [Тришин, 2013]. Все эти выражения сопровождаются пометами «разговорное» и «экспрессивное».

Не бояться <господа> бога («устаревшее») с неодобрительным оттенком, означающим поступать смело и не боясь ничего [Федоров, 2008]. В пушкинском «Дубровском» жена смотрителя так описывает своего мужа: *Смотрительша опрометью кинулась к окошку, но было уже поздно: Дубровский был уж далеко. Она принялась бранить мужа: — Бога ты не боишься, Сидорыч. Зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять вернулся* (т. 6, с. 186).

43 выражения включают семантический компонент ‘трусость’. У Пушкина встретились 16 из этих словосочетаний.

Только четыре устойчивых сочетания являются определением человека: *робкого десятка, не из храброго десятка, трусливый как заяц, пугливый как лань*. Остальные характеризуют состояние или поведение того, кто испытывает страх. По мнению О.Ю. Динисламова, животные всегда были мерилом физических и нравственных качеств человека. Сравнивая поведение и повадки животных и человека, люди переносили некоторые характеристики животных на человека, поэтому образ животных занимает важное место в структуре фразеологических единиц каждого развитого языка. Семантическая структура таких фразеологических единиц формируется на основе ассоциативных связей. Как утверждает Д.Н. Шмелев, связь человека и животных «основывается на ассоциативных, репрезентативных признаках, связанных с основным значением слова» [Шмелев, 1973, с. 231].

Робкого десятка («разговорное») — боязливый, трусливый [Федоров, 2008]. *Не из храброго десятка* — это синонимичная идиома. Но

кроме разговорного характера, эта идиома имеет иронический оттенок [Федоров, 2008]. В произведении Пушкина «Дубровский» Кирила Петрович так описывает трусливого Антона Пафнутича: — Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, **не из храброго десятка**; чего ты боишься? — Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; **того и гляди попадешься ему в лапы**. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерет (т. 6, с. 175).

Д. Лакофф и М. Джонсон указывают, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Человеческие эмоции почти никогда не выражаются напрямую, а всегда уподобляются какому-то существу [Лакофф, Джонсон, 2004, 203]. Метафорический объект не только помогает нам понять реальное значение слова, но и более четко выражает национальную культуру, которую он отражает. Метафора «позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации для носителя данного языка» [Маркелова, Хабарова, 2005, 20]. Восемь фразеологизмов прямо или косвенно связаны с животным и растительным миром. Они или являются устойчивыми сравнительными оборотами, или включают метафору. Рассмотрим эти выражения.

Трусливый как заяц, пугливый как лань — устойчивые сравнения, отмеченные в Словаре синонимов [Тришин, 2013]. В романе «Евгений Онегин» Пушкин использует одно из них, характеризуя Татьяну:

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой (т. 4, с. 47).

Дрожать как осиновый лист значит «испытывать страх, бояться, буквально трястись от страха или ужаса». О.И. Северская пишет о долгой истории этого оборота: «Вначале он звучал иначе: *дрожать как лист* или *трястись как лист*. Потом появилась форма: *дрожать как осенний лист*, такое же выражение есть, например, во французском языке — *trembler comme une feuille morte*. <...> Умирать страшно, наверное, даже листьям. В XVIII веке сравнение стало употребляться с известным нам уточнением: *задрожать как лист на осине, трепетать как осиновый лист, трястись осиновым листом...* Вариантов было множество, пока не остался один — самый лаконичный и выразительный: *дрожать как осиновый лист*. Сравнение это связывают с преданием о том, что именно на осине повесился Иуда, предавший Христа. И оскверненному Иудой дереву суждено якобы было вечно дрожать» [Северская, 2009].

Поджать хвост («просторечное», «презрительное») — испугавшись последствий своих действий, поступков, становиться осмотрительным, осторожным [Федоров, 2008]. В пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде» читаем: *Бесенок оторопел. Хвостик поджал, совсем присмирил* (т. 3, с. 306). Эта фразеология встречается у «Дубровского»: — Больно спесив Кирила Петрович! а небось *поджал хвост*, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пёс! долой со двора!» (т. 6, с. 161).

Сердце дрожит как овечий хвост («просторечное», «шутливоое») — кто-либо испытывает страх, робость [Федоров, 2008].

Переносное значение слова *шкура* (в сочетании со словом *своя*) в словарях трактуется как «жизнь, существование, положение, благополучие (обычно в составе некоторых устойчивых выражений)» [МАС]. В отношении к трусости есть три синонимичных выражения с этим словом: *беречь свою шкуру* («просторечное») — быть осторожным, не рисковать своей жизнью; *трястись за свою шкуру* («просторечное», «пренебрежительное») — бояться за свою жизнь, благополучие; *спасать свою шкуру* («разговорное», «презрительное») — трусливо уклоняться от опасности (предавая жизнь, интересы других людей) [Федоров, 2008].

Страх перед природной стихией выражен в устойчивом сравнении *бояться как огня* («разговорное», «экспрессивное») — очень сильно, панически бояться [Федоров, 2008]. Ср. *идти в огонь и в воду*. У Пушкина это выражение встречается в повести «Пиковая дама»: *Покойный дедушка, сколько я помню, был род бабушкина дворецкого. Он ее боялся, как огня...* (т. 5, с. 234).

Слово *дух* в значении «внутреннее состояние, моральная сила человека» используется в трех фразеологизмах: *не иметь духа* («устаревшее») — не отважиться, не решиться что-либо сказать, сделать; *не хватает духу* («разговорное») — недостает смелости, решительности для выполнения, осуществления чего-либо; *дух захватывает* («разговорное») — о затруднении, остановке дыхания (от волнения, испуга, сильных переживаний) [Мокиенко, Никитина, 2007].

Многие устойчивые сочетания данной группы являются психосоматическими, т.е. отражают физическое или эмоциональное состояние человека, испытывающего страх. Выше мы упоминали устойчивое сравнение *дрожать как осиновый лист*. Выражение *дрожать от страха* в качестве примера приводится в Малом академическом словаре в статье «Страх» [Малый академический словарь]. Пушкин использует этот фразеологизм в стихотворении «Русалка» (1819): *Святой монах дрожит со страха / И смотрит на ее красы* (т. 1, с. 81-82). Н.Л. Васильев и Д.Н. Жаткин также подчеркнули, что фразеологизмы являются эффек-

тивным средством выражения, «оценки, образности, обновления „кли-шированных“ поэтических форм, когда речь идет о лирических произве-дениях, диалогах, „размывания“» [Васильев, Жаткин, 2016, с. 16].

Глагол *дрожать* и его синоним *трястись* входят еще в несколько устойчивых сочетаний: *коленки дрожат* («разговорное», «экспрессивное») — кто-либо очень сильно боится, испуган чем-либо; *поджилки дрожат* («просторечное», «пренебрежительное») — кто-либо испытывает чувство сильного волнения, страх [Федоров, 2008]. *Поджилки* («разговорное») — коленные сухожилия; *поджилки трясутся* («про-сторечное», «пренебрежительное») — кто-либо испытывает сильный страх, дрожит от страха [Ушаков, т. 3, 1939].

Ноги подкашиваются («просторечное», «экспрессивное») говорят о том, кто не может держаться на ногах, испытывая сильное волнение, испуг [Федоров, 2008]. Такие чувства испытывает герой повести Пушкина «Гробовщик» из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Бел-кина» (1830): *Адрияну показалось, что по комнатам его ходят люди. «Что за дьявольщина!» — подумал он и спешил войти... тут ноги его подкосились. Комната полна была мертвцами* (т. 5, с. 83).

Метафорическая модель физической дисфункции также играет важную роль в концептуализации психических состояний, приписывая их «в обыденном сознании носителя данного языка» [Баранов, Доброволь-ский, 2008, 135]. Невозможность двигаться, онемение — также явление психосоматики. Оно отражается в выражении *стоять как вкопанный* — стоять неподвижно от ужаса, удивления [Михельсон, 1912]. Этот фра-зеологический оборот встречается в романе Пушкина «Дубровский»: *Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, всё каза-лось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут у него в кармане и красноречиво твердили ему о существенности удивительного проис-шествия* (т. 5, с. 202).

В повести «Выстрел» сцена встречи героев сопровождается описанием их эмоционального состояния: *дрожащий голос* у одного и *волосы дыбом* у другого. В словаре фразеологизм *волосы дыбом* («разговорное», «экспрессивное») толкуется как «охватывает ужас, страх» [Федоров, 2008]: «*Ты не узнал меня, граф?*» — *сказал он дрожащим голосом*. «*Сильвио!*» — *закричал я, и, признаюсь, я почувствовал, как волоса ста-ли вдруг на мне дыбом* (т. 5, с. 61).

В романе «Капитанская дочка» похожие ощущения описывает Гри-нев: *Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлоблен-ный Швабрин мог открыть ему всё... Тогда что станется с Марьей*

Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волосы становились дыбом... (т. 5, с. 309).

Синонимичный фразеологизм *волосы шевелятся* («просторечное», «экспрессивное») также иносказательно выражает чувство страха, ужаса, которое испытывает человек [Федоров, 2008].

Целый ряд образных словосочетаний, обозначающих в русском языке сильный испуг, страх, тревогу, включают слова *сердце* и *душа*, которые занимают особое место в эмотивной фразеологии.

Например, устойчивый оборот *сердце замирает* («разговорное», «экспрессивное») имеет следующее значение: «кто-либо испытывает глубокую тоску, печаль или сильный страх, плохое предчувствие в связи с чем-либо» [Федоров, 2008]. В исторической драме «Борис Годунов» (1825) Ксения, дочь Бориса, восклицает: *Aх, братец, сердце замирает* (т. 4, с. 298).

В романе «Капитанская дочка» два случая употребления этого выражения: *Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рыси шапки, да как заслыши их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет!* (т. 5, с. 309); Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; *сердце ее сильно билось и замирало* (т. 5, с. 399).

С *замиранием сердца* означает «испытывая сильное волнение, тревогу» [Малый академический словарь]. Это выражение встречается в повести Пушкина «Метель»: *То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, <...> и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного* (т. 5, с. 65).

Пять следующих фразеологизмов синонимичны и имеют в словаре пометы «разговорное» и «экспрессивное». *Сердце ёкает в груди* говорится о ком-либо, кто испытывает мгновенный страх, неожиданную тревогу, плохое предчувствие, необъяснимое волнение; *сердце в пятки уходит* — когда кто-либо испытывает сильный испуг, страх, неожиданную слабость; *сердце оборвалось* — когда кто-либо внезапно чувствует страх, тревогу, испуг; *душа уходит в пятки* — когда кто-либо трусит, испытывает сильный страх [Федоров, 2008].

Слово *пятки* входит также в устойчивое сочетание *показывать пятки* («разговорное», «ироничное») — струсив, убегать, обращаться в бегство [Федоров, 2008].

Подобно тому, как тело реагирует на внешние или внутренние раздражители физиологическими состояниями, такими как бледность, сердцебиение, потливость и т.д., эмоции реагируют как на внешние,

так и на внутренние воздействия [Апресян, 1995, с. 50]. Обращает на себя внимание, что с понятиями смелости и трусости соотносится температурная оппозиция «горячий — холодный». Ср. *горячая голова* — о решительном человеке. Ощущение холода связано с сильным испугом, что отражено в следующих фразеологизмах: *мороз по коже дерет* («экспрессивное») — от внезапного сильного страха, волнения, ощущается озноб; *кровь леденеет* (леденела) в жилах («разговорное», «экспрессивное») — кто-либо испытывает чувство сильного страха, ужаса; *кровь в жилах застывает* («устаревшее») — кто-либо испытывает чувство сильного страха, ужаса [Федоров, 2008].

Тема жизни и смерти, тонкой грани между ними лежит в основе некоторых фразеологизмов, таких как *ни жив ни мертв, чуть живой от страха, испугаться до смерти*.

Не сметь дохнуть («просторечное», «экспрессивное») значит «замереть от ужаса, страха; испытывать робость, не осмелиться что-либо сделать» [Федоров, 2008]. Пушкин описывает это в поэме «Бахчисарайский фонтан»: *Что ж полон грусти ум Гирея? Чубук в руках его потух; Недвижим, и дохнуть не смея, У двери знака ждет евнух.*

Ни жив ни мертв («разговорное», «экспрессивное») означает «сильно перепуган, расстроен» [Федоров, 2008]. В романе «Капитанская дочка» капитан Миронов такими словами характеризует состояние дочери: *Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва* (т. 5. с. 339).

Чуть (еле) живой от страха может употребляться в том же значении, хотя словари его не фиксируют. Это выражение Пушкин использует в петербургской повести «Уединенный домик на Васильевском» (1828): *Тут санки опрокинулись, раздался дикий хохот, пронесся страшный вихрь; экипаж, лошадь, ямщик — всё сравнялось с снегом, и Павел остался один-одинехонек за городскою заставою, еле живой от страха* (т. 9, с. 365).

Идиома *испугаться до смерти* приведена в «Словаре русской идиоматики» [Кустова, 2008]. У Пушкина она встречается в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»:

Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась (т. 3, с. 347).

Значения фразеологических единиц может быть мотивировано религиозной тематикой. При сохранении внутренней связи неизбежно возникает образное переосмысление. Примером может служить выра-

жение *побойся бога*, которое на основе метонимического переноса приобрело два значения: 1. Постыдись, имей совесть. 2. Не поступай так необдуманно, поспешно [Федоров, 2008]. В романе «Капитанская дочка» оно употреблено во втором значении. Савельич предостерегает Гринева: — *Батюшка Петр Андреич!* — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — **Побойся бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников!** (т. 5. с. 365).

Страх Божий в словаре Федорова трактуется как фразеологизм, имеющий значение «очень много» и сопровождается пометами «просторечное» и «экспрессивное» [Федоров, 2008]. Подлинный смысл этого выражения для многих оказывается затемненным. Толкование его значения можно найти в Библейской энциклопедии. *Страх Божий* — это христианская добродетель, благовение перед Богом, смирение, равное любви. «По силе этого-то, конечно, совершеннейшего страха Божия, преподобный Антоний Египетский говорил некогда о себе: „Я уже не боюсь Бога, а люблю Его“» [Библейская энциклопедия, 1892, с. 16].

Выражение *страха ради иудейска* («книжное», «экспрессивное») означает «из угодничества, из-за боязни перед кем-либо». Оно пришло из евангельского сказания об Иосифе, который был тайным учеником Иисуса — из-за страха перед иудеями [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 584].

Бояться как черт ладана — очень сильно бояться кого-либо или чего-либо [МАС]. Ладан — ароматическая смола, которая используется в церкви во время богослужений. Считается, что ладан отпугивает нечистую силу.

О. В. Шаталова подтверждает влияние латинских и античных фразеологизмов на языковое выражение личности А. С. Пушкина. В своих произведениях А. С. Пушкин непосредственно использует мифологические образы, пересказывает исторические и героические анекдоты, цитирует философов и употребляет общие выражения [Шаталова, 2017, с. 116]. Мифологическую основу имеет фразеологизм *панический страх*, обозначающий безотчетный, внезапный страх, охватывающий человека. Согласно греческой мифологии, Пан — бог лесов, покровитель охотников и пастухов. Своим внешним видом (козлиные ноги, рога и борода) он наводил страх на людей, обращая их в бегство. С этим выражением непосредственно связан фразеологизм *наводить панику* — паниковать [Мокиенко, Никитина, 2007]. Такое проявление страха может вызвать испуг и у других людей.

Сознательно воздействовать на человека, пытаясь смутить, запугать его в корыстных целях обозначает устойчивый оборот *брать на испуг*, имеющий в словаре помету «просторечное» [Федоров, 2008].

Отдельного комментария заслуживает фразеологизм *праздновать труса (трусу)* («ироничное»), имеющий значение «трусить, бояться». Т.А. Иванова в статье «Как и почему празднуют трусу?» пишет о давних спорах ученых по поводу происхождения этого выражения. Автор склоняется к точке зрения Н.А. Мещерского, который считал, что этот фразеологизм появился до XVII века «Его непосредственным источником является переводная церковнославянская письменность, а именно месяцесловная „память (великому) трусу“, где слово *трус* употребляется в значении „землетрясение“» [Иванова, 1998, с. 109]. В Древнюю Русь пришел из Византии обычай праздновать трусу, или праведный Божий гнев. Только в XVIII веке появилось омонимичное слово *трус* в значении «трусливый человек», и это устойчивое сочетание было переосмыслено [Иванова, 1998, с. 110].

Заключение

На основе анализа фразеологического материала можно сделать ряд выводов. Большинство устойчивых сочетаний с семантическими компонентами ‘смелость’ и ‘трусость’ относятся к разговорной речи и наделены экспрессивностью. Около половины фразеологизмов обозначают психоэмоциональное состояние человека и имеют в своем составе соматизмы. Словосочетаний с семантикой трусости почти в два раза больше, чем с семантикой смелости, что вполне закономерно. М.А. Кронгауз говорил в своем интервью, что в обществе потребность давать чему-либо или кому-либо отрицательную оценку больше, чем положительную: «И здесь важно разнообразие: мы имеем гораздо больше шкал агрессии и ругани, чем шкал похвалы и положительной оценки. Сразу вспоминается цитата из Толстого о счастливых и несчастливых семьях — нюансов в плохом мы видим больше, чем нюансов в хорошем» [Кронгауз, 2012]. Все названные особенности проявляются и в творчестве А.С. Пушкина, преимущественно в его прозаических произведениях. Наибольшее число фразеологизмов, относящихся к теме смелости и трусости, выявлено в романе «Капитанская дочка». Данные выражения используются для раскрытия характеров героев, передачи их внутреннего состояния.

Библиографический список

Арутюнов Г.Г., Латыева Е.В., Назарова Н.Е. К вопросу о возможностях перевода одного фразеологизма в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2019. № 1. С. 287–296. Электронный ресурс: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39240869>

Ашукин Н.С, Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 2-е изд., доп. М.: Правда, 1960. 751 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. 280 с.

Библейская энциклопедия архимандрита Никифора. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1891–1892. Т. IV.

Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М.: Издательство: Просвещение. Санкт-Петербургское отделение, 1992. 272 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Фразеология в произведениях поэтов «пушкинской плеяды» (сравнительно-статистические аспекты) // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 16–19.

Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М.: Наука, 1969. 389 с.

Иванова Т.А. Как и почему празднуют трусы? Памяти Н.А. Мещерского // Русская речь. 1998. № 1. С. 107–112.

Кронгауз М.А. Интервью // Московский книжный журнал, 09.08.12. Электронный ресурс: <https://morebook.ru/interv/item/1344520489111#gsc.tab=0>

Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. 2008. Электронный ресурс: <http://dict.ruslang.ru/>

Малый академический словарь А.П. Евгеньевой. Электронный ресурс: <https://lexicography.online/explanatory/mas/>

Михедова О.С. «Не из робкого десятка...», или Лингвокультурологический аспект изучения фразеологизмов семантического поля «смесь» на занятиях по русскому языку как иностранному // Русская литература в иностранной аудитории. СПб., 2024. С. 163–171.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1912. 103 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 785 с.

Сафи Рабия Хамид. Фразеологизмы прозы А.С. Пушкина: структурно-семантический и функциональный аспект: на материале произведений: «Капитанская дочка», «Повести Белкина» и «Дубровский» : автограф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Северская О.И. Дрожать как осиновый лист // Русский язык, 2009, № 3. Электронный ресурс: <https://rus.1sept.ru>

Справочник по фразеологии. Электронный ресурс: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii?ysclid=m585bdan2b215962370>

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки Славянской Культуры, 1996. 288 с.

Тришин В.Н. Словарь синонимов системы ASIS. 2013. Электронный ресурс: <https://dic.academic.ru>

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: т. 1–4. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1939. Т. 3. Стб. 13–1424.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е издание исправленное. М.: ACT, 2008. 880 с.

Фесенко О.П. Фразеология эпистолярных текстов А.С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003.

Цыганов Д.А. Языковые средства создания комического в эпистолярном дискурсе А.С. Пушкина // Бахтинский вестник. 2023. Т. 5, № 1. С. 56–61.

Цэцэгмаа Цэрэндорж. Фразеология в текстах А.С. Пушкина: Состав и употребление : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

Шаталова О.В. Классическая фразеология и грамматика как компонент языковой личности А.С. Пушкина // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 116–119.

Источник

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т.: К 150-летию со дня рождения. М. ; Л., 1950.

References

Arutyunov G.G., Latyeva E.V., Nazarova N.E. The matter of possible translation of an idiom in A.S. Pushkin's novel «Eugene Onegin». *Russkiy jazyk i kul'tura v zerkale perevoda = Russian Language and Culture Reflected in Translation*, 2019, no. 1, pp. 287–296. (In Russian)

Ashukin N.S., Ashukina M.G. Winged words. Literary quotations. Figurative expressions, Moscow, 1960. 751 p. (In Russian)

Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Essays of general and Russian phraseology, Moscow, 2024, 280 p. (In Russian)

Bible Encyclopedia of Archimandrite Nicephorus. Vol. IV, Moscow, 1891–1892. (In Russian)

Bystrova E.A., Okuneva A.P., Shansky N.M. Educational phraseological dictionary, Moscow, 1992, 272 p. (In Russian)

Evgenyeva A.P. Small Academic Dictionary (MAS), Retrieved from: <https://lexicography.online> (In Russian)

Fedorov A.I. Phraseological dictionary of Russian literary language. Moscow, 2008, 880 p. (In Russian)

Fesenko O.P. Phraseology of A.S. Pushkin's epistolary texts in semantic, stylistic and functional aspects. Abstract of Philol. Cand. Diss, Tyumen, 2003. (In Russian)

Grigorieva A.D., Ivanova N.N. Poetic phraseology of Pushkin. Moscow, 1969, 389 p. (In Russian)

Handbook of Phraseology. Retrieved from: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii?ysclid=m585bdan2b215962370> (In Russian)

Ivanova T.A. How and why do they celebrate the coward? In memory of N.A. Meshchersky. *Russkaya rech'* = Russkaya rech. 1998. no. 1. (In Russian)

Krongauz M.A. Interview. *Moskovskiy knizhnyy zhurnal* = The Moscow Review of Books, Retrieved from: <https://morebook.ru/interv/item/1344520489111#gsc.tab=0> (In Russian)

Kustova G.I. Dictionary of Russian idiomatics. Combinations of words with the meaning of high degree, 2008. Retrieved from: <http://dict.ruslang.ru/> (In Russian)

Michelson M.I. Russian Thought and Speech: Own and Alien. Experience of Russian Phraseology: A collection of figurative words and utterances. St. Petersburg, 1912, 103 p. (In Russian)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. The big dictionary of Russian proverbs, Moscow, 2007, 785 p. (In Russian).

Trishin V.N. Dictionary of synonyms ASIS. 2013. Retrieved from: <https://dic.academic.ru> (In Russian)

Mikhedova O.S. «Not one of the timid ten...», or the linguocultural aspect of teaching Russian as a foreign language in the process of studying phraseology. *Russkaya literatura v inostrannoy auditorii* = Russian literature in a foreign audience, St. Petersburg, 2024, pp. 163–171. (In Russian)

Safi Rabia Hamid. A.S. Pushkin's prose phraseological phrases: structural-semantic and functional aspect: on the material of works: "The Captain's Daughter", "The Tales of Belkin" and "Dubrovsky". Abstract of Philol. Cand. Diss, Voronezh, 2012. (In Russian)

Severskaya O.I. Tremble like an aspen leaf. *Russkiy yazyk* = Russian language, 2009, no. 3. Retrieved from: <https://rus.1sept.ru> (In Russian)

Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language. St. Petersburg, 1996, 192 p. (In Russian)

Shatalova O.V. Classical phraseology and grammar as a component of A.S. Pushkin's linguistic personality. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of Kostroma State University, 2017, no. 3, pp. 116-119. (In Russian)

Telija V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguo-cultural aspects, Moscow, 1996, 288 p. (In Russian)

Tserendorzh Tsetsegmaa. Phraseology in A.S. Pushkin's texts: Composition and use. Abstract of Philol. Cand. Diss, Ivanovo, 2005. (In Russian)

Tsyganov D.A. Linguistic means of creating the comic in the epistolary discourse of A.S. Pushkin. *Bakhtinskij vestnik* = Bakhtinskii vestnik. 2023. Tom 5, no. 1, pp. 56-61. (In Russian)

Vasilyev N.L., Zhatkin D.N. Phraseology in the «Pushkin's pleiad of poets» compositions (comparative-statistics aspects). *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* = Baltic humanitarian journal, 2016. Vol. 5. no. 3 (16), pp. 16-19. (In Russian)

Ushakov D.N. The Explanatory Dictionary of the Russian Language, Moscow, vol. 3, 1939, columns 13-1424. (In Russian)

Source

Pushkin A.S. Complete Works: in 10 vols.: To the 150th Anniversary of His Birth. Moscow ; Leningrad, 1950. (In Russian)

ОЗВУЧИВАНИЕ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЭССЕ)

Г.В. Напреенко

Ключевые слова: интерпретация, звучащая речь, вариантология, тождество и различие, вторичный текст, деривация

Keywords: interpretation, sounding speech, variantology, identity and difference, secondary text, derivation

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-06)

Введение
Статья посвящена вопросу расширения границ лингвистической вариантиологии посредством включения в качестве предмета исследования текста *озвучивание* как процесс и как результат интерпретационной деятельности. На материале текстов эссе и их озвученных вариантов в статье описано соотношение письменного и звучащего как исходного и вторичного вариантов. Процесс создания вторичного варианта путем смены кода представляется нам интерпретационным процессом, который аналогичен интерпретационному и деривационному процессу создания (1) вторичного письменного текста на основе исходного письменного текста человеком, (2) вторичного письменного текста на основе исходного письменного текста при помощи искусственного интеллекта, (3) текста, распознанного при помощи искусственного интеллекта [Голев, Напреенко, 2025].

Рассмотрение оппозиции «устный — письменный», «озвученный — распознанный» (последнее осуществляется посредством нейросетей) вносит вклад в расширение границ лингвистической вариантологии ввиду включения текстов в глобальную парадигму вариативности. Предметом изучения текста становится субъективная интерпретация и субъективная вариативность (речевая деятельность продуцента), обнаруживаемая в озвученном варианте текста.

Исследования звучащей речи в парадигме лингвистической вариантологии и интерпретационизма обладает научной новизной. Обзор исследований в области звучащей речи, соотношения письменного и устного / звучащего вариантов позволяет сделать вывод о наличии различных подходов и методов к изучению специфики звучащей речи. Так, например, исследу-

ются просодические характеристики [Цибуля, 2020; Гончарова, Фролова, 2023]; сегментные единицы как показатель эмоционального восприятия звучащей речи [Воропаева, 2023]; методы распознавания эмоций в звучащей речи [Воропаева, 2023; Young, Morgan, Ferguson, 2025; Kun Zhou, 2023; Гончарова, 2024]; способы преобразования текста в речь, распознавания речи посредством использования больших баз данных, искусственного интеллекта с этой целью [Shijia Liao, Yuxuan Wang и др., 2024; Abdulkhaleq Hassan и др., 2024; Goncharova 2024]. Звучащая речь исследуется в рамках перевода [Рюкова, Филимонова, 2021]; лингводидактики [Шамширова, 2013]; лингвокриминалистики [Галышина, 2001]; социолингвистики [Бычкова, 2009]; когнитивной лингвистики [Бубнова, 2020]. Кроме того, исследовательский интерес представляют озвученные тексты с точки зрения адресата [Зубов, Риехакайнен, 2022; Раева, Риехакайнен, 2015]; конкуренция устной и письменной речи с позиции адресанта [Орлова, 2018]; коммуникативная интерпретация текста в его озвученном варианте [Безяева, 2013]; письменная форма разговорной речи и «орализация» языка [Литневская; Лысенко, 2008]; реализация в интернет-коммуникации [Алтухова, 2012] и пр. Анализ диахотомии «озвученный — распознанный» представлен нами в статье [Голев, Напреенко, 2025].

Взаимодействие устного и письменного каналов обсуждается в ряде работ (пр., [Бубнова, 2020; 2024]). Г.И. Бубнова проводит исследование основных стратегий порождения озвученных текстов на материале научного письменного текста (чтение текста с листа и устное выступление-обсуждение текста), взаимодействия письменного и устного способов порождения [Бубнова, 2024]. Опираясь на ряд исследователей, автор под озвучиванием письменного текста понимает «дискурсивное взаимодействие двух материально разных субстанций, каждая из которых обладает собственным когнитивным механизмом формирования смысла и спецификой его означивания» [Бубнова, 2024, с. 24]. Озвучивание письменного текста представляется автором «актом устно-речевого внедрения говорящего в ПТ для решения конкретной коммуникативной задачи» [Бубнова, 2024]. Это внедрение позволяет поддерживать связь со своим высказыванием [Benveniste, 1970, с. 14], выраженным в письменной форме. Данного рода поддержание связи со своим высказыванием может быть выражено эксплицитно путем включения в озвученный вариант метатекстовых маркеров, позволяющих идентифицировать слушающему озвученный вариант как вторичный по отношению к какому-либо первичному, потенциально имеющемуся, а также устанавливать говорящим данную связь и интерпретировать ее. При этом порождение текста, создание вторичного варианта текста, в том числе в его звучащем во-

площении, «содержит деривационный момент, поскольку этот процесс есть образование одного текста на базе другого, преобразование исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста» [Голев, Сайкова, 2001].

Н.Д. Голев, исследуя два типа кода, акустико-аудиальный и мануально-визуальный, в современной письменной коммуникации, определяет их соотношение как конкурирующие. На примере соотношения текста презентации и звучащей речи лектора автор поднимает вопрос о первичности кода, указывая при этом на усиление позиции мануально-визуальной речи, отмечая, что мануально-визуальный код «носит вторичный характер по отношению к звуковому» [Голев, 2021, с. 1024]. В статье [Лебедева 2023] письменный текст (конспект студента) рассматривается как интерпретация звучащего варианта (лекции преподавателя); первичным форматом является звучащая речь, вторичным — письменный текст как интерпретация, как репродуцированный текст и результат деятельности языковой личности.

Интерпретация — это «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [Демьянков, 1996, с. 31]. Аналогичным образом понятие интерпретации трактует Л.Г. Ким [Ким 2009, с. 29], подчеркивая при этом двуединую сущность интерпретации, которая заключается в том, что «интерпретация есть одновременно процесс и результат» [Ким 2009, с. 29], это креативный процесс (креативный интерпретационный речемыслительный процесс), благодаря которому может быть создано многообразие интерпретационного результата, другими словами, вариативность вторичного текста. Озвучивание текста (при наличии визуальной опоры на подготовленный текст) является одновременно процессом декодирования (чтения и понимания), которое воплощается в устной форме, и создание нового формата текста, образованного путем интерпретации, количественных и качественных (в разном объеме) преобразований.

В рассматриваемых в данной статье эссе интерпретатор рефлектирует над собственным речевым произведением [Вежбицкая, 1978; Винокур, 1993]. М. Бахтин о скрытом двухголосье в монологическом высказывании писал: «диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним, как бы ограничиваем и раздваиваем свое авторство» [Бахтин, 1972, с. 315]. А. Вежбицкая пишет о метатекстовом компоненте, или комментарии к собственному тексту, который «занимает в семантической записи (от-

ражающей ход мысли) предшествующее или последующее место по отношению к основному компоненту — и эта очередность не произвольна» [Вежбицкая, 1978, с. 409]. Возникает своего рода «двутекст» [Вежбицкая, 1978], в котором «комментатором текста может быть и сам автор» [Вежбицкая, 1978, с. 404].

Субъект, читающий и озвучивающий собственный текст, становится реципиентом, понимающим и интерпретирующим его одновременно. Во время озвучивания образуется двойной адресант, при этом по отношению к собственной речи, в том числе и письменной, подготовленной заранее, «говорящий выступает как реципиент в фазе „реакция“» [Винокур, 1993, с. 91], которая может быть выражена как эксплицитно (метакоммуникативными вставками), так и имплицитно путем частичной (компрессия) или полной (тождество) передачи содержания.

Собственно «коммуникативная роль слушающего/читающего (курсив наш) заключается в словесной реакции — ответном речевом действии, замысел и исполнение которого <...> возникает на высшем (реализующем) уровне процесса восприятия и понимания» [Караулов, 1987, с. 51–52], также имеющего иерархическую структуру (от понимания смысла слов и словосочетаний до понимания замысла автора дискурса) [Винокур, 1993, с. 90].

Гипотеза заключается в том, что озвученный формат текста является вторичным вариантом письменного подготовленного текста и рассматривается как частное проявление языковой вариативности и интерпретационной деятельности говорящего, направленной на созданный говорящим исходный письменный текст. Интерпретация обусловлена сменой кода, особенностями коммуникативной ситуации, целевыми установками. Таким образом, мы исходим из того, что субъективная интерпретация текста в процессе его озвучивания — деривационный процесс, создание вторичного текста на базе исходного подготовленного. Понятия «интерпретируемость» и «вариативность» являются универсальными для языка, любой текст содержит в себе потенциал подобного рода изменений, которые могут быть измерены в аспекте деривационности: «любой текст обладает свойством интерпретируемости, или, иными словами, интерпретируемость есть универсальное свойство текста, обусловленное в первую очередь его знаковой природой» [Ким, 2009, с. 30], так же как и порождение вторичного текста «всегда содержит деривационный момент, поскольку этот процесс есть образование одного текста на базе другого, преобразование (по определенным механизмам) исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста. Вторичный же текст

в таком понимании есть продолжение, развитие, функция исходного текста» [Голов, Сайкова, 2001]. Указанные процессы интерпретационной деятельности и создания вторичного текста и результаты этой деятельности осуществляются, в частности, на уровне звучащей речи.

Методы и материалы исследования

Исходным эмпирическим материалом явились 30 текстов эссе, написанных студентами на тему «Культура речи в моей профессиональной деятельности». Далее эссе были озвучены авторами на занятиях. Озвученные варианты эссе собраны методом скрытого магнитофона [Русская разговорная речь, 1978].

Перед студентами — авторами эссе была сформулирована следующая задача: (1) «Представьте (расскажите) эссе одногруппникам» (получено 15 вариантов), (2) «Расскажите своими словами то, что написали, не читая текст» (получено 15 вариантов). Разница в задаче, поставленной перед студентами, заключалась в том, что в одном случае не было обозначено требование относительно возможности читать свой текст, в другом — было оговорено и выдержано требование не читать написанный текст, а рассказать его. Так, было осуществлено сопоставление 30 пар эссе на предмет деривационных трансформаций, обнаруженных в озвученных вариантах относительно исходного письменного подготовленного текста. В работе пары обозначены следующим образом: $T_1 - O_1$, $T_2 - O_2$ и т.д., где T означает письменный текст (подготовленный студентами заранее), а O — озвученный вторичный вариант текста.

Выявление и описание результатов интерпретационной деятельности субъекта озвучивания текста осуществлено посредством обращения к трансформациям, лежащим в области текстовой деривации, интерпретации текста. Задачей исследования является выявление и описание деривационных процессов в озвученных вариантах относительно подготовленного письменного текста эссе. Модификации (как категория различия) между вариантами и исходным текстом, между самими вариантами представляют исследовательский интерес. Также использованы прием текстового анализа, сопоставительный метод, позволяющий выявить тождество, и различие между вариантами, метод контекстуального анализа.

Результаты исследования

Варианты озвучивания с опорой на подготовленный письменный текст (1–15)

В эссе 1–15 с опорой на написанный текст наблюдается тенденция к формально-семантическому тождеству, которое реализуется в сле-

дующих вариантах: (1) текст зачитывается идентично написанному на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, с редко встречающимися трансформациями; (2) некоторые части опускаются без замены, метатекстовых ссылок на опущенный текст в виде обобщений, отсылок и т.п. нет, оставшаяся часть зачитывается тождественно написанному. В предложениях заменяется 1–2 слова при полном тождестве оставшейся части. Выделим следующие трансформации.

Вставки в начале и конце озвучивания эссе показывают границы озвучивания, установленные автором. Например, **вставки** в начале: *Тихо* (О1); *Все, можно?* (О2); *Тема у всех одинаковая* (О5); *Культура речи* (О6). **Вставки** в конце: *У меня все* (О2); *Всё* (О9); *Я из тетрадки вырвала, потому что в тетрадке писала* (О10); *Всё* (О11); *Всё* (О12).

Случаи **замены** касаются следующих элементов: лексемы (*профессии* — *работе* (Т1–О1), *недочетов* — *недостатков* (Т3–О3), *вежливой* — *правильной* (Т9–О9), *учителя* — *воспитателя* (Т8–О8) и т.п.); грамматическая характеристика (*профессиональной* — *профессии* (Т1–О1), *уверенно* — *уверенным* (Т1–О1), *эстетичные* — *эстетические* (Т2–О2); *отражается на качестве* — *отражает качество* (Т2–О2) и т.п.); разворачивание сокращенных в письменном тексте элементов (*яв-ся* — *является* (Т1–О1), *дея-ти* — *деятельности* (Т1–О1); *м/ду* — *между* (Т2–О2), *т.к.* — *так как* (Т2–О2) и т.п.).

Опущение (не озвучивается): ФИО (О1, О2, О4, О5, О6, О7, О8, О9, О11, О12, О14, О15); название темы эссе (О2, О3, О4, О5, О7, О8, О15). ФИО и название эссе, в случае если оно указано в письменном варианте, не озвучивается ни в одном варианте.

Опущение частей предложения / текста в данных вариантах характеризуется тем, что не зачитываются слово, слова, словосочетания, однородные члены предложения с сохранением оставшейся части предложения (выделено полужирным шрифтом): *что нужно делать*, *для того, чтобы стать еще лучшие* (О3); *разрабатывать такие качества речи, как правильность, выразительность, чистота, точность, уместность, сознавая ответственность перед своими воспитанниками и детьми* (О3); **Права народная мудрость:** *«Век живи, век учись»* (О3).

Также опускаются предложения, абзацы без какой-либо замены. В письменном тексте отсутствуют графические выделения, отражающие намерение не озвучивать текст, что может говорить, помимо прочего, об интерпретации (кодировании), которая осуществляется вместе с процессом чтения (декодирования) своего же текста: *Речь в жизни любого человека играет важную роль. Услышав то, как разговаривает человек, мы можем сделать вывод о его образованности и воспита-*

нии. *А также предположить, кем по профессии и соц-му положению является человек*¹ (13); *Не кричит на детей и не использует унизительные выражения* (7) и т.п.

Отличительной особенностью данной группы рассматриваемых текстов являются графические признаки подготовки актора к озвучиванию эссе, в некоторых исходных текстах выделяются части, которые опускаются без замены в озвученном варианте: зачеркивание карандашом части текста (предложений, абзацев): «Коллеги обращаются ко мне за помощью. Я помогаю им в формулировании целей, образовательных задач, даю советы о построении НОД, делясь своим мнением» (Т3); включение слова в скобки поверх напечатанного текста: «Культура речи в профессиональной деятельности воспитателя ДОУ играет ключевую роль...» (Т4); на напечатанном тексте карандашом [] выделены фрагменты, которые не были зачитаны (Т11), и т.п.

Вставка как деривационная трансформация встречается в редких случаях, выполняет функцию уточнения, связки слов в устной речи: союз *и* (*Работа с детьми требует особого внимания и к каждому слову, интонации и эмоциональному фону*, О1); *это* после тире (*Однако грамотность — это лишь одна сторона медали*, О1); метатекстовые выражения, которые используются для связи предложений (*еще одна причина* важнее культуры речи в профессиональной деятельности воспитателя..., О9; *способствует успешному взаимодействию с родителями и коллегами, а также создает атмосферу освоения новых методик...*, О2; *также* культура речи также включает в себя умение адаптировать свою речь, *т.е.* в зависимости от возраста и развития ребенка также позволяет связать устное ведение монолога, О6); метатекстовые маркеры устной речи (*Я регулярно читаю профессиональную литературу, посещаю курсы повышения квалификации ну и иногда анализирую свою работу*, О1; *ну а в заключение хочу сказать, что культура речи...*, О1; *Подводя итог, можно сказать, то* что культура речи в профессиональной деятельности воспитателя — это многофункциональное явление, О6); уточнения в конце предложения (*А значит те дети которые у него в группе не намеренно будут перенимать все положительное и отрицательное в речи педагога*, О8) и т.п.

Перестановка, изменение порядка слов в предложении, не меняющая смысловую сторону: *Каждый день я стараюсь говорить так, что-*

¹ Вычеркиванием показаны части предложения, которые говорящим не озвучиваются. При этом оставшаяся часть предложения, абзаца озвучивается идентично написанному тексту.

бы мои слова были понятны и доступны для маленьких слушателей (Т1) — Так как чтобы мои слова были понятными и доступными для маленьких слушателей, я стараюсь говорить правильно (О1); она **не только** отражает уровень подготовки специалиста, но и влияет на формирование атмосферы в детском саду (Т5) — она отражает **не только** уровень подготовки специалиста, но и влияет на формирование атмосферы в детском саду (О5).

Самоисправления в звучащей речи на более подходящий вариант с точки зрения говорящего: *Как воспитатель, я всегда помогаю помнить о необходимости соблюдать уважение ко всем участникам образовательной деятельности (О9); будь то будут ли это дети, родители или коллеги (О9).*

В данной группе вариантов 1–15 маркеров, позволяющих говорить о вторичности озвученного варианта, отсылающих к исходному тексту, нет, отсутствуют лексические элементы, эксплицитно выражающие производный характер озвученного варианта.

Варианты озвучивания без опоры на подготовленный письменный текст (16–30)

Варианты, озвучивание которых осуществлялось преимущественно без опоры на письменный текст (16–30), характеризуются наибольшими изменениями, которые на шкале тождество — различие стремятся к полюсу различия в формально-семантическом плане. В данных вариантах используются языковые средства обобщенной передачи содержания.

Основной механизм интерпретации — **компрессия** исходного текста разной степени. Предельной компрессией в рассматриваемых вариантах является, в частности, вариант 22, в котором присутствуют только ссылки на первичный текст, а его содержание передается в минимальном объеме:

Ну у меня что-то похожее с предыдущими // Просто написала / Также я написала / что в зависимости от предмет(а) / который мы проходим / учитывают стиль общения / ну и подача / что по большей части я использую более / так сказать / уважительную речь.

В плане того чтобы не вызвать агрессию или ссоры // Ну и **также я указала / то же самое что и в предыдущих** // что с преподавателямидержанное и уважительное общение / а с одногруппниками / друзьями / ну оно не лишено уважения, но оно более свободное // Ну и **все осталось примерно то же самое / что и в предыдущих.**

Осмысление данного варианта адресатом практически невозможно без обращения к источнику. Выделенные элементы позволяют четко идентифицировать озвученный вариант как вторичный, производный. Такой вариант не будет понятен без исходного, так как, в том числе, не полностью содержательно передает подготовленный вариант, это возможно только путем обращения к исходному тексту ввиду наличия ссылки на него.

В данной группе вариантов появляются метатекстовые рефлексии, являющиеся яркими признаками вторичности:

Получается я написал про то / что в нашем / ну в нашем учебном заведении / в процессе нашего обучения используются абсолютно все стили речи (O20);

Ну и также / я указала то же самое / что и в предыдущих (O22);

Также я написала / что по большей части я использую более / так сказать уважительную речь (O22);

Ну и также я указала / что с преподавателями сдержанное и уважительное общение / а с одногруппниками друзьями / ну оно не лишено уважения / но оно более свободное (O22);

Я написала / если я учусь на эколога и если смотреть... (такое начали предполагает пересказ написанного или краткое описание/резюмирование) (O23);

Ну и дальше будет описание о том / что культура речи будет важна не только в профессиональной деятельности / но и также / в обычной жизни для того чтобы донести свою мысль / и правильно строить диалог с другими людьми и также объяснить свою точку зрения (O27);

Ну у меня как в учебной деятельности если говорить. Может я как-то не так поняла конечно (O28);

Ну изначально / культура речи для меня это как грамотное построение либо диалога / либо монолога / соответственно с другими людьми и отсюда я пошла что если мы говорим / так сказать про какую-то учебную деятельность / нам приходится тогда общаться с преподавателями / и в этом случае соблюдать какую-то субординацию и говорить уважительно / не использовать какие-либо там новомодные слова по типу сленга там / молодежного и даже / даже по отношению к одногруппникам не использовать какие-то бранные слова // и находить какие-то более грамотные // и в случае конфликта сглаживать острые углы (O28).

В некоторых вариантах наличие ссылки на исходный текст, подготовленный студентом, не исключает пересказ основного содержания предложения с сохранением ключевых слов: *Диалог с преподавателями*

сдержаннй, уважительный, с одногруппнеками же не лишион уважения, но всеже болие свободный и раскованный². (Т22) — **ну и также я указала / то же самое / что и в предыдущих / что** с преподавателями сдержанное и уважительное общение / а с одногруппниками / друзьями / ну оно не лишено уважения но оно более свободное (О22).

Метатекстовые выражения, которые используются для связи предложений говорящим:

Это **начиная** от научного / во время презентаций каких-то новых знаний / например на основных наших дисциплинах // **Потом** у нас разговорный / просто при общении даже с преподавателями / где вот также / в рамках допустимого приличия // **Потом** официально-деловой / мы можем использовать очень редко // **Потом** / художественный мы используем когда пишем эссе (О20);

А это предполагает / в свою очередь / общение с представителями этих разных предприятий / с важными людьми / влиятельными иногда людьми (О23);

Ну вообще // развитие культуры речи способствует тренированию критического мышления / улучшает коммуникацию // **т.е.** как с учителями / так и с студентами, создаёт // позитивную атмосферу в учебной сфере // **т.е.** они понимают друг друга / вежливо общаются и это просто принимает настроение // **ну и также** грамотное общение привлекает любого лучшего человека / значительного уровня / который / как раз таки и находится в университете / учится / преподает // **ну и вот если** расположить к себе человека / то он будет к тебе очень хорошо относиться // **ну и в принципе** вот и все (О27).

Даются ссылки не только на подготовленные говорящими письменные тексты, но и на те выступления, которые уже прослушивали одногруппники. В отличие от группы вариантов 1–15, в вариантах озвучивания эссе без опоры на письменный текст появляются элементы, свойственные спонтанной речи:

ну у меня / что-то похожее с предыдущими / просто написала // также я написала / что в зависимости от предмета который мы проходим / учитывают стиль общения / ну и подача / что по большей части я использую более / **так сказать /** уважительную речь // в плане того чтобы не вызывать агрессию или ссоры // **ну и также я указала / то же самое / что и в предыдущих / что** с преподавателями сдержанное и уважительное общение / а с одногруппниками / друзьями / ну оно

² Орфография и пунктуация исходного текста эссе, написанного студентами, сохранены.

не лишено уважения но оно более свободное // ну и все остальное примерно то же самое что и в предыдущих.

В процессе озвучивания говорящим текста эссе используются различные варианты компрессии: исключение подробностей, деталей; обобщение (маркерами являются слова *вообще, так далее*); сочетание исключения и обобщения; наличие или отсутствие интерпретации в виде развертывания содержания. Например, в следующем варианте используется развертывание содержания и обобщение:

Речь — это неотъемлемая часть человеческой жизни. Она служит одним из главным звеном, которое связывает людей друг с другом. Речь встречается везде: дома, в кругу семьи, в кругу друзей и на работе. (Т30) — *Вообще сама по себе / речь / это неотъемлемая часть жизни // она связывает людей друг с другом / без нее вообще не обходится / ничего в нашей жизни практически не обходится без речи особенно / связь между людьми // даже люди которые не могут говорить / они все равно общаются на языке жестов / т.е. тоже своего рода реч* (О30).

Первое предложение в озвученном варианте 20 содержит, кроме метавставки, еще и обобщение того, что написано в тексте, затем это обобщение разворачивается, рассказывается о каждом стиле речи. Обобщение:

получается / я написал про то что в нашем / ну в нашем учебном заведении / в процессе нашего обучения используются абсолютно все стили речи (О20).

Появляются маркеры, указывающие на отношение говорящего к своему высказыванию, к отбору языковых средств (*ну чисто по моему мнению / так не особо используем / там большие официально-деловой идет / все это*, О21); диалоговая форма (автор является говорящим и слушающим) (*Это значит / что нужно знать деловой язык // ну ... да... / уметь правильно составлять документы и уметь читать документы*, О23).

В рассмотренных вариантах 16–30 наблюдается обилие формально-смысловых трансформаций на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях; озвучиваемый текст переплется с метатекстовыми вкраплениями, практически отсутствующими в вариантах эссе 1–15, что напоминает «двутекст» [Вежбицкая, 1978, с. 403].

Заключение

Проведенное исследование вносит вклад в развитие концепции вариативности, интерпретационизма, текстовой деривации. Сопоставление исходного текста (подготовленного эссе) и озвученного варианта

(озвучивание эссе на семинарском занятии) позволило выделить ключевые различия между первичным и вторичным вариантами. Обнаружены две тенденции: 1) к сокращению / упрощению частей эссе и вместе с тем к тождеству аудиального знака письменному в оставшихся частях исходного текста; 2) к модификациям на формально-содержательном уровне, компрессии, усложнению и упрощению.

Соотношение письменного и звучащего видится нам в следующих аспектах:

1) как процесс и результат перекодирования, 2) как создание вторичного текста в его звучащей форме (деривационный аспект), 3) как интерпретационная деятельность озвучивающего субъекта и результат этой деятельности.

Для процесса озвучивания подготовленного письменного текста коммуникативно значимым является ориентация на слушателя, а также целевая установка, обозначенная преподавателем, что детерминирует возникновение вариативности. Интерпретация субъекта в рассматриваемых случаях направлена на восприятие подготовленного текста и вместе с тем путем интерпретационной деятельности, включая перекодирование, создание вторичного текста в звучащем формате. Отбор языковых средств передачи содержания и отбор самого содержания объясняется декодированием собственного текста, пониманием его с последующим кодированием, образованием нового звучащего формата, при котором те или иные фрагменты могут опускаться, упрощаться, развиваться.

Перспектива исследования видится в расширении эмпирического материала, в том числе в его жанровом варьировании.

Библиографический список

Алтухова Т.В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 150–154.

Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 2. С. 19–36.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 11–16.

Бубнова Г.И. Лингвокогнитивный анализ научного текста: гибридизация под воздействием многоканального порождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 13 (894). С. 23–30.

Бубнова Г.И. Лингво-когнитивные стратегии, определяющие трансформации письменного текста в ситуации чтения и говорения // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 9–21.

Бычкова Ю.В. Гендерный аспект интонационного варьирования в информационных сообщениях теле- и радиопередач // Вестник УРАО. 2009. № 1. С. 69–70.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М., 1978. Вып. 8. С. 402–421.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1973. 172 с.

Воропаева И.В. Единицы сегментного уровня как маркеры эмоционального восприятия звучащей речи (на материале немецкого языка) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 3 (59). С. 16–25. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2023.35.17.001>.

Галышина Е.И. Лингвистическое обеспечение криминалистического исследования устного и письменного текста // Лингвистическое сопровождение судебной экспертизы устных и письменных текстов. 2001. Электронный ресурс: <https://dialogue-conf.org/ru/digest/digest2001/>

Голев Н.Д., Нарченко Г.В. Звучащая речь и распознанный текст в вариантологической парадигме (на материале научного доклада в устном и письменном форматах) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 1. С. 96–105.

Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Изложение, пародия, перевод... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Барнаул, 2001. № 3. С. 20–27.

Голев Н.Д. О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4 (88). С. 1024–1031.

Гончарова О.В., Фролова А.В. Просодические маркеры состояния «гнев» (на примере культурно-коммуникативных моделей общения русской и кабардинской этногрупп региона Кавказские Минеральные Воды) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 10. С. 3265–3271.

Гончарова О.В. Универсалии и специфика выражения эмоций в балкарском языке (исследование на основе алгоритмов машинного обучения) // Урало-алтайские исследования. № 4. 2024. С. 7–17.

Демьянков В.З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 31–33.

Зубов В.И., Риехакайнен Е.И. Говорить или читать? // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. № 10. С. 47–51.

Ким Л.Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 29–36.

Лебедева Н.Б. Конспект студенческой лекции как жанр естественной письменной речи: текстодериватологический и лингвоперсонологический аспекты // Культура и текст. 2023. № 3 (54). С. 135–143. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2023-3-135-143>.

Литневская Е.И. Письменные формы разговорной речи (К постановке проблемы) : монография. М.: МАКС Пресс, 2011. 304 с.

Лысенко С.А. Орализация как тенденция развития интернет-коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 69–71.

Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24–34.

Орлова Н.В. Голосовые сообщения как источник сведений о коммуникативных нормах и ценностях // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 57–66.

Раева О.В., Риехакайнен Е.И. Пространство русского спонтанного текста с точки зрения слушающего // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 67–70.

Русская разговорная речь. Тексты / сост. Г.А. Баринова и др. М.: Наука, 1978. 307 с.

Рюкова А.Р., Филимонова Е.А. Аудиовизуальный перевод как инструмент обучения иностранным языкам // Вестник Башкирского университета. 2021. № 4. С. 1062–1067.

Цибуля Н.Б. Невербальное поведение и просодические характеристики речи коммуникантов в ситуациях «non-person» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (830). С. 202–212.

Шамшиярова С.И. Обучение интонированию учащихся с ОВР // Обучение и воспитание: методики и практика. 2013. № 8. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-into-nirovaniyu-uchaschihsya-s-ovr>

Янко Т.Е. Чтение как результат интерпретации // Когнитивные исследования языка. Механизмы языковой когниции. Тамбов, 2013. Вып. X. С. 264–275.

Hassan, Abdulkhaleq & Alotaibi, Shoayee & Subait, Wala & Al-Dobaian, Abdullah & Al Sultan, Hanan & Almanea, Manar & Allafi, Randa & Alshameri, Menwa. (2024). Automated Sarcasm Recognition using Applied Linguistics driven Deep Learning with Large Language Model. *Fractals*. 32. <https://doi.org/10.1142/S0218348X25400316>.

Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation // *Langages*. 1970, № 17, p. 12–18. Электронный ресурс: <https://doi.org/10.3406/lge.1970.2572>

Goncharova O.V. Towards Sustainable Development in Speech Recognition: Enhancing Emotional Understanding in Bilingual Societies. Vol. 4 (2024): December of Journal of Lifestyle and SDGs. Review, 5(1), e04198. <https://doi.org/10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n01.pe04198>.

Kun Zhou. Emotion modelling for speech generation. 2023. Электронный ресурс: https://www.researchgate.net/publication/373659404_EMOTION_MODELLING_FOR_SPEECH_GENERATION

Shijia Liao, Yuxuan Wang, Tianyu Li, Yifan Cheng, Ruoyi Zhang, Rongzhi Zhou, and Yijin Xing. 2024. Fish-speech: Leveraging large language models for advanced multilingual text-to-speech synthesis. Preprint, arXiv:2411.01156.

Young, Elizabeth D & Morgan, Shae & Ferguson, Sarah. (2025). Pitch Variability, Speaking Rate, and Low-Frequency Modulation Affect Perception of Anger in Clear Speech. <https://doi.org/10.31219/osf.io/4kam9>.

References

Altukhova T.V. Correlation of elements of oral and written speech in virtual communication. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* = Siberian Philological Journal, 2012, no. 1, p. 150–154. (In Russian)

Bezyaeva M.G. On the specifics of communicative interpretation of the text (based on the correlation of the written basis and the spoken version). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* = Bulletin of the Moscow University, 2013, no. 2, pp. 19–36. (In Russian)

Boldyrev N.N. Interpretive function of language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2011, no. 33 (248), iss. 60, pp. 11–16. (In Russian)

Bubnova G.I. Lingvocognitive analysis of scientific text: hybridization under the influence of multichannel generation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2024, no. 13 (894), pp. 23–30. (In Russian)

Bubnova G.I. Lingvo-cognitive strategies that determine the transformation of a written text in a reading and speaking situation. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, 2020, no. 4, pp. 9–21. (In Russian)

Bychkova Yu.V. Gender aspect of intonation variation in information messages of television and radio programs. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya Rossiskoy Akademii Nauk* = Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009, no. 1, pp. 69–70. (In Russian)

Vezhbitskaya A. Metatext in the text. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* = New in foreign linguistics, Moscow, 1978, iss. 8, pp. 402–421. (In Russian)

Vinokur T.G. Speaker and listener: variants of speech behavior, Moscow, 1973. (In Russian)

Voropaeva I.V. Segment-level units as markers of emotional perception of spoken speech (based on the German language). *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* = Modern linguistic and methodological-didactic research, 2023, no. 3 (59), pp. 16–25. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2023.35.17.001>. (In Russian)

Galyashina E.I. Linguistic support for forensic examination of oral and written text. *Lingvisticheskoe soprovozhdenie sudebnoy ekspertizy ustnykh i pis'mennykh tekstov* = Linguistic support for forensic examination of oral and written texts, 2001. <https://dialogue-conf.org/ru/digest/digest2001/>. (In Russian)

Golev N.D., Napreenko G.V. Sounding speech and recognized text in the variantological paradigm (based on a scientific report in oral and written formats). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta* = Journal of the Siberian Federal University, 2025, vol., 18, no. 1, pp. 96–105. (In Russian)

Golev N.D., Saykova N.V. Presentation, parody, translation... On the foundations of derivational interpretation of secondary texts. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa* = Linguistic existence of man and ethnic group, 2001, no. 3, pp. 20–27. (In Russian)

Golev N.D. On the competition of acoustic-auditory and manual-visual codes of modern written communication. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University, 2021, vol. 23, no. 4 (88), pp. 1024–1031. (In Russian)

Goncharova O.V., Frolova A. V. Prosodic markers of the state of “anger” (based on the example of cultural and communicative models of communication between the Russian and Kabardian ethnic groups of the Caucasian Mineral Waters region). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Theoretical and practical issues, vol. 16, 2023, no. 10, pp. 3265–3271. (In Russian)

Goncharova O.V. Universals and specifics of expressing emotions in the Balkar language (a study based on machine learning algorithms). *Uralo-altaiskie issledovaniya* = Ural-Altaic research, no. 4, 2024, pp. 7–17. (In Russian)

Dem'yankov V.Z. Interpretation. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* = A short dictionary of cognitive terms, Moscow, 1996, pp. 31–33. (In Russian)

Zubov V.I., Riekhakaynen E.I. To Speak or to Read? *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* = Socio- and psycholinguistic research, 2022, no. 10, pp. 47–51. (In Russian)

Kim L.G. Model of the Interpretation Process and Factors Determining the Variability of the Interpretation Result. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University, 2009, no. 318, pp. 29–36. (In Russian)

Lebedeva N.B. Summary of a Student Lecture as a Genre of Natural Written Speech: Text-Derivative and Linguistic-Personological Aspects. *Kul'tura i tekst* = Culture and text, 2023, no. 3 (54), pp. 135–143. <https://www.doi.org/10.37386/2305-4077-2023-3-135-143>. (In Russian)

Litnevskaya E.I. Written forms of spoken speech (Towards problem statement): The monograph. Moscow, 2011, 304 p. (In Russian)

Lysenko S.A. Oralization as a tendency in the development of Internet communication. *Vestnic VGU* = Bulletin of the Voronezh State University, 2008, no. 2, pp. 69–71. (In Russian)

Lyapon M.V. Evaluation situation and verbal modeling. *Yazyk i lichnost'* = Language and personality, 1989, pp. 24–34. (In Russian)

Orlova N.V. Voice messages as a source of information about communicative norms and values. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* = Ecology of language and communicative practice, 2018, no. 3, pp. 57–66. (In Russian)

Raeva O.V., Riekhakaynen E.I. The space of Russian spontaneous text from the listener's point of view. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* = Socio- and psycholinguistic research, 2015, no. 3, pp. 67–70. (In Russian)

Russian colloquial speech. Texts. Comp. by G.A. Barinov and others, Moscow, 1978. 307 p. (In Russian)

Ryukova A.R., Filimonova E.A. Audiovisual translation as a tool for teaching foreign languages. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* = Bulletin of the Bashkir University, 2021, no. 4, pp. 1062–1067. (In Russian)

Tsibulya N.B. Non-verbal behavior and prosodic characteristics of communicants' speech in "non-person" situations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 2020, no. 1 (830), pp. 202–212. (In Russian)

Shamshiyarova S.I. Obuchenie intonirovaniyu uchashchikhsya s OVR. *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika* = Training and education: methods and practice, 2013, no. 8. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-intonirovaniyu-uchaschihsya-s-ovr> (In Russian)

Yanko T.E. Reading as a result of interpretation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Mekhanizmy yazykovoy kognitsii* = Cognitive language studies. Mechanisms of linguistic cognition, iss. X, 2013, pp. 264–275. (In Russian)

Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation. *Langages*. 1970, no. 17, pp. 12–18. <https://doi.org/10.3406/lgge.1970.2572>.

Goncharova O.V. Towards Sustainable Development in Speech Recognition: Enhancing Emotional Understanding in Bilingual Societies. Vol. 4 (2024): December of Journal of Lifestyle and SDGs Review, 5(1), e04198. <https://doi.org/10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n01.pe04198>.

Kun Zhou. Emotion modelling for speech generation. 2023. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/373659404_EMOTION_MODELLING_FOR_SPEECH_GENERATION

Shijia Liao, Yuxuan Wang, Tianyu Li, Yifan Cheng, Ruoyi Zhang, Rongzhi Zhou, and Yijin Xing. 2024. Fish-speech: Leveraging large language models for advanced multilingual text-to-speech synthesis. Preprint, arXiv:2411.01156.

Young, Elizabeth D & Morgan, Shae & Ferguson, Sarah. (2025). Pitch Variability, Speaking Rate, and Low-Frequency Modulation Affect Perception of Anger in Clear Speech. <https://doi.org/10.31219/osf.io/4kam9>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОМ ВУЗЕ (РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ КАУЗАЛЬНОСТИ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)

Янь Сяолин

Ключевые слова: функционально-семантическая категория каузальности, каузальные конструкции, функционально-стилевая дифференциация языка, разговорная речь, русский язык как иностранный

Keywords: functional-semantic category of causality, causal constructions, functional-stylistic differentiation of language, colloquial speech, Russian as a foreign language

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-07)

Введение

Как известно, развитие функциональной стилистики способствовало совершенствованию преподавания русского языка как иностранного. Уже в 1960-е годы было выдвинуто положение о том, что «функциональные стили должны быть отправным пунктом рационального преподавания языка носителям других языков» [Виноградов, Костомаров, 1967, с. 8–9]. Позже на основе ключевых положений функционально-стилистической теории и коллоквиалистики были сформулированы базовые принципы стилистически избирательного, дифференциированного обучения русскому языку как иностранному [Васильева, 1981; Земская, 2022].

Следуя этим принципам, мы изучаем актуализацию в русской разговорно-общедной речи функционально-семантической категории причины. Тем самым характеризуется функционирование в речевой действительности одного из участков грамматической системы русского языка для учебной работы с иностранными студентами, стремящимися к усвоению прежде всего повседневной разговорной речи.

Задачу создания грамматик русского языка, которые учитывали бы его функционально-стилевую дифференциацию, ставил в свое время Б.Н. Головин. «Нетрудно себе представить, — писал он, — преимущества такого описания грамматики перед ныне принятными описаниями. Прежде всего, стало бы очевидно, что многие грамматические явления, которым в настоящее время уделяется большое внимание в учеб-

ных курсах, практически не актуальны, потому что или вообще почти не активны, или же активны в том или ином языковом стиле. Появилась бы, таким образом, реальная возможность отобрать из всего многообразия грамматических средств языка, изучаемых по традиции единым потоком, такие средства, которые реально функционируют в современной литературной речи» [Головин, 1971, с. 134].

Во многом близкие положения развивает В.Г. Костомаров, чем ликий раз подчеркивается актуальность рассматриваемой проблематики: «Можно только мечтать о полном описании русского языка во всех разновидностях его образованного функционирования как оно есть, в котором, например, раздел „выражение причинно-следственных отношений“ излагал бы структуры *в случае дождя (коль скоро пойдет дождь)*, *мы вынуждены будем отказаться от шашлыка — с пометой „книжн.“*, а рядом давал бы *пойдет дождь... что ж шашлыка не будет с пометой „разг.“* и желательно с указанием на особенности интонации и даже возможные жесты» [Костомаров, 2008, с. 52].

Очевидно, что грамматики, ориентированные на описание языка «в недрах» его функциональных разновидностей, не могут быть созданы за короткий срок. Их появлению должны предшествовать исследования, представляющие реализацию различных грамматических категорий, включая функционально-семантическую категорию причины, во всех функциональных стилях русского языка [Янь, 2024, 2025]. Особое внимание при этом целесообразно уделять разговорно-обиходной речи, образующей «основную массу нашего языкового существования» [Костомаров, 2008, с. 41].

По отношению к системе языка теоретической основой нашей работы является концепция функциональной грамматики [Бондарко, 1984; Теремова, 2017; Всеволодова, Ященко, 2020 и др.], по отношению к речи — функционально-стилистическая концепция [Кожина, 2020; Сиротинина и др. 1983; Матвеева, 2024 и др.].

Обращение к проблеме реализации функционально-семантических категорий в речевых разновидностях определяет его теоретическую значимость: функционально-семантический подход к грамматическим явлениям органично объединяется с функционально-стилистическим. Практическая же ценность работы, как уже было сказано, заключается в том, что ее результаты позволяют применять функционально-стилистический подход к преподаванию русского языка как иностранного.

Материал и методы исследования

Материалом работы послужили записи разговорной речи общим объемом 100 тысяч словоупотреблений, опубликованные в хрестома-

тии Уральского федерального университета (Живая речь, 1995), а также в ряде монографических исследований этого функционального стиля (выборка указанного объема является стандартной при изучении функционирования языковых единиц в разговорной речи, см.: [Сиротинина и др., 1983, 1992].)

Применялся качественно-количественный метод анализа материала. Под качественным методом в нашем случае понимается описание особенностей структуры и семантики каузальных конструкций в разговорной речи, а также коммуникативной ориентированности включающих их высказываний. Количественный метод состоял в определении частоты употребления изучаемых единиц.

Целью работы является установление закономерностей реализации функционально-семантической категории причины в разговорной речи в отношении представленности различных каузальных конструкций, частоты их употребления, грамматических и семантических особенностей, а также выполнения высказываниями с этими конструкциями повторяющихся коммуникативных заданий обиходно-бытовой сферы общения. Результаты исследования должны обеспечить фактическую базу для изучения раздела «Выражение причинных отношений» в преподавании грамматики русского языка иностранным студентам.

Состояние изучения вопроса

Исследованию русской разговорной речи посвящен ряд фундаментальных работ [Русская разговорная, 1973; Сиротинина, 1974; Лаптева, 1976; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Русская разговорная, 1983; Разговорная речь, 1983; Разговорная речь, 1992; Борисова, 2009; Ерофеева, 2004; Китайгородская, Розанова, 2010; Матвеева, 2024 и др.]. Рассмотрены экстралингвистические основы этой речевой разновидности, выявлены многие обусловленные ими закономерности использования языковых и речевых единиц, реализаций текстовых категорий (темы, оценочности, тональности и др.).

Несмотря на дискуссионность ряда важных общих вопросов коллоквиалистики (о речевом или языковом статусе разговорной речи, о ее месте в системе функциональных разновидностей языка, отношении к категории «текст» и др.), фактическая характеристика разговорной речи, содержащаяся в работах представителей разных научных школ, является взаимодополняющей. Нужно отметить, что описания грамматических явлений разговорной речи обычно следуют принципу «от формы к значению», тогда как подход активной грамматики («от семантических категорий к воплощающей их языковой форме», причем

в той или иной сфере общения) остается неразработанным. При этом анализ реализации категории причины в разговорно-общедной речи, насколько нам известно, пока не проводился.

Важные сведения о разнообразии значений, актуализируемых в границах семантической категории причины, приводятся в «Русской грамматике»: «Обусловленность, или каузальность, т.е. причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка» [Шведова, 1980, с. 562]. По отношению именно к разговорной речи детальное описание каузальной семантики, выражаемой сложным предложением, предлагает Е.Н. Ширяев [Ширяев, 1981]. Он выделил «высказывания с семантической структурой (1) „кто-то предпринимает действие или испытывает состояние, потому что это действие (состояние) нужно, желательно или возможно в данных обстоятельствах”: Я закрыл окно / дует очень //... (2), „кто-то утверждает нечто, потому что знает об этом”: Елочный базар открыли / я проходил //... (3), „событие — причины его”: Будайка (речка) здорово разлилась / снегу много было... (4), „можно судить о чем-то, потому что существуют признаки этого”: Потеплей вроде стало / без пальто идут //» [Ширяев, 1981, с. 261–268].

Обратимся к систематическому описанию функционирования в разговорной речи каузальных языковых средств.

Результаты исследования и обсуждение

Представленность и грамматическая характеристика. Сведения об использовании каузальных конструкций в разговорно-общедном стиле содержатся в таблице 1.

Таблица 1

**Состав и частота употребления каузальных конструкций
в разговорно-общедной речи**

Каузальные конструкции	Количество употреблений	%
Бессоюзные сложные предложения	123	51,7
Сложноподчиненные предложения с придаточным причины	85	35,7
Конструкции с предложно-субстантивным сочетанием	17	7,1

Продолжение таблицы 1

Каузальные конструкции	Количество употреблений	%
Сложносочиненные предложения	9	3,8
Сложноподчиненные предложения с иными видами придаточных, имеющие каузальный оттенок значения	4	1,7
Всего	238	100

Из таблицы видно, что в разговорной речи сколько-нибудь регулярно употребляются не все каузальные конструкции. Так, в выборке объемом в 100 тыс. словоупотреблений не представлены предложения с глаголами-реляторами (напр., что-то *вызывает* что-то, что-то *приводит* к чему-то), с существительным-релятором «причина» (*причина* чего-то заключается в чем-то), с каузативным глаголом (что-то *повышает* (снижает) что-то). Не встретились также местоименные наречия, одиночные деепричастия, деепричастные и причастные обороты (указанной семантики). Эти нетипичные для обиходно-бытового общения языковые средства, конечно, могут быть использованы в нем, но лишь единично.

Выяснилось, что чаще всего используются бессоюзные сложные предложения (51,7% от всех употреблений каузальных конструкций). Об их ведущем положении в системе сложных предложений разговорной речи пишет и Е.Н. Ширяев [Ширяев, 1981, С. 228]. Доминирование этих предложений объясняется прежде всего спонтанностью разговорной речи. Как подчеркивает О.Б. Сиротинина, «невозможность продумывания фраз до их проговаривания мешает широко использовать в разговорной речи развернутые и сложные предложения. Как правило, речь состоит из цепочки коротких сообщений, как бы нанизанных друг на друга» [Сиротинина, 1983, с. 43]. Во многих случаях такие короткие предикативные конструкции благодаря связывающей их интонации образуют бессоюзные сложные предложения с различными смысловыми отношениями¹.

Естественно, что одним из наиболее характерных каузальных средств во всех функциональных стилях, в том числе и в разговорном,

¹ Как известно, в «Русской грамматике» понятие бессоюзного сложного предложения заменено понятием бессоюзного соединения (сочетания) предложений [Шветова, 1980]. Е.Н. Ширяев, характеризуя сложное предложение, использует термин «полипредикативное высказывание» [Ширяев, 1981].

являются сложноподчиненные предложения с придаточным причины (здесь на их долю приходится 35,7%). При этом среди причинных союзов доминирует союз *потому что* (93% от общего числа употреблений союзов причинной семантики): *Интересно было посмотреть / потому что гостей было много; Он уже готов был ну просто так бесплатно кому-нибудь отдавать / ну передавать свои знания / потому что он знал и любил литературу*. Между тем другие союзы имеют невысокую частоту употребления.

Эти данные хорошо согласуются со сведениями, приводимыми Е.Н. Ширяевым. Автор указывает на предельное сокращение состава причинных союзов в разговорной речи по отношению к кодифицированному литературному языку. Он пишет: «К числу причинных союзов в кодифицированном литературном языке принадлежат: *так как, потому что, из-за того что, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, благодаря тому что, в связи с тем что, затем что, благо, ибо*. В разговорной речи регулярен только союз *потому что*. Не чужд разговорной речи и союз *так как*, хотя он употребляется много реже, чем *потому что*» [Ширяев, 1981, с. 269].

Отметим, что в разговорной речи, в отличие от книжных стилей, предложно-субстантивные сочетания причинной семантики используются сравнительно редко (7,1%). Здесь преобладают конструкции с предлогами *от, за, из-за, с, благодаря*. Примеры: *Меня от зависти трясёт; Возвращались уже с гордостью за нашу победу; Чай из-за тебя просыпалась; Как я в него тут вцепилась / С испугу вцепилась-то; Это благодаря Носову*.

Примечательно, что союз *из-за* помимо причинного значения может выражать семантику негативной оценки: *Из-за бардака все головные боли*, в то время как союз *благодаря* — семантику позитивной оценки: *Благодаря радиофаку [смог найти хорошую работу] / ... он в пединституте учился*.

В общедиалектном общении среди языковых средств каузальной семантики доля сложносочиненных предложений весьма невелика (3,8%). Отмечены предложения лишь с двумя союзами — *и* и *а то*. Предложения с союзом *и* выражают предметную причину ([жеребенок] на лапы-то *стал / и я взвизгнула и упала*), а предложения с союзом *а то* — причинное обоснование (*Ешь / теть Надя / мороженое / а то растает*).

Эпизодически каузальный оттенок значения выражают сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным (*У меня мама ругается / что я в короткой юбке хожу*), а также времени (*Вот прямо*

уж живот болел // *когда* кидали / наверно подорвалась). Эти конструкции находятся на периферии функционально-семантической категории причины [Теремова, 2017].

Семантическая характеристика. Как известно, каузальные конструкции в семантическом отношении разделяются на два разряда — предметной причины и причинного обоснования. Количествоное соотношение конструкций этих разрядов показано в таблице 2.

Таблица 2

Распределение каузальных конструкций между двумя основными семантическими зонами в разговорно-обиходной речи

Семантический разряд	Количество употреблений	%
Зона предметной причины	173	72,7
Зона причинного обоснования	65	27,3
Всего	238	100

Как видим, в разговорно-обиходном общении анализируемые языковые средства реализуют семантику предметной причины значительно чаще (72,7%), чем семантику причинного обоснования (27,3%). При этом в зоне предметной причины реализовано только значение основной предметной причины, тогда как конструкции со значением неосновной предметной причины не встретились ни разу.

При выражении значения основной предметной причины используются все зафиксированные в данной речевой разновидности виды каузальных средств (их состав указан в табл. 1). Примечательно, что на долю бессоюзных сложных предложений приходится 75% употреблений (*Сама себя изуродовала // не оделась как следует; Она не вышла / у неё дети заболели*), в то время как остальные 25% реализуют семантику причинного обоснования. Значение предметной причины чаще, чем значение причинного обоснования, реализуют также сложноподчиненные и сложносочиненные предложения (*Поскольку отец был ответственный работник / тоже поехала; [Жеребенок] на лапы-то встал / и я взвигнула и упала*).

Что же касается других грамматических средств, то в нашей выборке они реализуют только семантику основной предметной причины.

Обратимся к зоне причинного обоснования (табл. 3).

Таблица 3

Распределение каузальных конструкций в пределах зоны причинного обоснования в разговорно-обиходной речи

Семантический разряд	Количество употреблений	%
Прямое причинное обоснование оценки	28	43,1
Прямое причинное обоснование реального действия	13	20
Прямое причинное обоснование предполагаемого действия	12	18,5
Прямое причинное обоснование побуждения	9	13,8
Косвенное причинное обоснование предполагаемого действия следствием его не осуществления	2	3,1
Косвенное причинное обоснование побуждения следствием не осуществления побуждаемого действия	1	1,5
Всего	65	100

Из таблицы видно, что в зоне причинного обоснования конструкции со значением прямого причинного обоснования (в сумме 62 употребления) актуализируются гораздо чаще, чем косвенного (лишь 3 употребления), что является общей для русской речи закономерностью. Характерно, что оценка обосновывается значительно чаще, чем реальное или предполагаемое действие и чем побуждение. Приведем примеры каузальных конструкций разной семантики.

Языковые средства с семантикой прямого причинного обоснования оценки: *Поскольку люди относятся друг к другу как свиньи в обществе / то это в общем-то не развитое общество; С немцами [было труднее воевать] / потому что у немцев была армия более-менее квалифицированная; реального действия: Успеем // не последняя встреча наша с тобой; Дом сами построили / никто меня не выгонит; предполагаемого действия: Надо делать разгрузочные дни // Это хорошо для здоровья; Ты можешь потратить свои деньги хоть на что / и ни перед кем не отчитываться / что ты купила / на что ты потратила / потому что ты их сама заработала.*

При реализации этих значений регулярно используются бессоюзные сложные предложения (*Хорошо / что вышла замуж // он всё время на деньгах; Я назвала твоё имя // Нам же надо отметиться; Нельзя стоки [столько] шоколада есть / зубы будут болеть*), а также причинные сложноподчиненные предложения (*Было бы легче / если бы разгру-*

или нашу школу / **потому что** тяжело; Мне мама его есть запрещала / **потому что** типа там один лёд / ты заболеешь; Нужно воспитывать с умом / **потому что** если ребёнку совать в руки книжки насилия / его от них будет тошнить).

Что же касается семантики косвенного причинного обоснования, то она, как уже отмечалось, реализуется в разговорной речи лишь эпизодически (*Надо присесть где-то / ой / иначе без ног останусь*).

Функционально-коммуникативная характеристика. Использование каузальных конструкций в разговорной речи характеризуется высокой степенью типизированности, что связано с повторяемостью коммуникативных заданий.

Так, очень часто говорящий объясняет собеседнику сложившиеся жизненные обстоятельства: *Дома я гимнастику делать не могу / потому что утром // все спят; Двери неплотно сделаны // мужика нету; Папка одного поросёнка держал / нечем кормить было; Ведь она вдвое получала... / потому что вырабатывал хорошо дедушка землю.*

Столь же регулярно субъект речи мотивирует свое мнение по какому-либо вопросу: *И я так подумала / вот по-любому это была не его идея / это была идея Земфиры / ну она как бы девочка / она умнее / и как бы она в деньгах нуждается больше; Ты можешь писать / я уверена // Тем более / что ты уже пробовала // Сказки сочиняла замечательные; Вот поэтому всё-таки гуманитарии / я считаю / и нужны / потому что должен же кто-то думать о морали / должен же кто-то думать о духовности.*

Объясняет говорящий и свои оценки: *Бросать было жалко / уж много вложено было; Все они дороги // Они страхом и кровью достались.*

Типичным коммуникативным заданием является мотивировка побуждения адресата к тем или иным действиям: *Завтра ты идёшь в больницу // со здоровьем не шутят!; Они такие замороженные // Их надо в горячую воду; Идите / помогайте дяде / нечего сидеть // Он там один плюхается; Возьми да выйди / да купи / ты же мать.*

Мотивируется и запрет совершения определенных действий: *Мне мама его есть запрещала / потому что типа там один лёд / ты заболеешь; Нельзя столько шоколада есть / зубы будут болеть!; Не вздумай делать // у тебя волосы короткие и вообще / это дурной вкус.*

Столь же типично в обиходно-бытовом общении объяснение своих или чужих желаний, намерений, своего или чужого поведения: *Я лучше работать пойду // надоело уже учиться; Мне просто тоже нужно эту рецензию написать уже / потому что сегодня последний день; Он уже готов был ну просто так бесплатно кому-нибудь... / ну перепе-*

давать свои знания / **потому что** он знал и любил литературу; [Ну я у неё спрашиваю / «А чё ты с ним живешь?»] Она мне / «Я не знаю / Ирка / потому что он мой первый мужчина / у меня большие / кроме него / никого не было / до него и после него не было»; Всю дорогу до церкви пла-
кала // Не любила.

Характерным коммуникативным заданием является также объяснение своего или чужого эмоционального состояния: Дико удивился / **по-
тому что** ружьё ни разу осечек не давало; Мне было очень обидно / **по-
тому что** я так прониклась к Леонардо...; [Гриня вообще горем убитый]
Так это наверное **оттого** / **что** в него Наташка вцепилась.

Сообщение о чьем-либо состоянии в ряде случаев содержит указание на вызвавшую его эмоцию (с использованием предложно-именного сочетания каузальной семантики): Сломала челнок **от злости**; Меня **от зависти** трясёт.

Нуждаются в объяснении говорящего, кроме того:

— невыполнение какой-либо работы: А мы же не красим / нам же не дают; И не вышла / у неё дети заболели;

— отказ в чьей-либо просьбе (требовании): Не могу принять я у тебя машину / у меня и гаража-то нет; Но я вам не могу платить / **потому что** стеснён в средствах.

Типизированы в спонтанной речи также высказывания, завершающиеся уточнением или пояснением сказанного: Они не вернулись / были убиты; Тимофея не было / он учился уж; А я что-то не хочу / я наелась.

Как видим, постоянно повторяющиеся в обиходно-бытовой речи коммуникативные задания, реализуемые с использованием каузальных конструкций, в основном предполагают объяснение чего-либо: жизненных обстоятельств, а также различных мнений, оценок, действий, эмоциональных состояний и др. Значительно реже говорящий фиксирует причинно-следственную связь между теми или иными явлениями, событиями: Зубы портятся **от** них; **От** сессии, **от** расписания (по-худела); **От** тоски, **от** всего... **от** чувств ее обуревавших она умерла.

Заключение

Несмотря на то что в русистике изучению разговорной речи посвящен целый ряд фундаментальных исследований (см. работы Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Е.Н. Ширяева и др.), анализ реализации функционально-семантической категории причины в этой речевой разновидности пока не проводился. Между тем он важен как для обогащения сведений о грамматических средствах разговорно-

обиходного стиля, так и для практики обучения русскому языку иностранных студентов.

Разговорно-обиходная речь использует грамматический потенциал языка далеко не полностью (см. также исследования Саратовской школы коллоквиалистики). Это относится и к языковым средствам каузальной семантики. Анализ показал, что в обиходно-бытовом общении каузальные отношения наиболее активно выражаются бессоюзными сложными предложениями, не столь часто — сложноподчиненными предложениями с придаточным причины, значительно реже — конструкциями с предложно-субстантивными сочетаниями. Между тем другие языковые средства со значением причины встречаются в разговорно-обиходном стиле лишь эпизодически или вовсе не отмечены в наших материалах.

В обиходно-бытовой коммуникации исследуемые языковые средства реализуют семантику предметной причины намного чаще, чем семантику причинного обоснования (соответственно 72,7% и 27,3% употреблений), причем во всех зафиксированных случаях выражается значение *основной* предметной причины. Объектом же причинного обоснования (обычно прямого) чаще всего является оценка, значительно реже — реальное или предполагаемое действие либо побуждение.

Обиходно-бытовое общение характеризует широкий спектр типовых коммуникативных установок говорящих. Эти установки определяют выбор языковых средств, в том числе тех или иных каузальных конструкций. Такими повторяющимися заданиями общения, предлагающими использование языковых единиц причинной семантики, являются: объяснение собеседнику своих жизненных обстоятельств; мотивировка мнения по какому-либо вопросу; побуждение адресата к каким-либо действиям или запрет на совершение определенных действий; объяснение оценок, даваемых говорящим кому-чему-либо; объяснение желаний, своего или чужого эмоционального состояния и др.

Библиографический список

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М.: Стереотип, 2009. 318 с.

Васильева А.Н. Функциональное направление в лингвостилистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного : автореф. дис. ... доктора филол. наук. М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1981. Электронный ресурс: <https://www.dissertcat.com/content/funktionalnoe-napravlenie-v-lingvostilistike-i-ego-znachenie-v-prepodavanii-russkogo-yazyka?ysclid=m976o46q4i409484503>

Виноградов В.В., Костомаров В.Г. Теория советского языкоznания и практика обучения русскому языку иностранцев // Вопросы языкоznания. 1967. № 2. С. 3–17.

Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. 190 с.

Ерофеева Т.И. Современная городская речь. Пермь, изд-во Перм. ун-та, 2004. 315 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Флинта, 2022. 240 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Земская Е. А., Красильникова Е. В., Капанадзе Л. А. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 485 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении. М.: Флинта, 2008. 94 с.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 399 с.

Матвеева Т.В. Статьи по русской стилистике. М.: Флинта, 2024. 392 с.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. М.: Просвещение, 1983. 79 с.

Сиротинина О.Б., Богданова В. А., Глотова И.П. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 253 с.

Сиротинина О.Б., Столяров Э.А., Мартыненко Н.Г. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. 309 с.

Теремова Р. М. Функциональная грамматика: блок обусловленности в современном русском языке. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 283 с.

Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Т.II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. 221 с.

Янь Сяолин. Функционирование каузальных конструкций в церковно-религиозных текстах // Филологические науки. Вопросы тео-

рии и практики. 2024. № 8. С. 2787–2793. <https://www.doi.org/10.30853/phil20240398>

Янь Сяолин. Функционирование каузальных конструкций в русских научных текстах // Russian linguistic bulletin. 2025. № 1 (61). : <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.61.8>.

Источник

Матвеева Т.В. Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.

References

Borisova I.N. Russian spoken dialogue. Structure and dynamics, Moscow, 2009, 318 pp. (In Russian)

Vasileva A.N. Functional direction in linguistics and its importance in teaching Russian as a foreign language. Abstract of Philol. Cand. Diss, Moscow, 1981. Retrieved from: <https://www.disscat.com/content/funktionalnoe-napravlenie-v-lingvostili-stike=-i-ego-znachenie-v-prepodavanii-russkogo-yazyka?ysclid=m976o46q4i409484503> (In Russian)

Vinogradov V.V., Kostomarov V.G. Theory of Soviet linguistics and practice of teaching Russian to foreigners. *Voprosy iazykoznaniiia = Questions of linguistics*, 1967, no. 2, pp. 3–17. (In Russian)

Golovin B.N. Language and statistics, Moscow, 1971, 190 pp. (In Russian)

Erofeeva T.I. Modern urban speech. Perm, 2004, 315 pp. (In Russian)

Zemskaya E.A. Russian colloquial speech. Linguistic analysis and learning problems, Moscow, 2022, 240 pp. (In Russian)

Zemskaya E.A., Kitaigorodskaya M.V., Shiriaev E.N. Russian colloquial speech. General questions. Word formation. The syntax, Moscow, 1981, 276 pp. (In Russian)

Zemskaya E. A., Krasil'nikova E. V., Kapanadze L. A. Russian colloquial speech, Moscow Nauka, 1973, 485 pp. (In Russian)

Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. The linguistic existence of a modern urban dweller: based on the material of the Moscow language. Moscow, 2010, 496 pp. (In Russian)

Kostomarov V.G. A discussion about the forms of text in communication. Moscow, 2008, 94 pp. (In Russian)

Lapteva O.A. Russian colloquial syntax. Moscow, 1976, 399 pp. (In Russian)

Matveeva T.V. Articles on Russian stylistics. Moscow, 2024, 392 pp. (In Russian)

Sirotinina O.B. Modern spoken language and its features, Moscow, 1974, 144 pp. (In Russian)

Sirotinina O.B. Russian colloquial speech, Moscow, 1983, 79 pp. (In Russian)

Sirotinina O.B., Bogdanova V. A., Glotova I.P. Colloquial speech in the system of functional styles of the modern Russian literary language. Vocabulary. Saratov, 1983, 253 pp. (In Russian)

Sirotinina O.B., Stoliarov E.A., Martynenko N.G. Colloquial speech in the system of functional styles of the modern Russian literary language. Grammar. Saratov, 1992, 309 pp. (In Russian)

Teremova R. M. Functional grammar: the conditioning unit in modern Russian, St. Petersburg, 2017, 283 pp. (In Russian)

Shvetova N.Iu. Russian grammar. Vol.II. The syntax, Moscow, 1980, 709 pp. (In Russian)

Shiryaev E.N. An unconnected complex sentence in modern Russian, Moscow, 1986, 221 pp. (In Russian)

Yan Syaolin. The functioning of causal constructions in Church and religious texts. *Philological sciences. Questions of theory and practice* = Philological sciences. Theoretical and practical issues, 2024, no. 8, pp. 2787-2793. <https://www.doi.org/10.30853/phil20240398>. (In Russian)

Yan Syaolin. The functioning of causal constructions in Russian scientific texts. *Russian linguistic bulletin*, 2025, no. 1(61). <https://www.doi.org/10.60797/RULB.2025.61.8>. (In Russian)

Source

Matveeva T.V. Live speech of the Ural city. Texts, Ekaterinburg, 1995, 206 pp. (In Russian)

МЕТАФОРА ДЕРЕВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Е.И. Абрамова, Е.Д. Павлычева

Ключевые слова: дерево, дендроним, дендрометафора, политическая метафора, дуб, политический дискурс США

Keywords: tree, dendronym, dendronymic metaphor, political metaphor, oak, US political discourse

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-08)

Введение

В современной политической лингвистике одним из ведущих подходов является когнитивный, в рамках которого изучается политическая метафора. Это обусловлено тем, что политический дискурс в последние десятилетия достаточно метафоризирован как следствие общей метафоризации человеческого мышления. Метафоры отражают способы восприятия политической действительности, обусловленные представлениями о роли и месте политиков и политических феноменов.

Метафора, создавая новые значения уже существующих единиц языка, делает политический дискурс выразительным, усиливает воздействие на реципиента. В связи с этим выделяют когнитивную, коммуникативную, прагматическую и эстетическую функции метафоры [Чудинов, 2013, с. 18]. Во всех этих функциях важен фактор национально-культурных особенностей, поскольку специфика метафоризации политической деятельности в значительной степени обусловлена социально-культурными условиями жизни страны, идеологией и национальными традициями [Будаев, 2006, с. 64]. С другой стороны, метафора — это ментальное явление, а язык лишь отражает мыслительные процессы. Отсюда метафорическое значение — это поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность [Будаев, 2006, с. 36]. Таким образом, метафорические переносы могут быть универсальными для ряда культур или иметь узкую культурно-обусловленную направленность.

Ценность метафоры в политическом дискурсе определяется в комплексе с другими персузивными средствами. В связи с этим авторы исследований политической метафоры выделяют различные индексы,

репрезентирующие ее воздействующий потенциал. Так, плотность метафоры прямо коррелирует с уровнем речевого воздействия при условии уместности метафоры. Индекс интенсивности метафоры и силы ее воздействия на реципиента зависит от степени ее конвенциональности и факта включения ее в словари национального языка. Индекс структурной типологии подчеркивает место метафоры в предложении, обуславливающее силу воздействия. Содержание метафорического переноса, т.е. источник-сфера метафоры также определяет силу воздействия [Сунь, 2021, с. 256–262]. В исследуемом списке источников метафоры представлена и природа, потенциал которой в целом невысокий [Сунь, 2021, с. 262], однако ценность метафоры может быть определена не только сферой-источником, но и сферой-мишенью.

Метафоризация предполагает соотнесение одного явления, более сложного из сферы-мишени, с другим явлением или объектом, более простым или уже освоенным из сферы-источника. Следовательно, в метафорической единице всегда содержится лексическая единица из сферы-источника [Лакофф, 2004, с. 112]. Метафора как вторичное наименование базируется на механизме сходства по функции, по производимому действию и по внешней форме [Керимов, 2009, с. 137]. Выделяются такие метафорические модели, основанные на сопоставлении политики с другими сферами, как: «политика» — театр, игра, война, медицина, дорога, спорт [Моргун, 2012, с. 97]. Другая классификация, определяющая тип концептуальной политической метафоры, также основана на сфере-источнике: антропоморфная метафора, физиологическая, морбидальная, криминальная, милитарная, спортивная, игровая, фитоморфная, а также метафоры родства, сфер зрелищных искусств (театр, кино), неживой природы, дома, механизма [Спицына, 2012, с. 119]. Такие модели политической метафоры, как «игра», «путь», «транспортное средство», «механизм», «любовь», «война», являются активными в английском и русском языках [Мингалева, 2018]. Рассматриваются зоометафоры, источником которых является живая природа. Так, делается вывод, что зоометафора чаще всего используется в политическом дискурсе в негативном контексте по отношению к сопернику [Агафонова, 2011, с. 79].

Говоря о лингвокультурном характере метафоры, отметим вывод О.Ю. Лонской, что, в частности, в российском политическом дискурсе природные метафоры меняют свою коннотацию в зависимости от изменения политической ситуации [Лонская, 2021, с. 2691].

Несмотря на то что метафоры природы являются укоренившимися в общественном опыте, т.е. архетипичными [Osborn, 1967, с. 116–

17], и способны максимально воздействовать на слушателя, среди них не так много дендрометафор. Данная работа посвящена одной из метафорических моделей, где источником метафоры выступает дерево. Исследования, посвященные сферам-источникам политической метафоры, упоминают растительную сферу, но в широком диапазоне, как природу или всю растительность, однако более конкретные примеры пока представлены недостаточно. Э.В. Будаев и А.П. Чудинов отмечают, что метафоры растительного мира представлены в политическом дискурсе США, но мало изучены специалистами [Будаев, 2008, с. 138]. Дерево обладает большим метафорическим потенциалом. Во-первых, дерево, его функции, структура и жизненный цикл знакомы человечеству с древних времен, представляя сферу непосредственной деятельности. Русский историк В.О. Ключевский утверждал, что человек начал осознавать и исследовать мир от просмотра и изучения близлежащих природных объектов, которые образовали окружающая среда как часть жизни и деятельности человека [Ключевский, 2003, с. 51]. Метафоризация более поздних сфер жизни уже будет основана на более изученном и ранее исследованном объекте. А.П. Чудинов отмечает, что в основе абсолютного большинства политических метафор лежат именно обыденная картина мира, наивные представления. Живая природа издавна служит человеку моделью, в соответствии с которой он представляет политическую реальность [Чудинов, 2013, с. 36].

Во-вторых, дерево представляет собой объект живой природы, обладающий жизненным циклом, сходным с человеческим. Его физическая структура подобна человеческой: вертикальный рост, стремление вверх, наличие конечностей. Отсюда следует, что древний символизм дерева уже делает его основой для метафоры.

В-третьих, система символов, которыми обладает дерево, уже является основой для метафоризации. Деревья приобрели символические функции, отраженные в языке в виде метафор, которые часто использовались в качестве тезисов для выражения национальной идентичности. Долгая история взаимоотношений с деревом дала человеку возможность познать природу, объяснить явления и предметы природы, переносить характеристики и функции дерева на другие сферы, менее древние [Abramova, 2021]. Таким образом, политические реалии осознаются в концептах и символах дерева. В исследовании дерево анализируется как источник метафоры для описания политической сферы взаимодействия человеческих общностей.

В нашем исследовании мы понимаем метафору в широком смысле, т.е. в когнитивном, когда интерес представляет смысловое уподобление

ние [Чудинов, 2004, с. 92], при этом не отрицается важность структурного уподобления. И.М. Кобозева подчеркивает, что при анализе политической метафоры можно считать «метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева, 2001, с. 136–137]. В исследовании мы рассмотрим собственно метафоры, сравнения и метонимию, которые базируются на когнитивной метафоре и ментальной образности. Таким образом, целью исследования является выявление национально- и культурно-обусловленных метафорических моделей политического дискурса США, в основе которых лежит обращенность к дереву как к физической структуре и к его символическим функциям.

Материалы и методы

В качестве материала выбраны отрывки из речей и интервью американских политических деятелей, размещенных на сайтах *The American Presidency Project* (проект Калифорнийского университета, <https://www.presidency.ucsb.edu/>, 1 676 794 записи), *Miller Center* (проект Университета Вирджинии, <https://millercenter.org/>), *The White House* (сайт Белого Дома, <https://www.whitehouse.gov/>). Выводы были сделаны на основе 200 словоупотреблений дендрономической лексики, к которой мы относим следующие лексемы: tree, oak, thorn, root, leaf, trunk, acorn, sapling, stump.

Для описания и анализа отобранного языкового материала была применена методология концептуального анализа метафорических моделей, а также методы контекстного анализа с целью выявления разных типов метафорических номинаций.

Результаты исследования

При анализе дендрономической метафоры в целом мы, во-первых, рассматриваем модели переноса, репрезентируемые лексемой *tree*, во-вторых, включающие наименования элементов дерева (корень, ствол, листья, цветы, пень, крона) как составных элементов физической структуры дерева, дополняющих друг друга в целостном образе дерева, поскольку дендрономические концепты *tree*, *branch*, *leaf*, *trunk*, *blossom*, *root* составляют значительный фрагмент концептуальной картины мира носителя англо-американской лингвокультуры [Дехнич, 2004, с. 127] и лежат в основе метафорического переосмысления политических феноменов. А также мы обращаемся к ботаническим видам деревьев как природно-культурным символам нации.

В результате анализа были получены следующие данные.

Дерево — сильный политик. Метафора дерева используется для усиления образа политика. В лингвокультурной парадигме политического дискурса США деревом, которое ассоциируется с сильным политиком, в первую очередь является дуб. Дуб стал официальным символом США в 2004 году, поскольку, отмечают, что дуб олицетворяет основные характеристики нации: силу, выносливость и красоту¹. В целом символизм дуба имеет долгую традицию, заложенную в англосаксонской и европейской культуре, и отражает национальное представление о его прагматике. Именно дуб из понятийной сферы «Растения и деревья» стал символом лидера нации. Сенатор Дон Ригль (Don Riegel) в интервью о своем сотрудничестве с Тедом Кеннеди и его эволюции как политика использует развернутую метафору дерева вообще и дуба в частности для описания его величия как старого политика и старейшины рода на тот момент, объединяющего и охраняющего семью (2008 г.): *I used the analogy of Ted as a gigantic tree, like a giant oak tree that has grown up, with a sweep at the top, under which the whole family gathers, and not just his actual family but his extended family—his staff, people devoted to him, and so forth. Over the years, he has become massive, solid, like an oak tree, of a huge size and dimension.* Такую же метафору развивает глава администрации Эдварда Кеннеди Дэвид Берк (David Burke): *... Newt Gingrich's revolution, who was the Katrina of politics in those days, blew down every tree except for one oak tree still standing, Teddy Kennedy.* В первом примере дерево и дуб не противопоставлены друг другу, при этом дуб, обладающий гигантским размером и большим размахом кроны, является высшей мерой для дерева. Метафора дуба как дерева перекликается с метафорой семьи и коллектива. Во втором примере дуб противопоставлен дереву вообще, как сильное дерево слабому. Алан Блиндер (Alan Blinder), экономический советник Билла Клинтона, в интервью 2003 года говорит о сильном политику как о дереве, а о слабом как о тростнике: *If we picked a weak political reed, we could knock it over. If we picked a strong political tree, we were not going to knock it over. So those were very different.* Юриста президента Клинтона также описали в метафоре дерева: *These days, John Podesta, the White House Chief of Staff, calls Mr. Ruff the solid oak tree of the whole operation.*

Листья дерева — политические идеи, новые политические поколения с новыми идеями. Метафора листьев дерева используется для описания политических идей, как старых, мешающих прогрессу, так и мо-

¹ <https://www.congress.gov/congressional-report/108th-congress/house-report/689/1>

лодых, еще не использованных на практике. В своей инаугурационной речи Джордж Буш (1989) использует метафору ветра как источника перемен, который срывает листья-идеи со старых деревьев ... *old ideas blown away like leaves from an ancient, lifeless tree. A new breeze is blowing.* Барак Обама в речи об образовании, экономике и рынке труда (2013) метафорически обозначает дерево как источник идей, которые нужно выявить и использовать: *And I've asked my team to shake the trees all across the country for some of the best ideas.* Метафора листьев как нового поколения с новыми идеями обнаруживается в речи Т. Джефферсона (1803): *Our seventeen States compose a great and growing nation. Their children are the leaves of the trees, which the winds are spreading over the forest.* Поблекшие листья метафоризуют упадок и смерть. Теодор Рузвельт в своем инаугурационном обращении 1933 года говорит о проблемах в экономике: *the withered leaves of industrial enterprise lie on every side.* Билл Клинтон использует метафору листьев, которые не блекнут, для описания прогресса и преемственности жизни в другом поколении (1995): *It embodies the lesson of the Psalms that the life of a good person is like a tree whose leaf does not wither.*

Желудь, семена, деревце — начало развития. Желудь и дуб — развитие. Метафора дуба и желудя как его основы и зачатка используется для противопоставления первоначального состояния и его развития. Метафора обозначает дальновидность политика, прогресс и положительный результат его деятельности. Гарри Трумэн, описывая дальновидность политика в 1950 году, указывает на способность видеть в желуде его потенциальную силу как будущего сильного дуба: *You know, some people will take a look at an acorn and all they can see is just an acorn. But people of Mike Mansfield's type are something different. They can see into the future. They can see a giant oak tree, with its great limbs spreading upward and outward coming from that acorn.* Д. Айзенхауэр в 1968 году при открытии колледжа сожалеет о том, что не все политики способны увидеть последствия совершающихся действий: *I wanted to leave just this one final thought in the hope that it would be nurtured and grow here as a seedling today into a big oak tomorrow. In Washington there are some men, no matter how hard they try, who can only see little acorns.* Г. Трумэн, размышляя о политиках, политических состояниях и прогнозах, также прибегает к этой метафоре: *We must cherish the seedling in the hope of a mighty oak. I hope the country never gets into the hands of little men with acorn minds* (1947). *Let us keep it in the hands of men who can see the trees, and who will work for a nation, and a world, at peace* (1950). Дж. Буш рассуждает о развитии свободы на примере метаморфозы деревца в мощное дерево (2005): *And*

we know the tree of liberty begins as a sapling, vulnerable to violent winds and gathering storms. Yet if nurtured and protected, it will grow into a mighty oak that can withstand any storm. Б. Обама сравнивает начало дружбы с семенами (2014), а ее упрочение с сильным дубом: *The seeds of friendship planted that day have grown into a mighty oak — strong, sturdy, and enduring.*

С метафорой *acorn* концептуально сопоставима метафора *sapling*, которая используется для обозначения начала роста и изменения, ведущих к прогрессу, в следующих примерах: *What he thought was this little tiny acorn over here ended up being this big bombshell over here* (К. Осборн, личный помощник Р. Рейгана, 2003). *We can be proud of planting this sapling, which may one day grow into a mighty tree of peace* (Р. Рейган, 1987). *Like a sapling in springtime, our economy sprang back after a long winter and reached for the Sun* (Р. Рейган, 1985). *And she shaped her vision by naming her company "Shingobee" which means "beautiful evergreen tree" in her Sioux language. And Gae's beautiful evergreen tree has grown from a small sapling into a thing to behold, a company that expects to do more than \$10 million worth of business this year* (Дж. Буш, 1985). *And like the saplings that were brought here by the Prime Minister, these relationships took root, they grew, and they branched out in ways that were probably impossible to predict* (Э. Блинкен, 2024). В последнем примере представлена развернутая дендрометафора, включающая деревце, корни и ветви.

Рост дерева — жизнь человека. Метафора роста дерева используется для описания этапов жизни человека. В поминальной речи по жертвам бомбежки в Оклахоме (1995) Билл Клинтон сравнивает жизнь дерева и человека, проводя параллели между памятью о человеке и вечнозеленом дереве: *... the life of a good person is like a tree whose leaf does not wither. My fellow Americans, a tree takes a long time to grow and wounds take a long time to heal.*

В политических речах отмечаются и традиционные метафоры дерева, основанные на символизме его структуры и ставшие терминами в определенной сфере знаний. Метафора дерева используется для описания структуры и иерархии знаний, решений и политических состояний. Рассмотрим некоторые из них.

— Метафора *genealogy/ family tree* — генеалогическое древо используется в политике для обозначения классификаций и отношений внутри общественных групп, например, *family tree of political parties*.

— Метафора *decision tree/decisional tree* (дерево принятия решений) используется в политике для прогнозирования политических явлений и классификации знаний, опыта и статуса в принятии решений. Дэвид Сатфен (David Sutphen), помощник Эдварда Кеннеди, говорит о иерар-

хии политиков в принятии решений (2007): *The way I describe it to people, it's like a genealogy tree, almost like a decisional tree. The beauty of somebody like Senator Kennedy is when you've been around the block long enough, you can figure out very early in the process what branch of decisional tree you're on.*

— Метафора *amendment tree* (дерево поправок) образно обозначает схему процесса внесения поправок в Сенат США, в ходе чего предлагаются определенное количество и тип поправок. После заполнения «дерева» никакие другие поправки не допускаются. Ник Литтлфилд (Nick Littlefield), советник Эдварда Кеннеди, описывает ситуацию, когда лидер большинства в сенате блокирует внесение поправок (2008): *Dole filled up the amendment tree, preventing or blocking consideration of the Daschle amendment.*

— Метафора *tree of peace* (дерево мира) означает усилия по поддержанию и развитию мира, которые приводят к его укреплению. Метафора берет истоки в традициях индейцев-ирокезов, которые, заключая мир, садились под сосну, называемую деревом мира, и выкуривали трубку мира. Далее «дерево мира» стало метафорой свободы, независимости и силы американских колоний, а визуальный образ дерева мира использовался на флагах, знаменах и монетах. Таким образом, метафора является укоренившейся в социокультурном и лингвокультурном пространстве американского политического дискурса. Рональд Рейган, подписывая договор с СССР в 1987 году, указывает на долгий период становления мира и необходимости его поддержания: *We can be proud of planting this sapling, which may one day grow into a mighty tree of peace. But it is probably still too early to bestow laurels upon each other. As the great American poet and philosopher Ralph Waldo Emerson said: "The reward of a thing well done is to have done it."*

— Метафора *tree of liberty* (дерево свободы) ассоциируется с Американской революцией. Дерево свободы символически было посажено предками и полито их кровью, поэтому оно было высшей ценностью революции [Филимонова, 2020, с. 185]. Данная развернутая метафора представлена следующими примерами: *Well, the tree of liberty is not watered with the blood of patriots* (Джо Байден, 2021). *And to keep the tree of liberty standing tall in the century before us, you must nourish those roots* (Джордж Буш, 2005).

Обращаясь к элементам дерева, подчеркиваем, что метафора корней дерева используется для обращения к традиционным ценностям, где корни дерева символизируют основу и истоки и выражают причинно-следственные отношения вместе с другой лексикой понятийной сферы «Дерево» (семена, плоды). Рональд Рейган в своей речи

в Москве в 1988 году указывает на важность связи современных изменений с сохранением традиционных ценностей: *Change would not mean rejection of the past. Like a tree growing strong through the seasons, rooted in the Earth and drawing life from the sun, so, too, positive change must be rooted in traditional values.*

Метафора корня является общекультурной, устоявшейся и много-кратно встречающейся в политическом дискурсе, поскольку образ корня как причины, прошлого, предков, традиций находит отклик у слушателей. Следующие примеры подтверждают устойчивость и распространённость метафоры:

The Polish Presidency: Historical Roots and Present Developments ...

The roots of our national discord ...

... the deep historical roots of contemporary political developments

Root, Stem and Branch: Home-Grown Radicals and the Limits of Terrorism.

This half-day public conference will focus on the roots, management, and direction of so-called “endless wars”.

... the root causes of political polarization, ...

Метафора ствола как опоры и основы современного состояния политика и его деятельности также имеет общекультурную основу. Сенатор Танни (John Tunney) указывает на роль жены Э. Кеннеди в его политической карьере: *I give her great, great credit for it. She's a solid trunk supporting his tree* (2007). Президент Джонсон использует метафору ствола и других элементов дерева как основы существования цивилизации: *But in my mind we are branches of a single tree. The trunk of that tree is the simple, single proposition that we must find a way to insure the survival of civilization in this nuclear age* (1963).

Метафора коры деревьев как видимой поверхностной части деятельности политика, которая скрывает глубинное, может использоваться в положительном ключе как суть явления либо в негативном как нечто скрытое и подковерное. Во втором случае снятие коры метафоризует обнародование проблемы.

Johnson organizing the presidency, campaigning for office, and managing the press — all “with the bark off”.

I remember Bill Simon just peeled the bark off him. He said, Mr. President, how can you do such a thing... George Shultz (2002)

... the Presidency as you experienced it and with the bark off, to the extent that we can do that. So that's the ...

I hope you share the view with me that we want the truth with the bark off.
(Kennedy, 1960)

We're not afraid to strip away the bark and let people understand the reasons why decisions are made. (Carter, 1980)

Метафора шипов в политическом дискурсе имеет общекультурную основу как некто или нечто досадное или мешающее. В политическом дискурсе это прессы, политические оппоненты и критики.

He was a thorn in Kennedy's side ...

... on this issue, going back to the Clinton years, was he a thorn in the flesh when it came to incrementalism,

... in those early days when Dean was campaigning, he was a thorn in Senator Kennedy's side ...

... be in on that flow, but I think he thought I was such a thorn by that time that he ought to get me out of the way ...

He was sometimes supportive and sometimes a thorn during this whole process in 1992.

... and that I could work with a Dingell who was always a thorn in the President's side.

... if he got to the point he would be a real thorn in the side of the administration.

... never got out there. I didn't think the press was a great thorn, except for this guy that I was talking about from the ...

You mentioned McCain earlier as a thorn in your side, so to speak.

The judge on the D.C. Circuit, who had been a thorn in many ways, ruled against her. There was an ...

Интерес представляет метафора пня (*stump*) в американском политическом дискурсе как предвыборной кампании. Отсюда *stump speech* — термин, используемый сегодня для описания стандартной речи кандидата, не содержащей новой информации, произносимой изо дня в день во время типичной политической кампании. Здесь наблюдается метафорическо-метонимический перенос. В первые десятилетия XIX века кандидаты, посещающие сельскую местность, буквально произносили свои речи на пне за неимением трибуны. К середине XIX века в газетах США *stump* стало метафорой необразованного сельского населения. Идея о том, что выступления пней были, по сути, сельским событием, привела к тому, что кандидаты в городах иногда использовали этот термин в насмешливой форме. В настоящее время выражение является стертой метафорой.

The details do make a difference, and on the campaign stump you don't get the details.

That became his stump speech for the last two weeks of the campaign.

He had some line at the end of his stump speech.

Then each day, he'd give his stump speech.

*The first night I was on that plane we redid the **stump** speech*

*With the **stump** speeches you didn't do that ordinarily unless it was a **stump** speech that was also going to be televised.*

Также метафора дерева включает сопоставление состояний дерева и состояний политика, политических организаций и течений, экономики и культуры, например, метафора цветения дерева (*blossom* — цветы, расцвет, пик, успех). Некоторые из примеров представлены ниже.

Yes, it was early, Newt Gingrich was arriving in full blossom at that time.

Ted Kennedy really, I think, blossomed in this campaign. With his past experience he ... was working very closely with him, and I can say he really blossomed into a true campaigner.

... 1990s, the relationship between Washington and Ankara blossomed for a time and arguably reached a peak

... about the Kennedy/Hatch relationship, because it really blossomed while I was there. I had a small part in it, ...

This development blossomed during Franklin Roosevelt's long presidency.

... you will see independence growing, thriving, blossoming, and blooming.

... the segregated status quo in the South, and its membership blossomed across the region-including Plains, Georgia. Carter ...

... outside of Washington, D.C. While Jerry's political career blossomed industries blossom when a society is stable and secure enough ...

В заключение выделим метафоры, ассоциируемые с определенными политиками. Так, метафора *the cherry tree / the cherry tree myth* ассоциируется с юным Дж. Вашингтоном, который не был наказан за уничтожение вишневого дерева, поскольку признался в этом проступке. Таким образом, выражение *the cherry tree myth* репрезентирует честность как принцип поведения. *The coconut tree* как мем, возникший в период предвыборной кампании Камалы Харрис, является метафорой поддержки ее сторонников.

Заключение

Итак, дендронимическая метафора в политическом дискурсе США проявляет как национально-культурные особенности в соответствии со сложившимися культурными представлениями североамериканского общества, так и определенные общезыковые семантические свойства.

Метафоры дерева и его элементов, видов дерева, описывающие особенности политической сферы деятельности, занимают в политическом дискурсе весомое место и позволяют создать яркий образ политических феноменов. Также на базе уподобления дереву лингвокуль-

турное сознание концептуализирует сложные, недоступные непосредственному наблюдению понятия.

Метафоризация дерева основана на его физической структуре, механизме роста и превращения из семени во взрослое дерево, изменении его структуры со временем и по сезонам и на его роли в человеческом обществе. В связи с этим метафора дерева, его элементов и функций используется для создания образа сильного политика, описания этапов жизни человека, комплекса новых и старых идей, структуры и иерархии знаний, решений и политических состояний, развития и прогресса, истоков и основ, проблем и политических тайн. В целом метафора дерева охватывает многие стороны развития и существования политических институтов и феноменов, поэтому активно используется в политическом дискурсе.

В ходе исследования были выявлены наиболее употребительные дендрометафоры политического дискурса США: *tree, oak, thorn, root, blossom*.

Дальнейшие исследования дендронимической метафоры в политическом дискурсе могут касаться использования дендрометафор в политическом дискурсе Великобритании, Канады и Австралии.

Библиографический список

Агафонова О.И. Политический зоопарк, или Роль зооморфной метафоры в формировании политического образа (на материале английского языка) // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 24 (119). С. 77–83.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 35–77. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metaphora-v-politicheskem-diskurse-amerikanskiy-evropeyskiy-i-rossiyskiy-variandy-issledovaniya>.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации : монография. М.: Флинта : Наука, 2008. 248 с.

Дехнич О. В. Концептуальная метафора *People are trees* в современном английском языке : дисс ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 157 с.

Керимов Р.Д. Концептуализация социальной реальности фитоморфными метафорами в немецком политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4 (44). С. 136–144.

Ключевский В.О. Русская история. Статьи. М.: АСИ : Астрель, 2003. 463 с.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6. С. 136–137.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : Пер. с англ. / под ред. и с пред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лонская А.Ю. Метафора в политическом дискурсе российских печатных СМИ как инструмент вербализации лингвокультурных реалий (1991–2008 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 9. С. 2689–2694. <https://www.doi.org/10.30853/phil210462>.

Мингалева О.В. Воздействие посредством метафоры в политическом дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28). Электронный ресурс: <https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-86-100>

Моргун Е.А. Метафора как способ восприятия реальности в политическом дискурсе (политическая ситуация «выборы») // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12 (67). С. 96–98.

Спицына Н.А., Медведева Н.А. Роль концептуальной метафоры в политическом дискурсе президента США Барака Обамы // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 1. С. 118–121.

Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенок А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277. <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277>.

Филимонова М.А. От «майского дерева» к «древу свободы»: из истории символики американской революции // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64. № 4. С. 179–198. <https://www.doi.org/10.31857/S013038640010332-3>.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnoe-issledovanie-politicheskoy-metafory>

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии : монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 176 с.

Abramova E., Pavlycheva E., Tarasova O., Tsilenco L. Man-Tree Metaphor in British Linguoculture // E3S WEB OF CONFERENCES. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021). Moscow, 2021. <https://www.doi.org/10.1051/e3sconf/202128408009>.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: the Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. № 2. Pp. 115-126.

References

Agafonova O.I. Political Zoo or the Role of Zoomorphic Metaphor in Building a Political Image (English Language Case). *Nauchnye vedomosti. Seriya "Gumanitarnye nauki"* = Scientific News. Series "Humanities", 2011, no. 24 (119), pp. 77-83. (In Russian)

Budaev E.V., Chudinov A.P. Conceptual Metaphor in Political Discourse: American, European and Russian Variants of Research. *Politicheskaya lingvistika* = Political Linguistics, 2006, no. 17, pp. 35-77. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-metafora-v-politicheskem-diskurse-amerikanskiy-evropeyskiy-i-rossiyskiy-varianty-issledovaniya> (In Russian)

Budaev E.V., Chudinov A.P. Metaphor in Political Communication: monograph, Moscow, 2008, 248 p. (In Russian)

Dekhnich O.V. Conceptual Metaphor People Are Trees in Modern English. Cand. of Art Diss, Belgorod, 2004, 157 p. (In Russian)

Kerimov R.D. Conceptualization of Social Reality with Phytomorphic Metaphors in German Political Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. = Bulletin of Kemerovo State University, 2010, no. 4 (44), pp. 136-144. (In Russian)

Klyuchevskiy V.O. Russian History. Articles, Moscow, 2003, 463 p. (In Russian)

Kobozeva I.M. Semantic Problems of Political Metaphor Analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* = Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology, 2001, no. 6, pp. 136-137. (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By, Moscow, 2004. 256 p. (In Russian)

Lonskaya A.Yu. Metaphor in the Political Discourse of Russian Print Media as a Tool of Verbalizing Political Realia (years 1991-2008. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Theoretical and practical issues, 2021, no. 9, pp. 2689-2694. <https://www.doi.org/10.30853/phil210462> (In Russian)

Mingaleva O.V. The Impact Through Metaphor in Political Discourse. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Language Theory and Intercultural Communication, 2018, no. 1 (28). <https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-86-100> (In Russian)

Morgun E.A. Metaphor as a Way of Perceiving Reality in Political discourse ("election" political situation). *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* = Al'manakh of modern science and education, 2019, no. 1 (10). pp. 10-15. (In Russian)

zovaniya = Almanac of Modern Science and Education, 2012, no. 12 (67), pp. 96–98. (In Russian)

Spitsyna N.A., Medvedeva N.A. The Role of Conceptual Metaphor in US President Barak Obama's Political Discourse. *Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = VSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2012, no. 1, pp. 118–121. (In Russian)

Sun' Yu., Kalinin O.I., Ignatenok A.V. Implementation of Metaphoricity Indices to Analyse the Impact of Metaphor in Public Political Speeches. Russian Journal of Linguistics, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 250–277. (In Russian). <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277>

Filimonova M.A. From the Maypole to the Liberty Tree: From the History of Symbolism of the American Revolution. *Novaya i noveyshaya istoriya* = Modern and contemporary history, 2020, vol. 64, no. 4, pp. 179–198. <https://www.doi.org/10.31857/S013038640010332-3> (In Russian)

Chudinov A.P. A Cognitive-Discursive Study of Political Metaphor. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* = Issues in cognitive linguistics, 2004, vol. 1. 176 p. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnoe-issledovanie-politicheskoy-metafory> (accessed 07.01.2025). (In Russian)

Chudinov A.P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii Essays on Modern Political Metaphorology: monograph, Ekaterinburg, 2013. (In Russian)

Abramova E., Pavlycheva E., Tarasova O., Tsilenko L. Man-Tree Metaphor in British Linguoculture. E3S WEB OF CONFERENCES. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021), 2021. <https://www.doi.org/10.1051/e3sconf/202128408009>

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family. Quarterly Journal of Speech, 1967, vol. 53, vol. 2, pp. 115–126.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ — ПУТЬ» В ПРАКТИКЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО КОУЧИНГА

Н.Ю. Шнякина

Ключевые слова: коучинг, мотивационный дискурс, стратегия убеждения, суггестивность, метафорическая модель, личностное развитие

Keywords: coaching, motivational discourse, persuasion strategy, suggestibility, metaphorical model, personal development

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-09](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-09)

Введение

Одной из современных образовательных тенденций настоящего времени является активное развитие практики коучинга, направленной на профессиональное и личностное развитие человека. Коуч не только помогает расставить правильные приоритеты и ориентироваться на принятые в обществе жизненные ценности, но и мотивирует recipiента / клиента на формирование значимых для него личностных качеств — решительности, целеустремленности, инициативности, дисциплинированности и т.д. Широкое распространение практического коучинга обусловило появление в коммуникативной среде множества специалистов различных профилей и уровней, оказывающих профессиональную помощь. Их язык, будучи специфическим проявлением научно-популярного дискурса, обладает яркой спецификой, которая сочетает в себе признаки нескольких функциональных стилей: научного, публицистического, разговорного.

Основу используемых коучами методик образует потребность раскрыть потенциал клиента и мотивировать его тем самым на достижение поставленных целей. Реализация прагматического замысла коуча осуществляется с помощью особых речевых стратегий, особое место среди которых занимает стратегия убеждения. Коуч обладает широким арсеналом языковых средств, позволяющим изменить настрой и эмоциональный фон recipiента. Одним из них является метафора, обладающая значительным когнитивным и дидактическим потенциалом. Посредством метафоры в мотивационных текстах создаются наглядные образы, позволяющие клиенту осмысливать сообщаемую коучем информацию в доступном виде и стимулировать собственные дальнейшие действия в соответствии со сформулированными в процессе ин-

дивидуального или группового общения установками. Иными словами, метафора обеспечивает понимание сложных идей, с одной стороны, и упрощает процесс передачи знаний от коуча к клиенту, с другой.

Сосредоточенность внимания на эффективности метафорических построений при реализации стратегии убеждения обеспечивает актуальность статьи, которая, примыкая к современным работам по дискурсологии и коммуникативистике, вносит вклад в разработку основ сравнительно недавно появившейся в информационном пространстве практики коучинга, характеризующейся использованием мотивационных речей.

В качестве объекта исследования выступает немецкоязычный мотивационный дискурс, реализованный в практике личностного коучинга. Предметом исследования является когнитивный и лингводидактический потенциал метафоры пути, используемой авторами текстов по личностному развитию. В теоретическом плане статья вносит вклад в развитие теории мотивационного дискурса: исследование способствует осознанию специфики аргументирования в рамках стратегий убеждения, воздействия и объяснения; обладая несомненным прикладным потенциалом, статья может быть использована для реализации образовательных целей в рамках практического коучинга.

Ход мысли автора отражается в последовательном решении поставленных задач. Теоретическая часть представляет собой обзор литературы и ориентируется на определение основных используемых в статье понятий, среди которых коучинг, мотивационный дискурс, воздействие и мотивация, стратегия убеждения, метафорическая модель, личностное развитие / личностный рост. Практическая часть представляется собой описание наиболее популярной в мотивационных текстах метафорической модели «личностное развитие — путь». Использование комплекса методов позволяет посредством совмещения исходной и результатирующей областей метафорического переноса определить когнитивную и дидактическую специфику рассматриваемой модели, а также констатировать ее высокую продуктивность в создании текстов по личностному развитию.

Обзор литературы

Научно-технический прогресс и сопутствующие ему трансформации в сфере коммуникационных технологий обусловливают расширение способов взаимодействия между людьми и необходимость быстрой адаптации человека к различным ситуациям в соответствии с изменениями окружающего мира. Появление в современном обществе практи-

тики коучинга является своеобразным ответом на обстоятельства новой реальности и дает человеку возможность приспособиться к существующим изменениям как в профессиональной, так и в личностной сфере. Высокая конкуренция на рынке труда побуждает человека к самосовершенствованию; в этом плане методология коучинга представляет собой эффективный мотивирующий инструмент, позволяющий укрепить сильные стороны и развить новые способности. В лингвистическом плане практика коучинга вызывает значительный интерес, поскольку открывает перспективы в исследовании коммуникативных стратегий в рамках специфического целеполагания.

Согласно одному из определений под коучингом понимается «особый вид диалога, в котором специалист (коуч) помогает клиенту самостоятельно уточнить, прояснить и сформулировать свои жизненные, профессиональные и/или деловые цели и задачи, сфокусировать внимание на задачах развития, искать как внутренние, так и внешние ресурсы, искать и находить альтернативы действий, строить планы, проверять их на реалистичность, принимать на себя ответственность за их реализацию» [Кларин, 2014, с. 73]. Деятельность коуча в этом плане направлена на развитие собственного потенциала клиента, а не на передачу готовых знаний; коуч необязательно является профессионалом в той или иной предметной области, но, как правило, владеет психологическими и языковыми техниками, обеспечивающими реализацию поставленных перед ним задач.

С точки зрения предметного содержания практический коучинг как метод раскрытия возможностей личности основывается на классической психологии, а с позиций его вербального оформления и коммуникативных установок является разновидностью научно-популярного дискурса, ориентированного на широкий круг людей [Гилясов, 2017, с. 70]. Ю.В. Гилясов отмечает жанровую самостоятельность коучинга и в то же время его стилевую диффузность [Гилясов, 2017, с. 70]. Жанрово-стилистическое своеобразие рассматриваемого языкового феномена проявляется в зависимости от формы вербализации: устной, предполагающей тренинги, семинары, консультации, и письменной, существующей в виде мотивационной литературы. Реализуемые в рамках практического коучинга цели и используемые стратегии обуславливают рассмотрение данного типа языковой практики как формы существования мотивационного дискурса, нацеленного на создание у клиента прочной стимулирующей к действию основы для решения широкого круга задач.

Лингвистическое осмысление мотивационный дискурс нашел в работах [Букина, 2022; Гаевская, Мошняга, Чихачева, 2024; Гилясов, 2017; Панченко, 2023; Подоляк, 2016]. В обзоре [Букина, 2022] обозначенный тип дискурса рассматривается как междисциплинарное понятие, находящееся на стыке психологии и социологии. Согласно представленной в работе дефиниции мотивационный дискурс определяется как «устный или письменный текст убеждающего характера, созданный человеком в процессе взаимодействия и содержащий мотивационные конструкции (имплицитные и эксплицитные)» [Букина, 2022, с. 50]. Мотивационный дискурс предполагает наличие положительного настроя, с одной стороны, и мотивационной основы, ориентированной на ценности реципиента, с другой [Гаевская, Мошняга, Чихачева, 2024, с. 83]. Создание положительного настроя обусловлено высокой степенью ориентированности мотивационного дискурса на адресата, экспрессивностью и эмоциональностью [Гилясов, 2017, с. 71]. Мотивационная составляющая реализуется посредством специальных коммуникативных стратегий и техник, с помощью которых адресат получает объемное осознание собственных возможностей, освобождается от содержащих факторов и тормозящих развитие стереотипов и использует открывшиеся возможности для своего профессионального и личностного развития.

Установка коуча на мотивацию клиента предполагает отбор языковых инструментов, нацеленных на доступное изложение необходимых фактов, т.е. на создание некой доказательной базы, с одной стороны, а также на убеждение клиента в необходимости следования пропагандируемым установкам, с другой. Многие лингвисты сходятся во мнении, что в основе мотивационного дискурса лежит воздействие на адресата. В одной из работ [Панченко, 2023, с. 5] автор в опоре на выделенные психологом Г.А. Ковалевым императивную, минипулятивную и развивающую стратегии [Ковалев, 1991, с. 117] разводит понятия «воздействие» и «мотивация», описывая их как общее и частное, уточняя развивающий характер мотивационного дискурса. Целью воздействия в данном случае, как считает Ж.И. Подоляк, является изменение отношения реципиента к реальности и, соответственно, изменение его поведения [Подоляк, 2016, с. 126]; в результате создания специальной атмосферы у адресата появляется желание совершать действия [Гаевская, Мошняга, Чихачева, 2024, с. 83].

В основе мотивирующего воздействия, как отмечается в ряде современных статей, лежит стратегия убеждения [Букина, 2022, с. 49; Гаевская, Мошняга, Чихачева, 2024, с. 83]. Явное и неявное убеждение опи-

сано исследователями как персуазивность и суггестивность соответственно [Гаевская, Мошняга, Чихачева, 2024, с. 83]. Под персуазивностью понимается «воздействие автора сообщения на реципиента с целью убеждения, призыва к совершению какого-либо действия» [Чернявская, 2006, с. 25]; суггестивность описывается как «скрытое воздействие, в первую очередь словесное, воспринимаемое без критической оценки, принимаемое на веру, — внушение, наведение на мысли» [Чубарова, Ютина, 2008. с. 169]. Как пишет Ю.В. Гилясов, персуазивность опирается на рациональное мышление; а суггестия — на эмоционально-чувственное восприятие реципиента [Гилясов, 2017, с. 74]. Следует отметить, что в практике коучинга используются оба вида убеждения: в речи адресанта, как правило, присутствуют и логические пояснения и аргументы, и апеллирование к воображению и образному восприятию действительности; логическое обоснование позволяет регулировать и структурировать иррациональные образы, связи и ассоциации [Гилясов, 2017, с. 74].

Мотивационные тексты изобилуют метафорами, сравнениями, аналогиями, олицетворениями и эпитетами, которые, с одной стороны, позволяют адресату осознать поступающую информацию, а с другой стороны, обеспечивают необходимую наглядность и доступность в передаче этой информации; кроме того, отмеченные фигуры создают необходимый в мотивационном дискурсе эмоциональный фон, позволяющий осуществлять эффективное воздействие. Речи коуча характеризуются наличием в них повторяющихся и легко воспроизводимых метафорических моделей — «существующих и/или складывающихся в сознании носителей языка схем связи между понятийными сферами, которые можно представить определенной формулой: „Х — это Y“» [Чудинов, 2003, с. 70]. Как отмечают авторы теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон, используя простые и наглядные образы, человек познает недоступные непосредственному наблюдению сущности и описывает комплексные объекты и идеи [Лакофф, Джонсон, 2004]. Одним из распространенных типов метафор, изученных в рамках цитируемой работы, являются структурные метафоры. Процесс метафоризации, объясняемый как перенос знаний из области «источник» в область «цель», позволяет описать сложные понятия, в том числе необходимые для мотивирования адресата в сфере практического коучинга.

Структурные метафоры выступают в качестве значимого инструмента для создания мотивационных текстов в сфере личностного развития. В настоящее время проблема личностного роста набрала попу-

лярность, в особенности среди молодежи. Нынешнее поколение в высокой степени ориентировано на потребность в самосовершенствовании, которое помогает достигать хороших результатов как в профессии, так и в отношениях. Это связано, как отмечается в одной из работ, с пропагандируемой в современном обществе идеей улучшения качества жизни и наличием у людей временных и внутренних ресурсов, появившихся в связи с закрытием ими базовых потребностей [Гармонова, 2020, с. 221]. В статье А.Ю. Кругликовой личностный рост понимается как «объективный факт прогрессивного личностного развития человека», «акт саморазвития, способ существования личностно-субъектной ипостаси человека» [Кругликова, 2005, с. 104]. Существует много специальной литературы, посвященной личностному росту, кроме того, развитие технологий массовой коммуникации обусловило появление новых форм общения, среди которых вебинары, личные блоги и т.д.; каждый человек может выступить в роли коуча, передавая свой опыт и знания заинтересованным лицам.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили статьи коучей Хендрика Вальера и Себастьяна Алефса о развитии личности и стрессоустойчивости, размещенные на платформе <https://www.mindyourlife.de> [mindyourlife]. Общее количество отобранных для анализа языковых фрагментов составило 150 контекстов.

В качестве основного метода исследования выступает метафорическое моделирование, направленное на установление регулярных отношений между сферами «источник» и «цель». Изучение модели «личностное развитие — путь» опирается на предложенную А.П. Чудиновым схему [Чудинов, 2003, с. 71-72] и включает в себя четыре исследовательских этапа. На первом этапе характеризуется «источник» метафорической экспансии: в процессе дефиниционного анализа выявляются основные признаки ключевого понятия, с помощью фреймового анализа структурируется исходная область: в динамическом аспекте описывается типичный сценарий ее развертывания; в статическом аспекте признаки понятия упорядочиваются по принципу «слот — значение». На втором этапе выявляются смысловые особенности результирующей области метафорической экспансии: в результате анализа словарных дефиниций формируется набор признаков. Третий этап предполагает анализ текстов, основанный на интроспекции, и заключается в выявлении общих признаков исходного и результирующего пространств, а также в объяснении причин метафорической экспансии

с помощью метода когнитивной интерпретации. Четвертый этап посвящен дискурсивной характеристике модели с точки зрения ее когнитивного и дидактического потенциала; также анализируется продуктивность модели в связи с типовыми направлениями ее развертывания.

Результаты дискуссии и их обсуждение

Наиболее популярным приемом языкового структурирования мотивационных высказываний среди коучей является метафора пути. Данный образ используется авторами текстов неслучайно, поскольку именно он благодаря своей устремленности вперед создает своего рода гарантию достижения реципиентом цели.

В соответствии с описанной в методологическом разделе последовательностью действий **первым этапом** изучения метафорической модели «личностное развитие — путь» является выявление смысловых признаков сферы «источник», обозначенной в немецком языке существительным *der Weg*. Дефиниционный анализ, осуществленный посредством толкового словаря [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache], позволил выделить следующие понятийные признаки рассматриваемого ключевого понятия: «тропа для пешеходов», «естественный», «искусственно созданный», «определенное расстояние»; кроме того, в рамках совокупности переносных значений следует отметить признаки «направление к цели», «в действиях и в мыслях», «движение к цели», «жизнь». Смысловое наполнение немецкого слова *der Weg* включает в себя как прямые, так и переносные значения, в то время как в русском языке наблюдается функционирование двух разных слов: «дорога» для обозначения места для автомобилей и пешеходов и «путь» для описания последовательности действий, ведущих к цели. Главным понятийным признаком для переосмыслиния результирующей области является признак «определенное расстояние», регулярно проявляющийся при типичном сценарии развертывания исходной сферы метафорической экспансии в виде следующих компонентов: начало пути, путь, конец пути, приобретающих метафорическое прочтение при вербализации результирующей понятийной сферы. Показанная динамическая схема в полной мере отражает представления носителей языка о рассматриваемом понятии, что обеспечивает наглядность и простоту осознания сложных понятий посредством рассматриваемой модели.

Представления немцев о пути могут быть упорядочены в виде фреймово-слотовой структуры, отражающей родовое понятие, — признак пути, представленный в виде имени слота, и возможные переменные значения, связанные с его разновидностями, — значениями слота. Пер-

вый слот «происхождение» реализуется в значениях «естественный», «вытоптанный», «искусственно созданный»; второй слот «тип покрытия» может быть заполнен признаками «не имеющий покрытия», «вымощенный», «асфальтированный»; третий слот «предназначение» вариативно заполняется значениями «для пешеходов», «для автомобилей»; четвертый слот «внешний вид» конкретизируется признаками «широкий», «узкий»; пятый слот «последовательность действий» реализуется значениями «реальный» и «виртуальный»; шестой слот «финальная точка» объединяет видовые характеристики «наличие финальной точки», «отсутствие финальной точки». Отдельные слоты представленной фреймовой структуры исходной области соотносятся со смыслами, реализуемыми при концептуализации целевой области.

На **втором этапе** описания метафорической модели посредством логической процедуры анализа были выявлены основные признаки результирующей сферы метафорической экспансии. На основе приведенного ранее в обзоре определения основными признаками личностного роста / развития являются «прогрессивность», «изменение потенциала человека», «способствование решению задач», «появление перспектив». Отмеченные признаки определяют специфику процесса личностного роста и проявляются в метафорических выражениях посредством метафоризации исходной понятийной области.

На **третьем этапе** изучения модели «личностное развитие — путь» осуществляется интерпретация текста, направленная на выявление смыслов, сближающих понятийные сферы «путь» и «личностное развитие». Среди них отмечены слоты «последовательность действий» и «финальная точка».

Первый слот «последовательность действий» реализуется в виде двух значений: «реальный» и «виртуальный». При осмыслиении пути как реалии слот «последовательность действий» вербализуется посредством указания на постепенное передвижение человека по пути, дороге, тропинке и т.д. Значение слота «виртуальный» объективируется при описании последовательности действий, не связанных с перемещением в пространстве. Так, например, коучи советуют своим клиентам последовательно двигаться по пути, совершая необходимые действия: *Etabliere essentielle Gewohnheiten, eine nach der anderen, arbeite beständig, aber überfordere dich nicht. Hab Geduld und Disziplin. Es ist ein langer Weg / Вырабатывай важные привычки по одной, работай последовательно, но не перегружай себя. Имей терпение и дисциплину. Это долгий путь.*

Также зачастую, используя метафору пути, коуч дифференцирует различные варианты развития событий как последовательности раз-

личных действий, описывая их как разные пути, из которых реципиент может выбрать свой: *Wenn Sie sich von vornherein auf ein Mittel zur Zielerreichen festlegen, dann versperrt das den Blick für andere, effektivere oder effizientere Wege*: Wer sagt eigentlich, dass der einzige, beste und leichteste Weg zum Fitwerden darin liegt, 100-mal ins Fitness-Studio zu gehen? / Если Вы с самого начала придерживаетесь одного средства достижения своей цели, то это блокирует Ваш взгляд на другие, более эффективные и действенные способы: кто на самом деле говорит, что единственный, лучший и самый простой способ достичь цели — привести себя в форму — это 100 раз сходить в спортзал?

Движение в определенном направлении, как правило, объективируется с помощью пространственных глаголов перемещения (kommen, gehen, vorübergehen): *Dies kann sogar so weit gehen, dass wir vorübergehend in einen Zustand der Selbstauflösung kommen*, beispielsweise wenn wir eine enge Verbindung zu einem anderen Menschen bzw. Lebewesen spüren, Teil von etwas Größerem sind, in der Meditation oder wenn wir eine spirituelle Erfahrung machen / Это может даже зайти так далеко, что мы временно входим в состояние саморастворения, например, когда мы чувствуем тесную связь с другим человеком или живым существом, являемся частью чего-то большего, в медитации или когда мы переживаем духовный опыт.

Вторым слотом, обеспечивающим сближение рассматриваемых концептуальных областей, является смысл «**финальная точка**», вербализуемый с помощью противопоставления значений «наличие» или «отсутствие» финальной точки. Представляется, что самым значимым для результирующей сферы признаком является наличие финальной точки пути, понимаемой в практическом коучинге по личностному развитию как цель, которой клиенту необходимо в конечном итоге достичь. Коуч использует образ пути для суггестивного воздействия, благодаря которому путь осознается реципиентом как обладающий финальной точкой — поставленной в процессе коучинга целью. Именно наличие финальной точки выступает в качестве сильнейшего мотивирующего факто-ра, программирующего деятельность коуча на положительный исход: *Ich wünsche Ihnen auf dem Weg zu Ihrem Ziel ebenso viel Erfolg und Freude am Tag seiner Realisierung! Denken Sie immer daran, auch den Weg zum Ziel so zu gestalten, dass es Ihnen gut geht ... / Желаю Вам дальнейших успехов на пути к цели и радости в день ее достижения! Всегда помните, что нужно прокладывать путь к своей цели таким образом, чтобы вы чувствовали себя хорошо...* Наличие промежуточных целей является необходимым условием создания у реципиента ситуации успеха, предлагающей поступательное движение в финальной цели: *Vielleicht besteht*

ja auch Ihr großes Ziel aus mehreren Zielen, zu denen jeweils ganz andere Wege führen / Возможно, Ваша большая цель состоит из нескольких целей, к каждой из которых ведут совершенно разные пути.

Следует отметить, что в качестве финальной точки личностного развития в практическом коучинге может выступать не только обобщенное наименование цели, но и более конкретные ее проявления (счастье, будущее и т.д.):

Schließen Sie dazu Ihre Augen und gehen Sie vor Ihrem inneren Auge langsam in Richtung Zukunft / Для этого закройте глаза и медленно мысленно идите навстречу будущему.

Denn auf dem Weg zum Glück lauern viele Feinde, z. B. der Kompensationseffekt / Потому что на пути к счастью скрывается множество врагов, например, компенсаторный эффект.

В рамках изучения развертывания модели следует отметить также дополнительные признаки пути, которые не были представлены в словарном определении, но представляются релевантными в рамках мотивационного дискурса при реализации рассматриваемой метафорической модели.

Первым признаком пути, значимым для описания процесса личностного развития, является направление, выражаемое в немецком языке существительным *die Richtung* и понимаемое как вектор, избранный коучем и реципиентом для достижения цели: *Die Methoden der Persönlichkeitsentwicklung sind sehr vielfältig und hängen stark davon ab, in welche Richtung wir uns jeweils entwickeln wollen / Методы развития личности очень разнообразны и сильно зависят от того, в каком направлении мы хотим развиваться.* Этот вектор, как правило, расположен в горизонтальной плоскости, а движение по нему выражается противопоставляемыми друг другу пространственными метафорами «вперед» и «назад»: *Termingeschworene Etappenziele sorgen also dafür, dass Sie zu jeder Zeit wissen, ob Sie auf dem richtigen Weg sind — ob Sie Vorsprung haben oder im Verzug sind / Контрольные временные точки гарантируют, что Вы всегда будете знать, находитесь ли Вы на правильном пути — опережаете ли Вы график или отстаете от него.* Кроме того, в мотивационных текстах встречаются метафоры, описывающие процесс зрительного восприятия пути. Взгляд назад символизирует попытку осознать свои ранние достижения, мысленно вернуться к истокам; взгляд вперед, напротив, связан с пониманием значимости дальнейшего личностного продвижения и появляющихся перспектив:

Es würde uns aber wortwörtlich keinen Schritt voranbringen, wenn wir im Rahmen der Persönlichkeitsentwicklung nur zurückschauen und uns fragen,

wer wir sind. Wir wollen mental wachsen und uns weiterentwickeln. Dafür müssen wir aber den Blick nach vorn richten und Selbstverwirklichung betreiben / Однако в процессе нашего личного развития мы буквально не сделали бы никакого шага вперед, если бы мы постоянно оглядывались назад и спрашивали себя, кто мы такие. Мы хотим расти и развиваться умственно. Но для этого нам нужно смотреть вперед и стремиться к самореализации.

Die Selbsterkenntnis ist der Blick nach hinten, der Blick zurück in die eigene Vergangenheit. Wie kam es dazu, dass ich wurde, wer ich heute bin? / Самопознание — это взгляд назад, в свое прошлое. Как я стал тем, кем являюсь сегодня?

Вторым важным для практического коучинга признаком является наличие на пути промежуточных точек и отрезков.

Образ точки позволяет автору мотивационного текста описывать значимые для психологической практики моменты: *Ab einem gewissen Punkt besteht Persönlichkeitsentwicklung darin, dass du dein Ego hinter dir lässt, dass du weniger Ego hast und dich weniger wichtig nimmst /* В определенный момент личное развитие включает в себя отказ от своего Эго, уменьшение Эго и менее серьезное отношение к себе.

Образ отрезка проявляется при использовании коучем принципа разложения главной цели на более мелкие, легко обозримые и достижимые в будущем рубежи, позволяющие оценить эффективность используемых в практике коучинга методик. В качестве таких пространственных ориентиров выступают фазы и этапы:

Gehen Sie durch alle Phasen der Zielverwirklichung hindurch, bis Sie an dem Zeitpunkt angekommen sind, an dem das Ziel realisiert worden ist: Für Sie ist dieses Ziel nun Wirklichkeit! / Пройдите все этапы реализации цели, пока не дойдете до точки, в которой цель была реализована: для вас эта цель теперь реальность.

Wenn Sie nun die essenziellen 20% für Ihre Zielerreichung aufgeschrieben haben, unterteilen Sie Ihr großes Ziel in Etappenziele, die allesamt Mittel zur Erreichung des großen Ziels sind / После того как вы записали необходимые 20% для достижения своей цели, разделите свою большую цель на этапы, каждый из которых является средством достижения большей цели.

Зачастую автор мотивационного текста прибегает к образу шага. Именно шаг как действие, неизбежно ведущее к концу пути, обладает мощным мотивирующим эффектом, способствуя своеобразному структурированию деятельности, ведущей реципиента к достижению цели:

Gute Fragen führen zu guten Antworten. Diese Übung fasst für die wichtigsten, guten Fragen zusammen, die dich deinem ganz individuellen Sinn

Schritt für Schritt näherbringen / Хорошие вопросы ведут к хорошим ответам. В этом упражнении обобщены самые важные и хорошие вопросы, которые шаг за шагом приблизят вас к вашему собственному индивидуальному смыслу.

Schon allein deshalb geht es bei der Persönlichkeitsentwicklung um viele kleine Schritte, nicht wenige große / Только по этой причине развитие личности включает в себя множество маленьких шагов, а не несколько больших.

Третьим признаком, значимым для мотивационного дискурса, является наличие преграды. Сложности, возникшие в процессе практического следования советам коуча, описываются в литературе по личностному росту как препятствия, которые человеку необходимо преодолевать; это значение вербализуется с помощью немецких глаголов *überwinden, überschreiten, konfrontieren* и их производных:

Dazu zählen nicht nur zwischenmenschliche Beziehungen, sondern auch die Selbstüberwindung mit Blick auf die eigenen Ängste. Wir brauchen Vertrauen, um offen zu sein für das Fremde und Neue, uns mit unseren Ängsten zu konfrontieren und unsere Komfortzone auszudehnen / Сюда входят не только межличностные отношения, но и преодоление собственных страхов. Нам нужно доверие, чтобы быть открытыми для странного и нового, противостоять своим страхам и расширять зону комфорта.

Wenn wir Gutes tun, zu einer großen Idee oder einem großen Projekt etwas beitragen oder uns um ein anderes Lebewesen kümmern, so überschreiten wir unser Ego, unser Selbst und treten ein in die Selbstlosigkeit / Когда мы делаем добро, вносим вклад в реализацию большой идеи или проекта или заботимся о другом живом существе, мы превосходим свое Эго, свое «Я» и становимся бескорыстными.

Таким образом, сближение исходной области «путь» и результирующей области «личностное развитие» основывается на признаках пути, среди которых постепенное продвижение вперед, наличие финальной и промежуточных точек, возможные преграды. Причина метафорической экспансии заключается в схожести развития сценариев процессов передвижения и личностного развития, связанных с поступательным изменением: в первом случае — пространственным, во втором — ментальным. Как и движение по пути, изменение личностного потенциала человека предполагает прогрессивность, способность к преодолению трудностей, умение мотивировать себя и оценивать достигнутые результаты.

На четвертом этапе в рамках интерпретации полученных данных следует отметить значимость рассматриваемой метафорической моде-

ли в когнитивном и дидактическом аспектах. Когнитивный потенциал модели заключается в наглядности образа пути для понимания процесса личностного развития: знания о пути, осознаваемом человеком как последовательность шагов, переносится на последовательность связанных между собой физических или ментальных действий реципиента; наличие финальной точки в конце пути позволяет осознать достижимость цели в процессе личностных тренингов; остановки в пути способствуют осмыслинию личностного роста как делимого виртуального пространства, в рамках которого могут быть своего рода «передышки», помогающие человеку осмыслить промежуточные результаты и качественные изменения; образ препятствия формирует понимание необходимости в приложении дополнительных усилий или в поиске альтернативных способов обойти сложности, используя другой «путь». Так, обладая высокой степенью наглядности, образ пути способствует концептуализации процесса личностного роста. Дидактический потенциал рассматриваемой метафорической модели заключается в неявной мотивации реципиента с помощью образа пути. Последовательность осуществляемых действий и наличие промежуточных точек, описываемых коучем, создает у реципиента впечатление доступности цели, достижение которой складывается из маленьких «шагов», каждый из которых не вызывает сложностей. Обозначенная коучем цель также выполняет роль мотивирующего фактора, способствуя созданию общей картины достижения желаемого эффекта и позволяя реципиенту периодически осознавать цель как уже свершившийся факт. Наличие и преодоление препятствий, о которых сообщает коуч, позволяет человеку поверить в свои силы и осознать достигнутые результаты как качественные скачки на выбранном пути.

Проведенный анализ примеров показал, что образ пути обладает мощным дидактическим эффектом, а использование в мотивационных текстах рассматриваемой метафоры благодаря ее наглядности и концептуальной доступности способствует эффективной реализации целей практического коучинга. Очевидность высказанных коучем мыслей имеет максимальный эффект, поскольку представляет собой косвенное, суггестивное воздействие, реализуемое в рамках стратегии убеждения: коучу достаточно использования в мотивационном тексте отсылок к образу пути для воспроизведения в сознании реципиента фрейма со всеми его признаками. Кроме того, образ действий, детерминированный образом пути, может быть воспроизведен в других обстоятельствах для достижения других целей. Будучи своеобразным шаблоном, он способствует выработке концептуальных алгоритмов

мов, предполагающих создание плана действий и осуществление контроля за их выполнением.

Заключение

Практический коучинг представляет собой особую форму коммуникативного взаимодействия между коучем и клиентом, направленного на положительные изменения личности клиента, способствующие укреплению его решительности, инициативности, дисциплинированности, целеустремленности и т.д. Достигаемые в результате тренингов результаты во многом определяются систематичностью занятий, а также в значительной степени ориентированностью на поставленные цели.

Практический коучинг способствует развитию внутренней мотивации человека и самоконтроля; посредством специальных действий коуч создает условия для изменения личностного потенциала клиента, расширения границ его деятельности и появления обозримых перспектив развития. Достижение целей практического коучинга во многом определяется лексической и стилистической спецификой текстов или речей, являющихся эффективным инструментом мотивации. Помимо прямого убеждения коучи зачастую используют приемы скрытого, суггестивного воздействия, отсылающие реципиента к знакомым образам и создающие необходимый для работы эмоциональный фон.

Одним из действенных средств суггестивной мотивации представляется метафорическая модель «личностное развитие — путь», стимулирующая качественное изменение внутренних резервов индивида. Такие характеристики пути, как «постепенное продвижение вперед», «наличие финальной и промежуточных точек» и «возможные преграды», способствуют сближению исходной и результирующих областей и обеспечивают когнитивную и дидактическую значимость рассматриваемой модели. В когнитивном плане образ пути позволяет осознать процесс личностного развития как последовательность действий, ведущих к результату, достижение которого представляется вероятным благодаря наличию возможности осмыслить и оценить промежуточные итоги и, приложив дополнительные усилия, преодолеть возникающие сложности или выбрать альтернативное решение. Рассмотренная модель благодаря своей наглядности также обладает значительным мотивирующим эффектом. Отсылка реципиента к образу пути способствует осознанию доступности цели и формированию веры в собственные силы.

В связи с типовыми направлениями развертывания рассматриваемая модель носит универсальный характер, обеспечивающий исполь-

зование описанного алгоритма в различных сферах жизнедеятельности человека.

Библиографический список

Букина Ю.В. Подходы к пониманию мотивационного дискурса в современной гуманитарной парадигме // Международный журнал экономики и образования. 2022. № 1. С. 42-58.

Гаевская М.А., Мошняга Е.В., Чихачева Д.В. Аксиологическая pragматика мотивационного дискурса на материале речей американских кочей // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 81-91. <https://www.doi.org/10.47475/1994-2796-2024-483-1-81-91>.

Гармонова А.Е. Саморазвитие и личностный рост: соотношение понятий // Столица науки. 2018. № 1 (18). С. 221-225.

Гилясов Ю.В. Прагматика англоязычного мотивационного дискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 70-76.

Кларин М.В. Новая развивающая практика — коучинг. Новая профессия — коуч // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 71-80.

Ковалев Г.А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика : дис. ... докт. психол. наук. М., 1991. 477 с.

Кругликова А.Ю. Личностный рост как психологический феномен // Известия ТРТУ. 2005. № 7 (51). С. 104-105.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Еди-ториал УРСС, 2004. 256 с.

Панченко Н.Н. Мотивационный дискурс: проблемы и перспективы исследования // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2 (2). С. 4-8.

Подоляк Ж.И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. С. 63-64.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта. Наука, 2006. 185 с.

Чубарова Ю.Е., Юткина С.В. Персуазивность и суггестивность как различные способы языкового воздействия // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С. 169-170.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. 248 с.

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Электронный ресурс: <https://www.dwds.de/>

Источник

mindyourlife. Электронный ресурс: <https://www.mindyourlife.de/>

References

Bukina Yu.V. Understanding motivational discourse: approaches in the modern humanitarian paradigm. *Mezhdunarodnyy zhurnal ekonomiki i obrazovaniya* = International journal of economics and education, 2022, no. 1, pp. 42-58. (In Russian)

Gaevskaya M.A., Moshnyaga E.V., Chikhacheva D.V. Motivation discourse axiological pragmatics in american coaches' speeches. *Aksiologicheskaya pragmatika motivatsionnogo diskursa na materiale rechey amerikanskikh kouchev* = Bulletin of Chelyabinsk state university, 2024, no. 1 (483), pp. 81-91. <https://www.doi.org/10.47475/1994-2796-2024-483-1-81-91> (In Russian)

Garmonova A.E. Self-development and personal growth: correlation of concepts. *Stolitsa nauki* = Capital of science, 2018, no. 1 (18), pp. 221-225. (In Russian).

Gilyasev Yu.V. Pragmatism of the English motivational discourse. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk state university, 2017, no. 5 (166), pp. 70-76. (In Russian)

Klarin M.V. Coaching as a new developmental practices. New profession — coach. *Obrazovatel'nye tekhnologii* = Educational technologies, 2014, no. 1, pp. 71-80. (In Russian)

Kovalev G.A. Psychological impact: theory, methodology, practice. Doct. of Psychology, Moscow, 1991. 477 p. (In Russian)

Kruglikova A.Yu. Personal growth as a psychological phenomenon. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta* = News of TRTU, 2005, no.7(51), pp. 104-105. (In Russian).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Moscow, 2004, 256 p. (In Russian)

Panchenko N.N. Motivational discourse: issues and prospects of study. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* = News of Volgograd state social pedagogical university. Philological sciences, 2023, no. 2 (2), pp. 4-8. (In Russian)

Podolyak Zh.I. On the identification of motivational discourse. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* = Humanities research, 2016, no. 5, pp. 63-64. (In Russian)

Chernyavskaya V.E. Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence. Moscow, 2006. 185 p. (In Russian)

Chubarova Yu.E., Yutkina S.V. Persuasiveness and suggestion as different ways of language influence. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia university bulletin, 2008, no. 3, pp. 169–170. (In Russian)

Chudinov A.P. Metaphorical mosaic in modern political communication. Ekaterinburg, 2003. 248 p. (In Russian)

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from: <https://www.dwds.de/>

Source

mindyourlife. Retrieved from: <https://www.mindyourlife.de/>

РОЛЬ МЕДИАИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Е.В. Валюлина

Ключевые слова: медиаинтеграция, цифровая трансформация, аксиологический подход, медиакоммуникации, образовательные практики, модель

Keywords: media integration, digital transformation, axiological approach, media communications, educational practices, model

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-10)

Введение

Развитие высшего образования напрямую связано с экономическими реалиями, потребностями рынка и наличием ресурсов, что диктует новые подходы к образовательной и профессиональной подготовке. В условиях стремительного развития медиаиндустрии эпохи медийной конвергенции ключевым фактором успешной деятельности становится конкуренция талантов. В этой связи важнейшую роль играют специалисты, обладающие высоким уровнем профессиональных компетенций. Изменения в медиаиндустрии непосредственно влияют на требования к медиаобразованию, что требует адаптации образовательных программ и тематик научных исследований в данной области.

Медиакоммуникативное пространство представляет собой сложную систему, включающую множество взаимодействующих подсистем, формирующих структурированную самовоспроизводящуюся среду. Эта система базируется на средствах коммуникации и интересах ее участников. Среди характерных черт медиакоммуникативного пространства можно выделить быструю смену актуальных тем, формирование трендов, перенимание ролевых моделей в онлайн-формате, дискретное восприятие информации, акцент на визуальном контенте вместо текстовых сообщений, виртуализацию информационного взаимодействия и смещение восприятия информации от индивидуального к коллективному [Вартанова, 2017].

В таких условиях одним из ключевых направлений повышения конкурентоспособности высших учебных заведений становится эффективное использование онлайн-медиа для взаимодействия с целевыми аудиториями. Это взаимодействие охватывает как внутренние аудитории, включающие студентов и сотрудников, так и внешние — абитуриентов, родителей и социальных партнеров [Федоров, 2012]. Важным инструментом в реализации этих задач выступают студенческие медиацентры, которые способствуют формированию позитивного имиджа университета и демонстрируют заботу об образовательных и профессиональных потребностях студентов. Участие студентов в деятельности медиацентров позволяет не только развивать их профессиональные навыки, но и активно вовлекать их в процесс продвижения и укрепления имиджа учебного заведения [Лунев, 2013].

Как отмечает М.М. Друкер, наиболее продуктивной формой для трансляции ценностных ориентиров молодежной аудитории являются креолизованные произведения — статичные изображения с лаконичным, преимущественно юмористическим текстом — медиамемы [Друкер, 2022]. Это создает дополнительные возможности для развития медиапрактик и формирования положительного образа как университета в целом, так и его отдельных структур. Таким образом, студенческие медиацентры оказывают значительное влияние на повышение конкурентоспособности вузов, способствуя расширению их присутствия в медиасреде и укреплению связей с целевыми аудиториями [Никонова, 2019].

Вопрос определения медиацентра в контексте медиаобразования остается актуальным, поскольку в научной литературе отсутствует единое его трактование. Согласно определению, предложенному И.В. Романовым и В.А. Матанисом, медиацентры могут включать в себя функции, связанные с электронным документооборотом, внутренней коммуникацией между подразделениями, управлением электронной образовательной средой, а также предоставлением мультимедийных средств для образовательных нужд [Романов, 2017].

В XXI веке, который по праву называют веком информации, цифровая трансформация затрагивает практически все аспекты человеческой деятельности. Особое внимание в этом процессе уделяется образовательным учреждениям, которые не только обеспечивают передачу знаний, но и становятся активными участниками формирования информационного пространства. Если ранее информационные потоки внутри университетов или школ концентрировались исключительно в пределах образовательных процессов, то сегодня внешнее информа-

ционное обеспечение их деятельности приобретает первостепенное значение. В этом контексте важной задачей становится создание единой медииной инфраструктуры, которая способна поддерживать как внутренние, так и внешние коммуникации. Одним из ключевых элементов этой инфраструктуры является медиацентр, функционирующий как интеграционная модель взаимодействия различных информационных потоков. На примере Алтайского государственного университета можно проследить, как подобная медиаинтеграционная модель способствует цифровой трансформации информационного пространства.

Современные вызовы, с которыми сталкиваются университеты, связаны с необходимостью не только предоставления образовательных услуг, но и продвижения собственного имиджа на региональном, национальном и международном уровнях. Алтайский государственный университет активно интегрирует в свою деятельность цифровые технологии, что позволяет ему занять устойчивую позицию в медиапространстве. Учитывая возросшую роль медииной составляющей в образовательной и научной деятельности, университет создал современный медиацентр, который функционирует как ключевая платформа для реализации медиаинтеграционной модели. Деятельность этого подразделения охватывает широкий спектр направлений: от внутренней коммуникации структурных подразделений до создания профессионального медиаконтента для внешних аудиторий.

Медиаинтеграционная модель, реализуемая в Алтайском государственном университете, базируется на двух ключевых аспектах. Первый аспект связан с организацией медиаконтента, который включает текстовые, аудио- и визуальные данные. Второй аспект охватывает использование каналов информации, обеспечивающих трансляцию контента целевым аудиториям. Таким образом, медиацентр выполняет функции интегратора, объединяя различные форматы данных и каналы их передачи. Это позволяет университету формировать устойчивое медиа-присутствие и эффективно взаимодействовать как с внутренними, так и с внешними аудиториями.

Примером успешного использования медиаинтеграционной модели в Алтайском государственном университете является создание медиакомьюнити «МедиаHub». Площадка данного медиакомьюнити обеспечивает реализацию нескольких важных функций. Прежде всего, она способствует популяризации научных и образовательных достижений университета, предоставляя аудитории доступ к актуальной информации о событиях, исследованиях и образовательных программах. Кроме того, она играет важную роль в формировании позитивного имид-

жа университета, что особенно важно в условиях высокой конкуренции за абитуриентов.

Важно отметить, что деятельность медиацентра Алтайского государственного университета направлена не только на информационное обеспечение, но и на развитие медиаграмотности участников образовательного процесса. Одним из ключевых направлений работы медиацентра является организация образовательных мероприятий, таких как тренинги, мастер-классы и семинары, направленные на повышение компетенций в области создания и распространения медиаконтента. Это особенно актуально для студентов, которые, осваивая основы медиакоммуникации, получают навыки, необходимые для успешной социализации и профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики.

Кроме того, медиаинтеграционная модель способствует реализации маркетинговой стратегии университета. В современном информационном обществе образовательные учреждения становятся участниками конкурентной среды, где важно не только предоставлять качественные образовательные услуги, но и эффективно продвигать их на рынке. Алтайский государственный университет активно использует различные медиаканалы для привлечения абитуриентов, демонстрации своих преимуществ и достижения более широкой узнаваемости. Это включает как традиционные формы рекламы, так и современные инструменты цифрового маркетинга, такие как таргетированная реклама в социальных сетях, видеоролики и контент для интернет-платформ.

Отдельного внимания заслуживает использование медиаинтеграционной модели для формирования профориентационного пространства. В Алтайском государственном университете действует система, которая позволяет выявлять талантливых студентов, заинтересованных в работе в медиасфере. Молодежный медиацентр предоставляет учащимся возможность участвовать в создании медиаконтента, знакомиться с профессиональной средой и приобретать практический опыт. В результате такая деятельность становится не только инструментом продвижения университета, но и важным этапом подготовки будущих специалистов в области медиа.

Алтайский государственный университет также активно сотрудничает с внешними медиа. Партнерство с региональными и национальными средствами массовой информации позволяет университету расширять аудиторию и доносить информацию о своих достижениях до широких масс. Например, регулярное освещение научных открытий, социальных проектов и культурных мероприятий университета в мест-

ной прессе и на телевидении способствует укреплению его репутации как одного из ведущих образовательных и научных центров региона.

Таким образом, медиаинтеграционная модель, реализуемая в Алтайском государственном университете, является эффективным инструментом цифровой трансформации информационного пространства. Она позволяет оптимизировать внутренние процессы, повысить уровень медиаграмотности участников образовательного процесса, сформировать положительный имидж университета и укрепить его позиции в конкурентной среде. Пример работы медиацентра университета демонстрирует, как грамотная организация медиапространства может стать важным фактором развития образовательного учреждения в условиях цифровой эпохи.

Студенческий медиацентр представляет собой медиаплощадку, направленную на поддержку образовательных и медийных проектов, связанных с распространением информации об университете. Сегодня в России насчитывается более тысячи университетов, однако только около ста из них имеют собственные медиацентры. Примерами таких университетов являются Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Тюменский индустриальный университет, Уральский федеральный университет и другие. В каждом из этих вузов медиацентры функционируют в различных форматах, от пресс-служб и студенческих редакций до журналистских клубов.

Медиацентр в образовательном учреждении можно рассматривать как многофункциональное пространство, способствующее интеграции образовательных, культурных и информационных процессов с использованием современных технологий. Создание медиацентров улучшает информационную среду университета, делает образовательные услуги более доступными и способствует внедрению инновационных технологий в учебный процесс [Тулупов, 2018]. Кроме того, такие центры выполняют функцию культурных хабов, привлекая не только студентов и преподавателей, но и более широкую аудиторию. Эта многофункциональность укрепляет репутацию университета как центра образования, науки и культуры, а также усиливает его социальное влияние.

Материал, методы

Медиаинтеграционная модель как инструмент цифровой трансформации информационного пространства активно исследуется специалистами в области медиакоммуникаций и цифровых технологий как в России, так и за рубежом. Согласно мнению А.Н. Бучатского, язык ме-

дия является одной из ключевых составляющих коммуникации, обеспечивающей взаимодействие различных элементов процесса: отправителя, получателя, канала, обратной связи и контекста [Бучатский, 2015, с. 44]. Этот подход применим и к изучению медиаинтеграции, где синергия различных медиаформатов и технологий играет решающую роль в эффективности передачи информации.

Концепция перехода от преимущественно вербального способа коммуникации к визуальным средствам передачи информации обусловила широкую визуализацию и медиатизацию практически всех аспектов социальной, культурной и образовательной деятельности. Этот процесс сопровождается активным развитием медиапространства, в рамках которого особое значение приобретают медиацентры как структурные элементы современных образовательных учреждений. Вузовские медиацентры, являясь важной составляющей университетской инфраструктуры, обеспечивают технологическую поддержку медиаобразовательной среды, создавая условия для эффективного взаимодействия участников образовательного процесса в цифровой среде.

Актуальность данной тематики обусловлена тем, что современные студенты принадлежат к так называемому «цифровому поколению», для которого цифровая среда стала неотъемлемой частью повседневной жизни. Молодежь активно использует технологии для получения информации, общения и самореализации, что формирует специфические особенности их взаимодействия с медиапространством. При этом двусторонний характер цифровой среды подразумевает не только потребление медиаконтента, но и его создание, что в значительной степени определяет роль и задачи вузовских медиацентров.

Цифровизация образовательной среды, тесно связанная с процессами медиатизации, создает необходимость переосмыслиния функций и целей вузовских медиацентров. Традиционно их деятельность сосредоточена на технологическом обеспечении образовательных процессов, однако современные вызовы требуют расширения функционала в направлении создания и распространения контента, отвечающего требованиям «новых медиа».

В условиях развития цифрового общества медиацентры в университетах должны выполнять не только технические, но и педагогические функции, способствуя формированию у студентов медиаграмотности, навыков критического анализа информации и способности к самостоятельному созданию медиапродуктов. В этой связи университетские медиацентры становятся центрами, интегрирующими образовательное, культурное и медиапространства. Их деятельность ориен-

тирована на реализацию образовательных и культурных проектов, направленных на развитие творческого потенциала молодежи, укрепление их эстетических ценностей и формирование ответственного отношения к медиапотреблению.

Следует подчеркнуть, что в условиях трансформации медиапространства, где визуальные и мультимедийные формы информации вытесняют текстовые, студенты не только осваивают новые технологии, но и развиваются способность к эстетическому восприятию, анализу и созданию контента. Это особенно важно в эпоху доминирования визуальной культуры, где качественный визуальный контент становится инструментом формирования общественного мнения и культурных ценностей [Бучатский, 2015, с. 44].

Важно отметить, что использование вузовских медиацентров в качестве площадок для реализации принципов «новых медиа» открывает широкие перспективы для развития медиакультуры как среди студентов, так и преподавателей. Современные технологии, включая социальные сети, видеохостинги и интерактивные веб-приложения, позволяют вузовским медиацентрам выходить за рамки локальных образовательных процессов, интегрируясь в глобальное медиапространство. Это способствует популяризации научных достижений, повышению имиджа университетов и укреплению их позиций на международной арене.

Таким образом, вузовские медиацентры являются не только технологической, но и образовательной площадкой, способствующей формированию медиаграмотности и критического мышления у студентов. Их деятельность охватывает широкий спектр задач: от обеспечения технической инфраструктуры до реализации образовательных и культурных проектов, направленных на развитие медиакультуры и творческих способностей молодежи. В условиях стремительного развития цифрового общества роль вузовских медиацентров как интегратора образовательного и медиапространств становится особенно важной, что требует пересмотра их функций и стратегий в контексте современных вызовов.

Итак, современные университетские медиаплощадки можно рассматривать как ключевой элемент цифровой образовательной среды, способный эффективно адаптироваться к требованиям времени и обеспечивать развитие у молодежи компетенций, необходимых для успешной интеграции в медиапространство. Их деятельность, ориентированная на взаимодействие с «новыми медиа», позволяет не только решать задачи образовательного характера, но и формировать устойчивые ценности и культурные установки, способствующие гармоничному развитию личности.

Исследование роли медиаинтеграционных моделей осуществляется через анализ базовых концептов медиакоммуникации, включая языковые, речевые и текстовые аспекты. При этом интеграция медиаканалов рассматривается как ключевой элемент, определяющий эффективность цифровой трансформации информационного пространства. Например, информационная среда Алтайского государственного университета (АлтГУ) предоставляет богатый материал для анализа применения медиаинтеграционных моделей на практике.

Для изучения данного феномена применяются разнообразные методы, включая когнитивный и дискурсивный анализ, функциональную стилистику, а также методологию цифровой аналитики, ориентированную на изучение интеграции различных каналов коммуникации. Системный подход к исследованию позволяет учитывать многогранность процессов, характерных для медиасреды, и эффективно адаптировать существующие методики к задачам анализа.

Цифровая трансформация информационного пространства АлтГУ иллюстрирует актуальные тенденции медиаинтеграции, включающие использование мультимедийных площадок, развитие образовательных онлайн-продуктов и реализацию проектов, направленных на популяризацию науки. В этом контексте медиадискурс университета выступает как интеграционный элемент, объединяющий информационные потоки, образовательные ресурсы и научные коммуникации. Такой дискурс можно определить, как совокупность медиатекстов, формирующих пространство взаимодействия, отражающее специфику эпохи и локального контекста [Прохоров, 2021, с. 110].

Эволюция медиаинтеграционной модели в АлтГУ демонстрирует зависимость информационных процессов от технологических изменений. Современные цифровые решения, включая облачные сервисы, платформы дистанционного обучения и инструменты анализа данных, позволяют создать единую коммуникационную среду, способную адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям аудитории.

Обзор литературы

Студенческие медиацентры занимают значимое место в жизни университетов, выполняя функции информационной поддержки, организации мероприятий, налаживания коммуникации, а также образовательной и социальной интеграции. Они способствуют развитию у студентов навыков работы с медиаконтентом, предоставляют возможности для участия в научных исследованиях и культурных проектах, формируют университетское сообщество и помогают в професси-

ональной ориентации. В России из более чем 1000 вузов только около 100 имеют собственные медиацентры, что подчеркивает необходимость их дальнейшего развития. Медиацентры могут стать ключевыми площадками, имеющими собственные медиаплатформы, для обмена знаниями и опытом, организации научных конференций и культурных мероприятий, что делает их важным элементом университетской инфраструктуры.

Современные средства массовой коммуникации, включая онлайн-платформы, социальные сети и аудиовизуальные форматы, играют центральную роль в обмене информацией и взаимодействии в глобальном масштабе. Эти инструменты охватывают все аспекты социальной и профессиональной жизни. Согласно исследованиям, число пользователей интернета в России продолжает расти: по данным фонда общественного мнения, ежедневно интернет используют 64% населения, еженедельно — 70%, а ежемесячно — 74% [Зубаркина, 2024].

Актуальность изучения медиаинтеграционных моделей подтверждается их значением для коммерческой, образовательной и государственной сфер. Они способствуют повышению эффективности коммуникаций, улучшению координации внутри организаций и расширению доступа к информации. Международный опыт показывает, что такие модели активно применяются в странах БРИКС, СНГ, США, ЕС и Австралии. Несмотря на культурные и политические различия, универсальные подходы к медиаинтеграции демонстрируют высокую адаптивность. В России также формируются успешные примеры интеграционных процессов, способствующих созданию эффективных коммуникаций в многоязычном и мультикультурном обществе.

В российской образовательной системе уже сформировались успешные практики медиаобразования. В университетах разрабатываются специализированные курсы, направленные на повышение медиаграмотности молодежи. Например, в Московском педагогическом государственном университете внедрены такие курсы, как «Информационная и медиаграмотность», «Информационная безопасность» и «Цифровая школа», которые способствуют формированию навыков безопасного и творческого использования информации. Эти программы помогают адаптироваться к требованиям цифровой эпохи и развивают критическое мышление, необходимое для работы в современных медиа.

Значительную роль в развитии медиаграмотности играет неформальное медиаобразование. Оно реализуется через инициативы образовательных организаций и деятельность некоммерческих структур, предлагающих разнообразные форматы обучения, включая мастерские,

клубы и студии. Такие программы охватывают внеклассные активности, направленные на развитие информационной культуры. МПГУ проводит специализированные мероприятия, среди которых «медиаканикулы», конкурсы для школьников и студентов, а также дополнительные образовательные программы, ориентированные на различные возрастные группы. В условиях насыщенности медиаландшафта умение работать с медиаресурсами становится ключевым навыком для молодежи, позволяющим эффективно взаимодействовать с цифровыми платформами, развивать личный бренд и продвигать свои проекты в сети.

Результаты и обсуждение

Медиацентры вузов играют важную роль в формировании молодежной медиакультуры. Структура таких центров часто включает подразделения по различным направлениям: фотография, видеопроизводство, репортажи и подкастинг, SMM, копирайтинг, графический и мосун-дизайн. Организация работы центра требует соблюдения законо-дательства о рекламе и СМИ, что включает обязательное согласование всех публикаций. Уникальность работы заключается в разнообразии создаваемого контента, направленного на освещение студенческой жизни, а также на популяризацию университета.

Деятельность медиацентров охватывает создание аудиовизуально-го контента, продвижение материалов в социальных сетях, изучение новых форматов, участие в имиджевых проектах и организацию ме-роприятий. Особое значение придается качеству визуального контен-та, поскольку около 70% успеха публикации определяется визуальной составляющей [Шестерина, 2020].

Современные технологии открывают новые горизонты для медиа-центров. Конвергентные форматы медиа, включающие подкасты, блоги и социальные сети, требуют высокой квалификации специалистов, способных работать с мультимедийными платформами. Это включает навыки мобильной журналистики, обработки данных, редактирования контента и создания интерактивных материалов.

Эффективность медиаплощадок зависит от их способности адапти-роваться к требованиям «цифрового поколения», которое предпочи-тает визуальный контент и активно использует социальные сети. Это накладывает определенные требования на форматы коммуникации, включая использование инфографики, анимации, фото-, аудио- и ви-деоматериалов. Изменения в культурных и социальных взаимодействии-ях, вызванные развитием информационных технологий, подчеркивают важность медиаобразования для подготовки будущих специалистов.

Развитие интернета и появление поколения «цифровых аборигенов», выросшего в условиях цифровизации, требуют переосмысления значимости традиционных способов коммуникации. Несмотря на обширные возможности интернета для поиска и получения информации, существует проблема информационной перегрузки, что подчеркивает необходимость периодических практик «диджитал-детокса». Для представителей «цифрового поколения» критически важным становится не столько накопление информации, сколько способность быстро находить нужные данные. Однако такая зависимость от виртуального пространства может приводить к искажению восприятия реальности, снижению значимости личных контактов и эмоциональной отчужденности.

И.В. Жилавская акцентирует внимание на медиаобразовании молодежи, разрабатывая подходы к повышению медийной грамотности и взаимодействию аудитории с медиаисточниками [Жилавская, 2009]. В работах А.А. Новиковой, И.В. Кирии подчеркивается расширение культурных индустрий, их слияние с медийной сферой и формирование индустрий контента, где медиатизированные каналы становятся определяющими [Новикова, Кирия, 2018]. В то же время А.В. Федоров анализирует показатели профессиональной подготовки педагогов в сфере медиаобразования и предлагает новые подходы к развитию медиапедагогики в России [Федоров, 2004]. Автор отмечает, что, несмотря на значительный объем накопленного опыта, медиаобразование остается на стадии экспериментальных практик, что связано с недостаточным количеством подготовленных медиапедагогов.

И.В. Чельшева исследует методические аспекты медиаобразования, выделяя эффективные способы обучения, включая использование произведений медиакультуры, эвристические задачи, дискуссии и ролевые игры [Чельшева, 2008]. М.В. Загидулина изучает влияние цифрового контента на формирование идентичности [Загидулина, 2024], включая культурные аспекты цифровой эпохи, а С.И. Симакова и И.В. Топчий подчеркивают роль медиа в развитии медиакомпетентности [Симакова, 2017]. Важный вклад в развитие теории медиаобразования делает А.В. Прохоров, разрабатывая уровневую модель медиауниверсума, которая связывает медиаинфраструктуру с образовательными процессами в вузах [Прохоров, 2021].

Исследования А.Н. Гуреевой фокусируются на медиатизации цифровой среды, подчеркивая ее влияние на культурные и социальные практики [Гуреева, 2016]. Важным направлением является изучение мемов, как это сделала К.В. Дементьевая, анализируя их роль в укреплении

полиэтнических связей [Дементьева, 2018]. С.С. Распопова акцентирует внимание на ценностных аспектах в подготовке журналистов [Распопова, 2012], а И.А. Фатеева изучает проблемы адаптации медиаобразования к современным вызовам [Фатеева, 2015].

А.М. Шестерина выделяет современные тенденции в исследованиях коммуникации, описывая роль социальных медиа как ресурсов, поддерживающих пользовательскую активность и новые коммуникативные практики [Шестерина, 2020]. Медиаобразование в России начало активно развиваться в 1990-е годы с акцентом на критическое мышление и анализ контента. Государственные инициативы и программы, ведущие университеты, включая МГУ, ВШЭ, МПГУ, играют ключевую роль в продвижении медийной грамотности, адаптируя образовательные программы под актуальные вызовы.

В эпоху цифровых технологий, когда интернет-пространство лидирует, нужно ли использовать корпоративные СМИ: студенческие газеты? Корпоративные газеты внутри университета никогда не теряли свою актуальность. В них также рассказывается об учебной жизни обучающихся. Каждого студента, который хочет развиваться в газете, обучают прежде всего верстке,циальному стилю написания, а также грамотному изложению информации.

На сегодняшний день почти в каждом образовательном учреждении есть лаборатории мультимедиа. Большинство учебных заведений расширяют свои грани. Руководство вузов старается открывать различные направления для студентов, чтобы расширить их творческие способности. Лаборатории мультимедиа представляют собой студии, оснащенные камерами, хромакеем, светом, микрофонами. Студенты становятся операторами, монтажерами, ведущими, интервьюерами.

Использование медиаресурсов в образовательном процессе вуза — один из самых перспективных и актуальных приемов в обучении. С помощью медиаресурсов преподаватель может создать неповторимое занятие с использованием видео, аудио, презентаций, интерактивных упражнений. Медиаресурсы могут облегчить восприятие информации, сделать занятие интереснее для студентов. Медиаинтеграционные модели становятся эффективным инструментом цифровой трансформации информационного пространства, формируя эстетические ценности и способствуя развитию медиакультуры.

Медиаинтеграционная модель представляет собой синтез образовательных, культурных и технологических процессов, направленных на создание эффективной информационной экосистемы, включающей разработку, распространение и анализ медиапродуктов. В обра-

зовательной среде медиаинтеграция играет особую роль, поскольку обеспечивает формирование медиаграмотности и критического мышления у молодежи. Важность этого подхода подтверждают многочисленные исследования, указывающие на необходимость внедрения инновационных стратегий, ориентированных на формирование медиакультуры личности.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы социальной коммуникации, актуализирует проблему медиапотребления среди молодежи. Согласно данным, значительная часть молодых людей ежедневно проводит в цифровой среде более трех часов, используя ресурсы интернет-пространства для обучения, досуга и социального взаимодействия. В этой связи возрастаает ответственность образовательных институтов за разработку медиаобразовательных стратегий, способных не только защитить молодежь от негативного влияния медиаполя, но и направить их взаимодействие с медиаконтентом в конструктивное русло.

В Алтайском государственном университете активно реализуются проекты, направленные на внедрение медиаинтеграционных подходов в образовательный процесс. Одной из ключевых задач таких проектов является создание условий для формирования у студентов способности осознанного анализа и создания медиапродуктов, что достигается через интеграцию медиатехнологий в образовательные программы. Например, студенты вовлекаются в процесс разработки мультимедийных проектов, таких как видеорепортажи, подкасты и аудиоспектакли, что способствует развитию их творческого потенциала и навыков работы с медиаконтентом.

Особое внимание в рамках медиаинтеграционных проектов уделяется эстетическому воспитанию студентов. Актуальность этой задачи определяется возрастающей ролью эстетических ценностей в процессе формирования личности. Научные исследования подчеркивают значимость эстетики как теории чувственного восприятия, оказывающей влияние на культурные установки индивида. Разработка медиапродуктов с учетом эстетических принципов способствует гармоничному развитию личности, формированию у молодежи навыков восприятия и оценки художественных форм.

Алтайский государственный университет активно использует медиаинтеграционные модели для создания образовательного контента, который сочетает в себе элементы традиционной культуры и инновационных подходов к подаче информации. Например, в рамках медиаобразовательных программ студенты осваивают навыки сценарного мастерства, дизайна и видеомонтажа, что позволяет им не только

создавать высококачественные медиапродукты, но и глубже осмысливать культурные ценности. Такой подход способствует формированию у молодежи ответственности за сохранение культурного наследия и его адаптацию к условиям современной цифровой среды.

Медиаинтеграционная модель, применяемая в Алтайском государственном университете, демонстрирует высокую эффективность в условиях цифровой трансформации информационного пространства. Она не только способствует формированию у молодежи медиакультуры и эстетических ценностей, но и позволяет развивать творческий потенциал студентов, вовлекая их в процесс создания медиапродуктов. Применение таких моделей в образовательной практике становится ключевым фактором успешной адаптации молодежи к условиям современной цифровой реальности.

Медиацентр Алтайского государственного университета, функционирующий под названием «МедиаНив», является ключевой структурой, направленной на развитие медийной среды университета, формирование его положительного имиджа, а также освещение значимых событий, связанных с молодежной политикой. Основными целями работы центра являются формирование молодежной команды университета, популяризация студенческих инициатив, привлечение студентов к деятельности в области медиакоммуникаций, а также освещение студенческой жизни и общественно значимых событий в АлтГУ.

Основной задачей «МедиаНив» является формирование образовательной и производственной медиасреды, которая способствует развитию компетенций обучающихся, созданию медиаконтента полного цикла и реализации образовательных инициатив.

«МедиаНив» — это не только инфраструктура, но и сообщество талантливых людей. В команду входят видеографы, фотографы, подкастеры, дизайнеры и специалисты по работе с социальными сетями. Этот коллектив уже создал более 5000 единиц разнообразного контента, включая видеоролики, подкасты, фотоотчеты и дизайнерские проекты.

В 2023 году медиаплатформа «МедиаНив» получила статус региональной площадки студенческого медиацентра Минобрнауки России, что, несомненно, говорит об актуальности, значимости и важности медиаобразования в регионе.

«МедиаНив» активно участвует в различных конкурсах, форумах и конференциях, укрепляя свои позиции как одного из лидеров в области студенческого медиапроизводства. Среди наиболее значимых достижений — лауреатство второй степени на Российско-Белорусском форуме «Индустрия медиа» и успешная организация Всероссийского

медиафорума «Медиа на 360», который собрал более 500 участников со всей России. Этот форум получил грантовую поддержку Росмолодежи, что подтверждает его значимость и вклад в развитие медиаобразования.

В 2025 году «МедиаHub» планирует реализовать масштабный проект под названием «Медиатрансформация». Этот проект объединит усилия медиацентров ведущих образовательных учреждений Алтайского края.

Ключевыми федеральными партнерами проекта стали компания VK и ее экосистема, включающая такие инициативы, как VK Education, программы «Амбассадорство», «Другое дело» и «Простор». Эти партнерства позволили расширить возможности для участников медиа-проекта, предоставив доступ к современным образовательным ресурсам. На региональном уровне «МедиаHub» активно сотрудничает со Студией креативных решений «Остро», Видео-продакшном «Маяк», ГТРК «Алтай» и СМГ, что помогает создавать высококачественный контент и реализовывать масштабные медиапроекты.

Проведение серии медиаквизов для школьников стало еще одним важным проектом «МедиаHub». Эти мероприятия не только развивают медиакультуру среди молодежи, но и способствуют сохранению и приумножению культурных и духовно-нравственных ценностей в современном информационном пространстве. В течение года планируется вовлечь более 300 человек в образовательные проекты и программы «МедиаHub», что обеспечит их дальнейшее развитие и популяризацию.

Особое внимание «МедиаHub» уделяет взаимодействию со студенческими СМИ. Для этого проводится широкий спектр мероприятий. «МедиаHub» активно работает над проектами по обмену опытом между студенческими медиа региона. Одной из таких инициатив является создание регионального проекта в 2025 году — премии «Медиадостижения». В рамках этого проекта каждый студенческий медиацентр Алтайского края сможет представить свои лучшие медиапрактики на оценку независимым экспертным жюри. Жюри, состоящее из ведущих специалистов медиаиндустрии региона, будет анализировать представленные работы, выделяя сильные стороны и предоставляя рекомендации для дальнейшего совершенствования. Проект направлен на выявление уникальности каждого медиацентра, повышение уровня профессионализма участников и развитие медиапродуктов. В перспективе премия может расшириться на территории всего Сибирского федерального округа.

«МедиаHub» продолжает развивать свою экосистему, объединяя образовательные, профессиональные и креативные сообщества. Благодаря реализации масштабных проектов, таких как программы ДПО, медиакви-

зы, форумы и конкурсы, «МедиаHub» создает уникальные возможности для обучения, сотрудничества и развития медианавыков среди молодежи.

Проект «МедиаHub» продолжает свое активное развитие, уделяя особое внимание международному сотрудничеству, взаимодействию с государственными структурами и перспективным направлениям работы. Одним из ключевых приоритетов «МедиаHub» является международное сотрудничество с университетами и образовательными организациями Центральной Азии. Такие инициативы открывают широкие возможности для программ международной академической мобильности, охватывающих направления интернет-журналистики, медиакоммуникаций и креативных индустрий.

Среди партнеров проекта на международной арене можно выделить ведущие университеты Центральной Азии. Это Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, а также Российско-Таджикский (Славянский) университет.

Современное информационное пространство переживает этап глубокой цифровой трансформации, в основе которой лежит медиаинтеграция как ключевой элемент адаптации традиционных подходов к новым условиям цифровой среды. В контексте высшего образования важным инструментом успешной трансформации выступает внедрение медиаинтеграционных моделей, объединяющих различные форматы подачи информации, с целью повышения уровня взаимодействия между участниками образовательного процесса и укрепления институционального имиджа. Алтайский государственный университет (АлтГУ) представляет собой яркий пример применения подобной модели.

Медиаинтеграционная модель предполагает синтез аудиовизуальных, текстовых и интерактивных элементов для достижения максимального эффекта в коммуникации. Данная модель базируется на принципах избирательного восприятия информации, где человек воспринимает преимущественно ту информацию, которая соответствует его личным предпочтениям и установкам. Это качество активно используется при создании медиаконтента, направленного на достижение образовательных, просветительских и рекламных целей.

В условиях цифровой среды АлтГУ внедряет медиаинтеграционные подходы через разнообразные коммуникационные каналы: социальные сети, онлайн-платформы, видеопрезентации, цифровые публикации и вебинары. Все это направлено на вовлечение целевой аудитории, включая абитуриентов, студентов, преподавателей и внешних партнеров.

Особое внимание в рамках медиаинтеграционной модели уделяется использованию аудиовизуальных приемов. АлтГУ активно применяет мультимедийные технологии, что позволяет усилить эмоциональное воздействие на аудиторию. Например, видеоролики университета часто включают мотивирующие слоганы, положительные образы успешных выпускников и зрелищные спецэффекты. Это не только способствует укреплению бренда университета, но и формирует у аудитории положительное эмоциональное восприятие образовательного процесса.

Музыкальное сопровождение, визуальные символы и яркие графические элементы играют важную роль в продвижении образовательных программ АлтГУ. Например, использование визуальных образов Алтая, одного из ключевых региональных символов, формирует ассоциации с природным богатством и устойчивостью, что привлекает аудиторию, ориентированную на экологические и гуманитарные ценности.

Одним из аспектов медиаинтеграционной модели является применение манипулятивных приемов, направленных на повышение вовлеченности аудитории. В условиях конкуренции за внимание пользователей данные приемы становятся важным инструментом формирования позитивного имиджа университета. АлтГУ использует следующие подходы: регулярное использование девизов, таких как «Университет возможностей», укрепляет ассоциации между университетом и качественным образованием; через видеоконтент, включающий истории успеха студентов и выпускников, АлтГУ пробуждает у зрителей чувство причастности к образовательной миссии; красочные материалы, демонстрирующие кампусы, учебные аудитории и научные лаборатории, подаются в выгодном ракурсе, что усиливает привлекательность образовательной среды; упор на социальные гарантии, такие как возможность трудоустройства и участие в исследовательских проектах, помогает сформировать у аудитории чувство уверенности в будущем.

Цифровая трансформация информационного пространства требует от участников образовательного процесса развития медиакомпетенций. АлтГУ, используя медиаинтеграционную модель, не только обеспечивает трансляцию информации, но и способствует формированию критического мышления у студентов. Например, через интерактивные вебинары и проектную деятельность университет учит анализировать медиаконтент, выявлять манипулятивные приемы и самостоятельно создавать качественные медиатексты.

С помощью медийных технологий АлтГУ стремится формировать у студентов осознание ценности знаний и социальных связей. Одновременно с этим создаются условия для активного творческого само-

выражения, что способствует интеллектуальному и профессиональному росту. Внедрение элементов геймификации, креативных конкурсов и интерактивных мероприятий усиливает вовлеченность аудитории и позволяет студентам осваивать новые цифровые инструменты.

Медиаинтеграционная модель в условиях цифровой трансформации становится неотъемлемым элементом стратегического развития высших учебных заведений. Опыт Алтайского государственного университета демонстрирует, что грамотное использование медийных ресурсов, усиленное интеграцией аудиовизуальных приемов, позволяет не только эффективно продвигать образовательные услуги, но и развивать цифровую культуру среди студентов и преподавателей. Таким образом, медиаинтеграция выступает важным инструментом формирования современного информационного пространства, ориентированного на устойчивое развитие.

Заключение

Медиацентр Алтайского государственного университета, функционирующий под названием «МедиаНив», является ключевой структурой, направленной на развитие медийной среды университета, формирование его положительного имиджа, а также освещение значимых событий, связанных с молодежной политикой. Основными целями работы центра являются формирование молодежной команды университета, популяризация студенческих инициатив, привлечение студентов к деятельности в области медиакоммуникаций, а также освещение студенческой жизни и общественно значимых событий в АлтГУ.

Медиакомьюнити «МедиаНив» представляет собой структурное подразделение Института гуманитарных наук (ИГН) Алтайского государственного университета, созданное для разработки и реализации инновационной медиапродукции. Деятельность медиасообщества основывается на актуальных образовательных и производственных подходах, позволяя участникам развивать профессиональные навыки в сфере коммуникаций, дизайна и медиатехнологий.

Основной задачей «МедиаНив» является формирование образовательной и производственной медиасреды, которая способствует развитию компетенций обучающихся, созданию медиаконтента полного цикла и реализации коммерческих и образовательных инициатив.

Основные цели «МедиаНив» включают развитие профессиональных навыков у студентов гуманитарных специальностей, поддержку их учебной и производственной практики, разработку инновационных проектов в сфере медиакоммуникаций и дизайна, а также проведение

ние полного цикла производства медиапродукции. Сообщество также сотрудничает с организациями-партнерами для создания рекламных и образовательных продуктов, таких как онлайн-курсы и медиаконтент.

«МедиаHub» активно способствует повышению уровня медиаграмотности и развитию инновационных подходов в образовательной и профессиональной среде, служа моделью эффективного взаимодействия между образовательными учреждениями, студентами и индустрией.

«МедиаHub» — уникальный медиапродакшн Алтайского государственного университета, который объединяет творческих школьников, студентов и преподавателей разных направлений для профессионального развития в медиасфере. С момента своего основания «МедиаHub» стал важной частью образовательной и культурной среды региона. С октября 2023 года он получил статус региональной площадки студенческого медиацентра Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, что подчеркивает высокий уровень и значимость этой инициативы.

Библиографический список

Бучатский А.Н. и др. Медиацентр вуза и пространство «новых медиа» // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2015. С. 44–61.

Вартанова Е.Л. и др. Индустрия российских медиа: цифровое будущее // Академические монографии. М.: МедиаМир, 2017. 160 с.

Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.

Дементьева К.В. Медиамем и его роль в формировании полигэтнического общества // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 257–278. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/-53/17>

Друкер М.М. Контент социальных медиа как фактор формирования ценностных ориентиров подростков : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022.

Жилавская И.В. Медиаобразование молодежной аудитории // Томск: ТиiT, 2009. 322 с.

Загидулина М.В. Точка сборки: от цифрового контекста к концептуализации эпистемической идентичности // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности. Екатеринбург, 2024. С. 338–340.

Зубаркина Е.С., Мискевич Ю.А. Медиаобразовательные стратегии эстетического развития личности (на примере проектов Радио Пульс МПГУ) // Наука и школа. 2024. № 1. С. 48–58. <https://www.doi.org/10.31862/1819-463X-2024-1-48-58>

Лунев С.И. Развитие образования (базовое и высшее образование, аспирантура) и науки в Китае и Индии // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 70–81. [https://www.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-135-145](https://www.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-135-145)

Медиаграмотность будущих педагогов в свете модернизации образовательного процесса в России / А.В. Федоров, А.А. Новикова, И.В. Челышева, И.А. Каруна. Таганрог: Изд-во Кучмы, 2004. 188 с.

Никонова Е.Н. Университеты стран с развивающейся экономикой. Путь к признанию // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 1 (57). С. 102–126.

Новикова А.А., Кирия И.В. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 2. С. 276–288. <https://www.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-4-672-680>

Прохоров А.В. Уровневая модель медиауниверсума современного университета. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 244 с.

Распопова С.С. Ценностное самоопределение личности в системе журналистского образования // Журналист и социальные коммуникации. 2012. № 1. С. 144–154.

Романов И.В., Матанис В.А. Медиацентр в современной образовательной организации: цели и задачи деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-4. С. 36–39.

Симакова С.И., Топчий И.В. Роль средств массовой информации в воспитании медиакомпетентной аудитории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 226–233.

Тулупов В.В. Миссия и современная практика медиаобразования // Медиа. Информация. Коммуникация. 2018. № 26. С. 64–73.

Фатеева И.А. Актуальные проблемы медиаобразования. Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 2015. 129 с.

Федоров А.В. Новые стандарты — реальная возможность для медиапедагогики // Alma Mater — Вестник высшей школы. 2012. № 3. С. 55–58.

Челышева И.В. Развитие критического мышления и медиакомпетентности студентов в процессе анализа аудиовизуальных медиатекстов : учебное пособие для вузов. Таганрог: НП «Центр развития личности», 2008. 300 с.

Шестерина А.В. Принципы медиагигиены в системе медиаобразования // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций : материалы II Международной научной конференции. Таганрог, 15 октября 2020 г. Таганрог: ООО ДиректМедиа, 2020. 139 с.

References

Buchatskiy A.N. et al. Media center of the university and the space of "new media". *Informacionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego* = Information society: education, science, culture and technologies of the future, 2015, pp. 44–61. (In Russian)

Vartanova E.L. et al. Russian media industry: digital future. *Akademicheskie monografi* = Academic monographs, Moscow, 2017, 160 p. (In Russian)

Gureeva A.N. Theoretical understanding of mediatization in the digital environment. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, 2016, no. 6, pp. 192–208. (In Russian).

Dementieva K.V. Mediameeme and its role in the formation of a multi-ethnic society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University. Philology, 2018, no. 53, pp. 257–278. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/53/17>. (In Russian)

Drucker M.M. Content of social media as a factor in the formation of value orientations of adolescents. Thesis of Philol. Cand. Diss. Voronezh, 2022. (In Russian)

Zhilavskaya I.V. Media education for youth audience. Tomsk, 2009. 322 p. (In Russian)

Zagidulina M.V. Assembly point: from digital context to conceptualization of episystemic identity. *Cifrovaya zhurnalistaika: tekhnologii, smysly i osobennosti tvorcheskoj deyatel'nosti* = Digital journalism: technologies, meanings and features of creative activity, Yekaterinburg, 2024, pp. 338–340. (In Russian)

Zubarkina E.S., Miskevich Yu. A. Media education strategies for the aesthetic development of personality (based on the projects of Radio Pulse of Moscow State Pedagogical University). *Nauka i shkola* = Science and School, 2024, no. 1, pp. 48–58. (In Russian). <https://www.doi.org/10.31862/1819-463X-2024-1-48-58>.

Lunev S.I. Development of education (basic and higher education, postgraduate study) and science in China and India. *Sravnitel'naya politika* = Comparative politics, 2013, no. 2 (12), pp. 70–81. [https://www.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-135-145](https://www.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-135-145) (In Russian)

Media literacy of future teachers in light of the modernization of the educational process in Russia, Taganrog, 200, 188 p. (In Russian)

Nikonova E.N. Universities of countries with developing economies. The path to recognition. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* = Domestic and foreign pedagogy, 2019, no. 1 (57), pp. 102-126. (In Russian)

Novikova A.A., Kiriya I.V. Aesthetics of immersion: features of the creative activity of a journalist in multimedia and transmedia projects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* = Bulletin of St. Petersburg University, 2018, vol. 15, n. 2, pp. 276-288. Retrieved from: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-4-672-680> (In Russian)

Prokhorov A.V. Level model of the media universe of the modern university. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2021, 244 p. (In Russian)

Raspopova S. S. Value self-determination of the individual in the system of journalistic education. *Zhurnalist i sotsial'nyye kommunikatsii* = Journalist and social communications, 2012, no. 1, pp. 144-154. (In Russian).

Romanov I.V., Matanis V.A. Media center in a modern educational organization: goals and objectives of activities. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = Actual problems of humanitarian and natural sciences, 2017, no. 4-4, pp. 36-39. (In Russian)

Simakova SI, Topchiy I.V. The role of mass media in educating a media-competent audience. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* = Sign: problematic field of media education, 2017, no. 4 (26). pp. 226-233. (In Russian)

Tulupov V.V. Mission and modern practice of media education. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya* = Media. Information. Communication, 2018, no. 26, pp. 64-73. (In Russian)

Fateeva I.A. Actual problems of media education, 2015, 129 p. (In Russian)

Fedorov A.V. New standards — a real opportunity for media pedagogy. *Alma Mater - Vestnik vysshei shkoly* = Alma Mater — Bulletin of the Higher School, 2012, no. 3, pp. 55-58. (In Russian).

Chelysheva I.V. Development of critical thinking and media competence of students in the process of analyzing audiovisual media texts. Textbook for universities, Taganrog, 2008, 300 p. (In Russian)

Shesterina A.V. Principles of media hygiene in the system of media education. The current state of media education in Russia in the context of global trends. Current state of media education in Russia in the context of global trends: materials of the II international scientific conference. Taganrog, October 15, 2020. Taganrog: OOO DirectMedia, 2020, pp. 139. (In Russian)

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК КОМПОНЕНТ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАТУСЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЯВЛЕНИЯ

С.В. Доронина, И.Ю. Качесова

Ключевые слова: речевая манипуляция, речевое воздействие, националистический дискурс, демотиватор, речевая стратегия, скрытое убеждение

Keywords: speech manipulation, speech influence, nationalistic discourse, demotivator, speech strategy, hidden persuasion

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-11)

Введение
Начиная с конца XX века и по настоящее время в современной лингвистике произошло окончательное объединение антропоцентрической и функциональных парадигм как методологической базы изучения феномена речевой коммуникации. Такого рода совмещение нашло свое отражение в филологической теории коммуникации, которая постулирует тенденцию взаимного проникновения филологии и коммуникативных наук: «в недрах новой филологии вызревают идеи, которым будет суждено положить начало современной („новейшей“) филологии, а из разрозненного гуманитарного и отчасти технического знания постепенно складывается наука о коммуникации» [Чувакин, 2014, с. 15]. Отход от системоцентрического описания позволил включить в методологическую базу инструментарий множества наук: как собственно филологических, так и находящихся вне филологической парадигмы. Филология свободно сопрягается с формальной логикой, социологией, психологией, когнитивистикой, коммуникативистикой, риторикой и так далее. «Нет стыков границ наук, ибо нет границ наук. Творческая деятельность ученого протекает не в рамках той или иной дисциплины или науки, а в иной системе членения знания — в рамках „проблемной ситуации“. Проблемная ситуация — вот классификационная единица современного научного знания» [Степанов, 1995, с. 31].

В этом же ряду находится изучение дискурса как сложного коммуникативного феномена и дискурсивных свойств текста. В.С. Григорьев-

ва в качестве конституирующего свойства дискурса называет триединство социально-поведенческой модели, выбора коммуникативной стратегии и воплощения модели в речевой жанр [Григорьева, 2007, с. 21]. Данное единство с точки зрения фокуса коммуникативно-филологического исследования трансформируется в изучении взаимосвязи и взаимного проникновения Человека, Текста и Дискурса. При этом устанавливаются динамический характер данных отношений и принципиальная невозможность выстроить иерархию понятий. Выяснение того, что должно являться первичным в исследовании — текст или дискурс, — имеет схоластический характер. Дискурс, вне всякого сомнения, порождает речевые жанры (воплощающиеся в текстах). Этого требует его коммуникативная природа. Но, с другой стороны, текст, попадая в сферу действия картины мира другого сознания, необратимо включается в процессы понимания и интерпретации: возникают новые смыслы, которых не было в начальной форме текстового существования. Текст, по мысли Ю.М. Лотмана, начинает жить «внутри мыслящих миров» [Лотман, 1996, с. 13] и сам становится базой порождения «нового мыслящего мира». Текст порождает новый дискурс. В этой бесконечной цепочке преобразований «дискурс — текст — дискурс» единственным конституирующем началом является категория Человека. Человек осуществляет выбор коммуникативно-речевой стратегии и тем самым дает импульс развертыванию текстово-дискурсивной цепочки преобразований. «Текст выступает посредником между дискурсом и аудиторией, включенной в дискурс. С одной стороны, текст воспроизводит сигналы, заданные и определенные дискурсом, с другой стороны, данные сигналы появляются не произвольно, а осознанно. Их селекцию осуществляют аудитория. Характеристики аудитории как обязательного и регулярного компонента дискурса задают появление текста с особыми свойствами, обращенными именно к данной аудитории. Таким образом, текст является промежуточным этапом в деятельности аудитории по исследованию смыслов дискурса» [Качесова, 2013, с. 28].

На непрерывность и постоянство развития отношения «дискурс — текст — дискурс» также указывал Е.В. Сидоров: «Принципиальной для текста является такая организация, которая делает возможным построение вторичной коммуникативной деятельности по модели, предложенной отправителем» [Сидоров, 2009, с. 106]. Данная статья рассматривает отношения Человека, моделирующего определенный тип дискурса, Текста, порождаемого этим дискурсом, и самого Дискурса как результата действия коммуникативно-речевых стратегий как методологическую основу изучения феномена манипулирования.

Речевая манипуляция как предмет изучения в научной парадигме до конца не определена: нет общей классификации, отсутствует единная методика описания, нет устоявшейся терминологии (даже термин «речевая манипуляция» часто используется синонимично понятию «языковая манипуляция», отражая недостаточность категоризации). Такого рода трудности обусловлены сложным социально-коммуникативным характером феномена манипуляций. Но все исследователи единодушны в том, что речевая манипуляция — это разновидность речевого воздействия, которая имеет целью побудить человека к совершению действий, поступков, которые он первоначально не собирался совершать. Это воздействие всегда оказывается в пользу заинтересованного лица — манипулятора. Ср., например, определение, которое дает Г.А. Копнина: «Языковые манипуляции — это разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2017, с. 18], и точку зрения Д. Лахани: «Манипулирование ценно только для одной стороны — инициатора. Манипулятор заинтересован лишь в получении личных выгод и достижении личных целей, его совершенно не интересуют выгоды и цели, а также возможные последствия для человека, на которого направлены его манипулятивные действия» [Лахани, 2007, с. 14]. В статье речевые манипуляции рассматриваются в качестве одного из инструментов формирования дискурса, при этом манипулятивный модус задается позицией субъекта коммуникации, а статус текста определяется как результат действия действующих стратегий.

Декларируемые исследовательские презумпции тем не менее не отменяют проблемы систематизации приемов манипуляции, не решенной современной лингвистикой. Полагаем, что выбор конкретной манипулятивной речевой стратегии находится в зависимости от различных особенностей коммуникативной ситуации, включающей тип адресата и адресанта, характер передаваемой информации, речевые цели говорящего. Кроме того, как уже было сказано ранее, манипуляция может быть основным и дополнительным приемом речевого воздействия. Целью настоящего исследования является реконструкция манипулятивных стратегий в высказываниях, пропагандирующих запрещенную идеологию.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили демотивационные постеры, содержащие идеи, запрещенные для публичного выражения законодательством Российской Федерации. Материалы выступают средством

интернет-общения, носят медийный характер, являются продуктами групповой и массовой коммуникации, посвящены обсуждению насущных социальных проблем и, в частности, выражают авторское отношение к насущным социально-политическим проблемам. Публичный характер речевых действий, подпадающих под действие Уголовного кодекса, требует от авторов речевых произведений особой осторожности, что, в свою очередь, позволяет нам классифицировать исследуемые процессы как скрытую коммуникацию. Методика исследования базируется на универсальных постуатах языковой семантики и представляет собой комплекс приемов, нацеленных на интерпретацию знаков текста в их комплексном взаимодействии. Прием экспликации содержания позволяет установить денотативно-сигнификативный, оценочный, мотивационно-целевой планы текста. Анализ средств выражения значений позволяет обнажить манипулятивные приемы, механизмы которых нацелены на импликацию наиболее важных компонентов выражаемого значения и снижение критического порога их восприятия реципиентом.

Результаты исследования

Согласно примечанию 2 к статье 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации к числу преступлений экстремистской природы относятся нарушения, совершенные по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Основные типы значений, которые запрещены к публичному выражению, приведены в Федеральном Законе «О противодействии экстремистской деятельности» и соответствующих статьях Уголовного кодекса. Контекстный анализ правовых формулировок позволяет выделить семантические и прагматические компоненты таких высказываний. До последнего времени все националистически заряженные (и шире — ксенофобные) высказывания, запрещенные к публичному выражению, можно было разделить на два семантических класса: высказывания, в прямой или косвенной форме передающие негативную информацию о национальной / религиозной группе, и высказывания, выраждающие положительное отношение к какой-либо националистической идеологии [Доронина, 2019]¹.

¹ Заметим, что современное понимание экстремистской деятельности является значительно более широким, что объясняется острой внутренней и внешнеполитической ситуацией, средства выражения экстремистских значений также претерпевают изменения. Однако обсуждение этой динамики не входит в задачи настоящей статьи, а представляет перспективу исследования.

Воплощение указанных выше значений в медийном дискурсе в форме демотивационных постеров — полимодальных текстов, комбинирующих в своей композиционной структуре вербальные и изобразительные компоненты, — явление весьма типичное. Невербально может быть выражен любой компонент текста: объект речи, негативные характеристики, действия против объекта, но чаще всего символически изображается идеологический контекст высказывания (фашистская свастика, националистическая символика). В данном типе дискурса происходит размытие смысла и маскировка его под безобидные формы воздействия, которые должны быть восприняты читателем не критически. Задачей манипулятора является не только обмануть бдительность реципиента и навязать ему определенные идеологические установки, но и зашифровать смысл высказывания. Маскировка запрещенных к публичному выражению значений помогает избежать правовых последствий деяния, поскольку большинство форм намека позволяет реципиенту восстановить информацию лишь в модальности вероятного вывода. Кроме того, речевая манипуляция в медийном дискурсе нередко воплощается в формах языковой игры. Передача информации в виде намека, загадки является аттрактивным средством, усиливающим воздействие и увеличивающим потенциальную аудиторию. Таким образом, «скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, сформировать нужное отношение к ней, вызвать необходимую адресанту эмоциональную реакцию» [Попова, 2002, с. 280].

Наглядным примером манипуляций, направленных на пропаганду националистической идеологии, может послужить демотивационный постер, состоящий из следующих элементов:

- вербальный компонент — выражение *Тень предков. Береги свой род!*;
- изобразительный компонент — вооруженный автоматом человек в военной камуфляжной форме, идущий по полю. При этом в качестве фона выбран пейзаж средней полосы России;
- символические компоненты — руна «Одал», используемая как символ современными молодежными национал-социалистическими группировками; католический крест; полумесяц и пятиконечная звезда — символы ислама, шестиконечная звезда Давида — символ иудаизма; коммунистическая символика — серп и молот; совмещенные «щиты Марса» — символы мужского гомосексуализма. Каждый из перечисленных символов изображен внутри окружности, напоминающей запрещающий дорожный знак (окружность красного цвета с внутренней

линией, проведенной по диаметру слева направо сверху вниз). Таким образом, символы социальных групп и религиозных конфессий оказываются перечеркнутыми.

Как видим, ни один из компонентов полимодального высказывания не содержит прямых деклараций националистического типа. Выражение *Береги свой род!* не содержит информацию ни о насильственных действиях, ни о национальном превосходстве какой-либо группы. Однако семантика насилия все же отражается в невербальном компоненте полимодального текста — в изображении вооруженного человека в военной камуфляжной форме. Возникает вопрос, на кого же направлена эта агрессия? Объект насильственных действий обозначен в тексте также невербально с помощью символических изображений социальных групп:

- католический крест символизирует представителей католицизма,
- полумесяц и пятиконечная звезда — приверженцев ислама,
- звезда Давида — иудеев,
- серп и молот — представителей политического течения, лиц, исповедующих коммунистическую идеологию;
- расположенные рядом «щиты Марса» — представителей секулярных меньшинств.

При этом негативное отношение к данным группам выражено с помощью изображения, имитирующего перечеркивание (запрещающий знак).

Сочетание вербальных и невербальных компонентов текста порождает следующую интерпретацию: беречь свой род нужно с оружием в руках, защищая его от представителей чуждых конфессий и идеологических течений. По своей речевой цели высказывание является призывом к действиям, а насильственный характер этих действий и объект агрессивного воздействия выражаются невербально. Таким образом, наиболее одиозные смыслы высказывания выражены с помощью намика, порождаемого контекстуальным взаимодействием эвфемистического выражения *Береги свой род!* с фотоизображением и символами текста.

Замена слов символами — тенденция, характеризующая все жанры современной интернет-коммуникации, однако в националистическом дискурсе она используется в целях манипулирования сознанием адресата, а также для маскировки содержания высказывания и ухода от правовой ответственности. Сокрытие преступной интенции осуществляется путем устранения каких-либо компонентов текста, служащих выражению запрещенного значения «идеологически мотивированные

насильственные действия против группы». Трансформация происходит по универсальному принципу: вербальные компоненты текста заменяются изображениями, а изобразительные компоненты теряют националистические черты, трансформируясь в символы, понятные лишь посвященным. Наблюдение за демотиваторами с националистическим содержанием на протяжении последних пяти лет позволяет выделить несколько коммуникативных тактик, служащих данной цели. В основу классификации положен материал, собранный авторами в ходе экспертной практики.

Стратегия «девербализации обязательных смыслов». Необходимым признаком националистического дискурса является четкая групповая идентификация и противопоставление групп, в которые входят субъект и объект речи. Противопоставление субъектов предполагает «...различия между ними, которые преподносятся как непреодолимые и обязательно влекущие за собой конфликт и нетерпимость групп друг к другу» [Колосов, 2004, с. 249]. В современных демотивационных постерах объект агрессии предстает все более и более размыто: утрачивается экспрессивная негативно-оценочная лексика, обозначающая враждебную группу, изображения представителей других национальностей и конфессий теряют конкретность. Так, например, в постере, содержащем лозунг на английском языке «Time to hate» глагол *to hate* (*ненавидеть*) является переходным и требует прямого дополнения со значением объекта. В свою очередь, данное значение выражает изображенный на фото человек с темным цветом кожи, очевидно, представитель не европеоидной расы. Стоит отметить, что демотивационный постер, комбинирующий в своем содержании фотоизображение кареглазого темноволосого человека и негативную информацию о нем, не может быть расценен специалистом по судебной лингвистической экспертизе как экстремистский именно потому, что невозможно категорически установить, о какой национальной группе идет речь в тексте. По изображенным антропометрически значимым признакам могут быть установлены лишь представители различных рас. Представители европеоидной расы различных национальностей могут быть установлены по изображаемым символам культуры (национальная одежда, прическа, религиозная, государственная символика и пр.). Именно этих смысловых элементов постепенно лишаются демотиваторы, направленные на разжигание национальной розни. Однако общая идея конфронтации людей разных рас и национальностей по-прежнему выражена, читатель может наполнить данную идеологему конкретными значениями по собственному вкусу.

Довольно часто трансформация националистических значений идет по другому пути: содержащаяся в них оппозиция «свои — чужие» редуцируется до суждений о своей референтной группе, необходимости сохранять ее ценности. Например: *Развивайся всесторонне, будь примером во всем. Ты — представитель великой нации*. Ксенофобное значение в таких демотиваторах выражает только фоновое изображение символики неонацистов — фашистской свастики, числового символа «14/88», кельтского креста, служащего символом ультраправых националистов, ведических, рунических символов, служивших для обозначения частей и родов войск в армии Вермахта и используемых современными неонацистами, и тому подобных символов.

Следующая группа демотиваторов, появившихся в последнее время, выражается безадресной агрессией, сопровождаемой все теми же неонацистскими символами, позволяющими восстановить идеологический контекст высказываний. Примерами могут послужить демотиваторы, содержащие такие лозунги, как *No tolerance!; time to be strong; Один за всех и все за одного!; Держи бутылку правильно* (высказывание сопровождается изображением бутылки с зажигательной смесью так называемого «коктейля Молотова»). Агрессивные вербальные лозунги могут быть заменены фотоизображениями молодых людей с сильно развитой мускулатурой, демонстрацией холодного и огнестрельного оружия.

Стратегия смещения точки зрения, при которой маскировка ксенофобской идеологии происходит за счет замены агрессии к чужой национальной группе побуждением к сохранению этнических и культурных устоев своей. Данная модель является новым и, надо полагать, сугубо российским способом выражения ксенофобных значений, приведшим на смену открытой пропаганде враждебности. Ключевой идеологемой в текстах является так называемое «славянское неоязычество» — набирающее популярность молодежное движение, в основе которого лежат «...идеи исторического и духовного первенства славян (славяно-ариев) по отношению к другим народам, возврата к politeизму — почитанию исконно русских богов и др.» [Аверина, Байков, 2017, с. 92]. Данный вид демотивационных постеров имеет ряд специфических черт, проявляющихся как на вербальном, так и на невербальном уровне. Изобразительным фоном демотиватора служат среднерусские пейзажи, в текстах используются фотоизображения молодых юношей и девушек «славянской внешности» в национальных костюмах. Демотиваторы используют своеобразную символику: солярный символ «Коловрат» и черно-желто-белый триколор, являющийся государственным флагом Российской империи с 1858 по 1896

год. Используются в этой группе текстов и рунические символы, якобы выраждающие некое древнее сакральное значение, недоступное не-посвященным. В текстах также применяется своеобразная графическая система, служащая вольной имитацией начертаний букв древнерусской азбуки. Однако несмотря на новый изобразительный ряд и символику, лозунги, используемые в постерах, являются производными от националистической идеологемы о высших и низших расах и побуждают к сохранению чистоты, на сей раз славянской нации, например: *Только чистая кровь, только белая любовь!*

Другим примером действия манипулятивной стратегии смещения акцентов, формирующей некритическое восприятие националистических идей реципиентами, представляет собой использование символов нацизма, фашизма в игровых, неутилитарных целях. Примером может служить постер, содержащий изображение свастики, нарисованной на запотевшем автомобильном стекле, сопровождающееся надписью *И не говори, что ни разу не рисовал на окне в машине...* Высказывание содержит семантическое следствие (импликацию) «каждый из нас когда-нибудь рисовал свастику». Контекст сообщает, что данный поступок является распространенной забавой, баловством и не отклоняется от социальной нормы. Однако при этом и сам символ запрещенной идеологии лишается негативной оценки, предстает как нечто нормальное, обыденное, лишенное общественной опасности.

Практикующие лингвисты-эксперты, вовлеченные в сферу расследования уголовных преступлений, в период с 2000 по 2020 годы имели возможность наблюдать, как борьба правоохранительных органов с пропагандой межнациональной нетерпимости постепенно давала свои плоды, как менялось социальное медиапространство. Тексты с прямо выраженной агрессией в адрес каких-либо национальных групп встречались все реже, им на смену приходили тексты с размытым смыслом. В большинстве своем это были краткие полимодальные тексты (демотиваторы), в которых националистические идеи были выражены в форме намеков, построенных на основе комбинации вербального и изобразительного компонентов высказывания. Речевая цель пропаганды запрещенной националистической идеологии осуществлялась с помощью манипулятивных техник, порождающих двусмысленное высказывание либо высказывание, в котором идеи национального превосходства, национальной ненависти и вражды не находились в коммуникативном фокусе, что, однако, не снимает социальной опасности текстов, внедряющих в массовое сознание разрушающую многонациональный социум идеологию.

Заключение

Речевые манипуляции — явление сложного генеза. По-прежнему вопросов у исследователей больше, чем ответов на них. Так, например, включение речевых манипуляций в контекст управления речевыми коммуникациями ставит вопрос о границах самого феномена манипуляции: если мы признаем отправной точкой злонамеренность персузивной программы манипулятора и, соответственно, принуждение аудитории к совершению поступка (речевого или неречевого), то какова свобода действий аудитории в рамках предлагаемой персузивной программы? На сколько аудитория управляема, остается ли у реципиента возможность сохранить критическое отношение к навязываемой ему картине мира / программе действий? Второй дискуссионный вопрос — каков объем средств манипулятора: входит ли в него распространение ложных суждений, или необходима тонкая комбинация прямых и скрытых сообщений? Могут ли эти суждения быть сугубо фактологическими, должны ли они быть экспрессивными, насколько необходимо, чтобы они были безупречными с точки зрения соответствия правилам логики?

Материалы данного исследования позволили нам выделить и описать стратегии, избираемые говорящим в целях вбросить в медиапространство запрещенную для публичного обсуждения тему. В этом случае автору необходима определенного рода маскировка речевой цели и содержания высказывания. Вопрос же об их пропагандистской эффективности, то есть о характере их воздействия на массовую аудиторию, требует исследования методами смежных социальных наук. На первый взгляд, перлокутивный эффект их не выше, чем у высказываний, лишенных особой коммуникативной организации, поскольку у нас нет оснований утверждать, что распространение текстов, описанных в настоящем исследовании, существенно увеличило количество лиц, разделяющих националистические убеждения.

Библиографический список

Аверина О.Р., Байков Н.М. Экстремистская символика в интернет-пространстве как фактор угрозы социализации молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 80 (3). С. 89–96.

Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: pragmalingвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2007. 288 с.

Доронина С.В. Речевой экстремизм в бытовой межличностной коммуникации // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14 (2). С. 61–66.

Качесова И.Ю. Коммуникативно-риторическая модель русского аргументативного дискурса. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013. 92 с.

Колосов С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 248–256.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2017. 170 с.

Лахани Д. Искусство убеждать, или Как получить то, что хочешь. М.: Эксмо, 2007. 288 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Либроком, 2009. 232 с.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Ю.С. Степанов и др. Язык и наука конца XX века. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 1995. С. 31–70.

Чувакин А.А. и др. Филология и коммуникативные науки. М.: Флинта, 2024. 496 с.

Источник

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025).

References

Averina O.R., Baykov N.M. Extremist symbols in the Internet space as a factor threatening the socialization of young people. *Vlast' i upravlenie na Vostoche Rossii* = Power and governance in the East of Russia, 2017, no. 80 (3), pp. 89–96. (In Russian)

Grigoreva V.S. Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects, Tambov, 2007, 288 p. (In Russian)

Doronina S.V. Speech extremism in everyday interpersonal communication. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* = Theory and practice of forensic examination, 2019, no. 14 (2), pp. 61–66. (In Russian)

Kachesova I.Yu. Communicative and rhetorical model of Russian argumentative discourse, Barnaul, 2013, 92 p. (In Russian)

Kolosov S.A. Manipulative Strategies of the Discourse of Hatred. *Kritika i semiotika* = Criticism and semiotics, 2004, no. 7, pp. 248–256. (In Russian)

Kopnina G.A. Speech Manipulation, Moscow, 2017, 170 p. (In Russian)

Lakhani D. The Art of Persuasion, or How to Get What You Want, Moscow, 2007, 288 p. (In Russian)

Lotman Yu.M. Inside the Thinking Worlds. Man. Text. Semiosphere. History, Moscow, 1996, 464 p. (In Russian)

Sidorov E.V. Ontology of Discourse, Moscow, 2009, 232 p. (In Russian)

Stepanov Yu.S. Alternative world, discourse, fact and principle of causality. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* = Language and science of the late 20th century, 1995, 31-70 p. (In Russian)

Chuvakin A.A. et al. Philology and communication sciences, Moscow, 2024, 496 p. (In Russian)

Source

Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, no. 63-FZ (as amended on 28.02.2025). (In Russian)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ PR: НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ В США 2016–2020 И 2020–2024 ГОДОВ (ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЦИКЛ)

А.Д. Цкриалашивили

Ключевые слова: предвыборная кампания, коммуникационные стратегии, электоральный цикл, политические процессы, медиакоммуникация, средства массовой информации (СМИ)

Keywords: election campaign, communication strategies, electoral cycle, political processes, media communication, mass media

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-12)

Введение
Первым политиком, использовавшим в своей предвыборной кампании инструменты сети интернет (1992 год), стал 42-й президент Америки [Авзалова, 2017, с. 185]. Несмотря на то что с момента появления **первого веб-сайта**¹, к концу 1992 года насчитывалось **только 50 виртуальных платформ**², аппарат штаба Билла Клинтона разместил **на странице кандидата** его биографию, предвыборную программу и наиболее яркие цитаты из его выступлений. Позже, уже в 2008 году, команда Барака Обамы также обратилась к ресурсам интернет-коммуникаций, в результате чего его электронная избирательная кампания стала самым эффективным инструментом среди других избирательных блоков [Авзалова, 2017, с. 186]. Начиная с 2012 года, кандидаты стали активно и регулярно присутствовать на платформах социальных сетей³, а также использовать Всемирную паутину для общения с целевой аудиторией и своими сторонниками [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden].

Объект исследования — эффективные коммуникационные стратегии политических лидеров.

¹ Веб-сайт — один из модулей виртуальной платформы, обеспечивающий публикацию собранной информации.

² Виртуальная платформа — совокупность нескольких специально разработанных программных модулей, инструмент для создания и поддержки работоспособности сайта.

³ Социальная сеть — онлайн-платформа, позволяющая пользователям коммуницировать.

Предмет — PR-стратегии в управлении политической активностью граждан в период предвыборных кампаний в США 2016–2020 и 2020–2024 годов (электоральный цикл).

Цель — представить целостную картину политических коммуникационных стратегий американских кандидатов на пост президента, используемых в интернете.

Задачи исследования:

Определить ключевые особенности коммуникационных стратегий в политическом дискурсе.

Дать характеристику коммуникационным стратегиям предвыборных кампаний в США.

Рассмотреть примеры PR-стратегий предвыборных кампаний, используемых в следующие электоральные периоды: 2016–2020 годы (Дональд Трамп и Джо Байден) и 2020–2024 годы (Дональд Трамп и Джо Байден; 21 июля 2024 года Джо Байден отказался от участия в выборах президента, и в кампанию от демократов включилась Камила Харрис).

Научная новизна заключается в комплексном исследовании и анализе коммуникационных стратегий, используемых американскими политическими лидерами в электоральные периоды 2016–2020 и 2020–2024 годов, с учетом современных трендов и инструментов информационной среды.

Материалы исследования: The Guardian⁴, Politico⁵, Reuters⁶, Pew Research Center⁷.

Теоретическая значимость заключается в том, что в исследовании представлена целостная картина современных коммуникационных стратегий предвыборных кампаний американских политических лидеров, проходивших в интернете в период электоральных циклов 2016–2020 и 2020–2024 годов.

Практическая значимость состоит в том, что описанные в ней результаты могут быть использованы во время обучения политологов, историков, социологов, психологов и лингвистов при поиске и объяснении скрытых механизмов управления политической активностью граждан средствами цифровой коммуникации.

⁴ The Guardian — британская ежедневная газета.

⁵ Politico — американское мультимедийное издание, специализирующееся на политической журналистике.

⁶ Reuters — международное агентство новостей и финансовой информации.

⁷ Pew Research Center — американский исследовательский центр предоставляет информацию о социальных проблемах, общественном мнении и демографических тенденциях.

Обоснование научных методов. В статье используются такие общенаучные методы, как структуризация и систематизация материала по проблеме исследования, а также такой частнонаучный метод, как аналитический обзор возможностей электоральной коммуникации. Выполнен анализ американских СМИ, освещавших электоральные циклы 2016–2020 и 2020–2024 годов в электронном формате.

Результаты исследования и обсуждение

Политические кампании имеют временную (непостоянную) природу⁸. Как следствие стратегическая среда электорального цикла формирует цели и характер коммуникации кандидата на всех этапах — от его первого появления на публике и выдвижения до праймериз и всеобщих выборов [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, p. 1].

Электоральные циклы 2016–2020 и 2020–2024 годов в США характерны тем, что избирательные кампании всех кандидатов интегрировали для репрезентации целевых установок и ценностных ориентаций политических лидеров максимальное количество интернет-каналов, активно используемых в роли «инструментария последующих предвыборных гонок» [Авзалова, 2017, с. 186]. Обязательным компонентом коммуникации между избирателями и электоратом, а также средством имиджмейкинга стали Facebook⁹, Instagram⁹, Twitter¹⁰ и YouTube, тогда как «традиционные методы распространения информации через СМИ отошли на второй план» [Ключевский, 2021, с. 176]. Преимуществом собственных каналов является наличие больших возможностей контроля контента.

В обоих электоральных кампаниях политиками использовалась пропаганда — распространение и популяризация теорий, идей, взглядов, а также сознательное искажение фактов, чего в PR не допускается. Пропагандистские заявления потенциальных глав США отличались более жестким характером, в отличие от PR, который имеет более мягкое воздействие на аудиторию и дуальность (PR ориентирован на получение встречного и передачу своего сигналов). Агитация политиков заключалась в оказании вли-

⁸ Временная (непостоянная) природа избирательной кампании — совокупность синхронно взаимосвязанных системных процессов, обуславливающих формирование пространственно-временной структуры политической кампании.

⁹ Instagram и Facebook в России внесены в реестр нежелательных организаций, их деятельность запрещена.

¹⁰ «Twitter» заблокирован на территории России за «ограничение доступа к российским СМИ и распространение ложной информации о вторжении России на Украину».

яния на избирателей и манипуляции их сознанием путем освещения в социальных сетях определенных идей, событий и фактов.

В последние десятилетия коммуникационные стратегии кандидатов в президенты Америки стали опираться на цифровые технологии (*Digital Communication Technologies — DCTs*). Хотя социальные сети больше не являются новинкой (Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2021), ученые выражали обеспокоенность по поводу кампании 2016 года, того, как политические деятели использовали платформы (а иногда и злоупотребляли их потенциалом) [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, р. 1].

Включение в предвыборную кампанию интернет-каналов обусловило возникновение новых коммуникационных стратегий — «схем планирования распространения информации» [Гавра, 2019. С. 68], фундаментом генерирования которых является синтез лингвистики и психологии, ориентированных на убеждение избирателей в целесообразности выбора того или иного кандидата. Данная стратегия используется с 2012 года [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, р. 1], в настоящее время она не потеряла своей актуальности и популярна в избирательном цикле благодаря своей эффективности. При этом основа коммуникационной стратегии сегодня — это краткосрочные и долгосрочные стратегические цели политического субъекта (глобальные и оперативно-тактические, сконцентрированные на определенном темпоральном горизонте), среди которых следует выделить конвенциональные (обеспечение согласия избирателей с особенностями позиционирования кампании и кандидата), конфликтные (дискредитация оппонента через упрек и обвинение) и манипуляционные (коммуникативное воздействие на поведение оппонента путем навязывания соответствующих стереотипов мышления) [Гавра, 2019].

Условно говоря, суть избирательных кампаний — это политическая коммуникация между кандидатами и избирателями; целью же избирательного цикла является установление контактов с избирателями для побуждения к выбору определенного кандидата. Хотя социальные сети больше не являются новшеством в политической агитации, каждый избирательный цикл характеризуется синтезом инноваций и стратегии консолидации. В Соединенных Штатах социальные сети стали для кандидатов основным средством сбора пожертвований на предвыборную кампанию и мобилизации сторонников, а также распространения соответствующей информации о предвыборной кампании в обход традиционных медиаресурсов [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, р. 4].

Политическая коммуникационная стратегия — целенаправленное управление информацией и инструментами коммуникации для достижения политических целей [Strömbäck, Kiouisis, 2014, р. 110]. Как подчеркивает Д.П. Гавра, коммуникационная стратегия в политической сфере представляет из себя «долгосрочную сбалансированную по ресурсам программу достижения стратегических целей субъекта через информационно-коммуникационные взаимодействия с внешней и внутренней средами» [Гавра, 2019, с. 70].

Такие составляющие, как стратегическая среда, положение в опросах общественного мнения, финансы, организация кампании, освещение в средствах массовой информации имидж кандидата, — все это формирует коммуникационные стратегии. Данные составляющие работают согласованно во время предвыборной кампании, влияя на стиль и акценты политических деятелей [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, р. 2].

Специфика коммуникационных стратегий в политическом PR в США на общем фоне политических коммуникаций заключается в синтезе маркетинговой (планирования, реализации и оценки программы), креативной (использования нестандартных решений в политическом PR) и медиастратегий (интернет-рекламы), что позволяет прежде всего расширить информированность избирателей и максимально вовлечь их в избирательный процесс.

Особенность электоральных кампаний на фоне политических коммуникаций заключается в использовании таких нетрадиционных вариантов каналов избирателями, как социальные сети (Facebook, Twitter и Instagram).

С опорой на исследование Д.П. Гавры [Гавра, 2019, с. 71] дифференцированы следующие характеристики коммуникационных стратегий предвыборной кампании в электоральных циклах 2016–2020 и 2020–2024 годов в США (см. табл.).

Коммуникационные стратегии в выборах американских политических лидеров
(предвыборные кампании 2016–2020 и 2020–2024 годов)

Характеристика	Электоральный цикл 2016–2020 годов (Д. Трамп и Д. Байден)	Электоральный цикл 2020–2024 годов (Д. Трамп и Д. Байден)
Конгломерация со стратегическими целями политического лидера	<p>Кандидаты предпочитали Facebook для атак, тематических и церемониальных постов, в то время как Twitter использовалась больше для призываов к действию, создания имиджа и пропаганды [The Guardian, 2021]. Однако по мере приближения дня выборов кандидаты для рассылки сообщений все чаще использовали Facebook [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, p. 2]. Основные принципы построения политического дискурса — это зрелищность, конкурентность способности и персонификация [Tutubay, 2018, с. 105].</p> <p>На 20% выросло количество национальных американских доменов, по сравнению с 2016 годом, 37% доменов стали популярнее в 25 раз, что говорят о конвенциональном характере оперативно-тактических целей коммуникационной стратегии («обеспечение согласия целевых аудиторий с позиционированием социального объекта») [Гарва, 2019, с. 74].</p> <p>На всеобщих выборах в Конгресс в 2016 году демократы снизили свою партийную активность за несколько недель до голосования. В отличие от них, республиканцы распространяли столь же большое количество партийных сообщений [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, p. 2].</p>	<p>Существенно выросла плотность коммуникации избирателей (электоральная база): (а) появились такие новые платформы для онлайн-пожертвований и мобилизации, как mobile.us (технологические платформы, позволяющие регистрироваться волонтерам на митинги, виртуальные собрания, принимать участие в голосовании и т.д.) или winred.com (платформа для сбора средств от Республиканской партии); (б) созданы сайты, связанные с переписью населения 2020 года: mu 2020 census.gov; (в) популяризировались сайты, получившие известность во время пандемии и последующих карантинов, например, служба видеоконференций zoom.us; (г) усовершенствовались политически ориентированные новостные сайты, созданные после кампании 2016 года, например, axios.com; (д) сайты для конкретных государственных организаций или политиков, например: eas.gov (Комиссия сопровождения выборов — национальный центр обмена информацией об управлении выборами), republicanleader.gov (платформа для проведения анализа конкурентной интернет-среды: цифровые исследования цифровой маркетинг, аналитика покупателей, мониторинг биржи и т.д.), joebiden.com («Фонд победы Байдена» — Кооперативный комитет по сбору средств для поддержки и реализации кампании Байдена) или farmers.gov (предназначен для оптимизации и упрощения доступа малого бизнеса к финансированию USDA — Министерством сельского хозяйства США) [Shah, 2021].</p>

¹¹ Конгломерация — объединение коммуникационной стратегии и стратегических целей политического лидера посредством организационных и информационных связей. Процесс конгломерации связан с поглощением или слиянием отдельных форм коммуникационных стратегий, в результате чего появляется новая стратегия.

Продолжение таблицы

<p>Троллинг политического оппонента: "Donald Trump's campaign is about him. Not America, not you. Donald Trump's campaign is obsessed with the past. Not the future. He's willing to sacrifice our democracy to put himself in power!" [Reuters, 2024] («Кампания Дональда Трампа посвящена ему. Северной Америке, а не вам. Кампания Дональда Трампа одержима прошлым. Не будущим. Он готов пожертвовать настоящей демократией, чтобы прийти к власти»)</p>	<p>Члены Демократической партии также очень часто (как и в предыдущий выборный цикл 2016–2020 годов) упоминали поганяния, связанные с правами избирателей и доступом к опросам [Shah, 2021]. На всех этапах выборов было больше церемониальных постов, напоминающих об испытаниях и отдающих дань уважения (будь то праздники, стихийные бедствия или благодарность болельщикам), по сравнению с 2016 годом. Кандидаты отставали свои интересы, подробно описывая свой характер, историю происхождения и способность руководить; формировалась ключевые политические позиции, репрезентующие их кандидатуру. Постоянно обновлялся имидж, основываясь на динамике предвыборной кампании своих оппонентов [Stromer-Galley, Rossini, Hemsley, Bolden, McKernan, 2020, р. 2]</p>	<p>Республиканцы получили значительный прирост избирателейской аудитории благодаря публикациям лозунга с требованием убедиться, что "legal vote counted" [Makela, 2020] — каждый «законный голос подсчитан» или же упоминалось имя сына Джо Байдена — Хантера [Shah, 2021]</p>
<p>Опора на миссию, философию, идеологию и ценности кандидата на пост президента, который выступает в роли субъекта стратегирования</p>	<p>Опора на миссию, философию, идеологию и ценности кандидата на пост президента, который выступает в роли субъекта стратегирования</p>	<p>Существенному увеличению вовлеченности избирателей в отслеживание новостного контента об выборном цикле способствовали публикации демократов о выборах Дональда Трампа ("President-elect Trump") и его главного советника — Стива Бэннона [Shah, 2021] — демократы требовали, чтобы Д. Трамп отменил назначение С. Бэннона [McCaskill, 2016]</p>

<p>Некоторые комментарии Д. Байдена звучали оскорбительно с расовой точки зрения, при этом подчеркивали отложенный значимую задачу: исключить из руководства администрации, например, описывая Б. Обаму, Д. Байден подчеркнул: "the first sort of mainstream African American who is articulate and bright and clean." — «первый тип администрации из мейнстрима, который умеет четко выражать свои мысли, умен и чистоплотен»</p>	<p>Наиболее характерные формулировки демократов касались равенства и представительства ("equality" — «равенство»), го-ловования ("make [a] plan [to] vote" — «составьте [план] голо-сования»), а также аспектов пандемии COVID-19 и здравоохра-нения в целом ("COVID cases[is]" — «случаем заболевания COVID», "health insurance" — «медицинская страховка» и т.д.). Электрон-ные тексты республиканцев были наполнены такими словами, как "bless" — «благословлять», "Israel" — «Израиль», "defund" — «приостановливать финансирование» и "liberal" — «либерал» [Shah, 2021]. Данные повторы являются одним из экспрессив-ных приемов воздействия в языке политика, они повышают эмоциональный накал высказывания, акцентируют внимание на вышеобозначенных проблемах</p>
<p>Расчет на долгосроч-ную перспективу — решение отложенных значимых в политике государственных задач</p>	<p>Фамилия «Трамп» ("Trump") была самой часто упоминаемой в постах социальных сетей — за 2020 год встретилась в элек-тронных текстах более 33 000 раз, тогда как имя кандидата в президенты от Демократической партии ни разу не встречалось в данном контексте [Shah, 2021].</p> <p>В социальных сетях часто использовались пропагандистские и манипулятивные сообщения [The Guardian 2021], СМС-бом-бы, которые имели имиджевый или тематический характеры. Главное соперничество кандидатов выражалось в исполь-зовании работы с алгоритмами социальных сетей, SEO-продви-жения, «работы с хэштегами — короткими маркерами, позволяю-щими объединять группы постов со схожей тематикой» [Клю-чевский, 2021, с. 177]</p>
<p>Синтез маркетинго-вой, креативной и ме-диастратегий предвы-борной кампании</p>	<p>Маркетинговый прием, опирающийся на SEO-продвижение и мнемотехнику (сочетку-ность действий, способствующих запомина-нию информации с помощью ассоциаций):</p> <p>в 2016 году фамилия «Трамп» ("Trump") была второй по встречаемости в интернете, ис-пользуемой демократами, которая, как прави-ло, была связана с описанием избирательно-го права на выборах в органы государствен-ной власти, при этом в электронных текстах имена оппонентов ни разу не упоминались [Shah, 2021]</p>

Несмотря на то что делегаты на съезде Республиканской партии США проголосовали за выдвижение Дональда Трампа кандидатом в президенты США, Д. Трамп стал главной темой в социальных сетях именно законодателей-демократов как в 2016, так и в 2020 годах. А именно, в 2016 году «Трамп» был вторым по распространенности термином, который законодатели-демократы использовали в социальных сетях. А в 2020 году слово «Трамп» было самым часто упоминаемым среди законодателей-демократов, которое появилось в их постах более 33 000 раз [Shah, Grant, 2021, р. 5] — члены Демократической партии непропорционально часто упоминали понятия, связанные с избирательными правами и доступом к опросам в течение обоих периодов исследования. Это является, **с одной стороны**, признаком конвенциональной¹² оперативно-тактической цели¹³ коммуникационной стратегии, позволяющей обеспечить согласие избирателей с позиционированием политического лидера, с его предложениями на политическом уровне опираться во всех государственных и общественных делах в первую очередь на права граждан и прозрачность выборов. **С другой стороны**, данный фактор можно расценивать как достижение манипуляционной цели, в задачи которой входит навязывание избирателям требуемого видения реальности, что достигается посредством трансформации в сознании целевой аудитории смыслового поля права, политики и морали¹⁴.

Электоральный цикл 2020–2024 годов проходил в разгар глобальной пандемии, поэтому кандидаты были вынуждены кардинально изменить процедуру голосования и коммуникационные стратегии. Социальные сети стали использоваться не только как инструмент интернет-коммуникации, но и как средство сбора данных и таргетированной рекламы [Ключевский, 2021, с. 178]. Во время электорального цикла 2016 года аппарат Д. Трампа активно публиковал репрезентацион-

¹² Конвенциональные цели — это вид оперативно-тактических целей, которые посредством коммуникационных инструментов достигают «согласия целевых аудиторий с позиционированием социального субъекта, с его предложением на политическом / бизнес / культурном рынке» [Гавра 2019, с. 73]

¹³ Оперативно-тактические цели — это цели коммуникационной стратегии политического игрока, рассчитанные на конкретный, четко очерченный временной интервал, реализуемые посредством коммуникационных инструментов.

¹⁴ Мораль — то, что позорит и оскорбляет, нечто предосудительное. Мораль — форма общественного сознания, совокупность принципов, правил, норм.

ный контент¹⁵ о потенциальном политическом лидере в американской социальной сети «Твиттер» (*Twitter*), в результате чего предвыборную кампанию бизнесмена поддержало 14,8 млн фолловеров (всего в социальных сетях на тот момент насчитывалось 28 млн американских пользователей), это позволило обеспечить медиийное преимущество Д. Трампа. В то время как «имидж Д. Байдена не включал в себя „гонку за территорию коммуникации“ молодежи, поэтому Twitter не стал для него фокусным направлением» [Гавра, 2019, с. 177]. Однако в цикл 2020–2024 годов демократы начали активно работать с крупными инфлюенсерами и тиктокерами (Д. Байден даже вышел в TikTok, несмотря на сложные отношения с этой платформой у его правительства).

На каждом этапе кампании с целевой аудиторией взаимодействовали по-разному, каждый цикл имел четкие различия, определяемые внешними факторами. На праймериз кампании 2020 года отличались большим количеством демократов¹⁶, в отличие от кампании 2016 года, где было основное число республиканцев¹⁷, чаще атаковавших (занимавших агрессивную позицию), чем выступавших в защиту или сосредоточившихся на текущих государственных задачах. В сообщениях делался упор на пропаганду¹⁸, сильный акцент на создание имиджа кандидата, а также на призывы сторонников к действию (например, к сбрую средств и пожертвованиям). Д. Трамп и Дж. Байден выступали с огромным количеством призывов и акцентировали внимание на проблемах и политических позициях, связанных с продвижением имиджа и репутации.

Заключение

Предвыборные дебаты 2016–2020 и 2020–2024 годов в Америке характерны тем, что для программы репрезентации и самопрезентации кандидатов использовалось большое количество интернет-каналов,

¹⁵ Репрезентационный контент – контент, способствующий тому, чтобы голоса, мнения и точки зрения граждан оказались «представленными» в процессе публичной политики, вследствие чего народ рассматривается как единое целое и несет ответственность за выбор того или иного кандидата, который действует от «лица народа».

¹⁶ На праймериз кампании 2020 года было больше демократов, которые получили значительное освещение в СМИ, чем республиканцев.

¹⁷ На праймериз кампании 2016 года больше республиканцев, чем демократов.

¹⁸ Пропаганда поддержки запрета на въезд мусульман на территорию США, протестов против движения Black Lives Matter, борьбы с тайными заговорами, которые способствуют торговле детьми и т.д. (The Guardian. 2021).

преимущественно социальных сетей (Facebook, Twitter, TikTok и Instagram), а также видеохостинг YouTube.

В обоих электоральных циклах были различные типы предвыборных сообщений, освещающих предвыборную деятельность кандидатов на всех этапах выборов и на всевозможных тематических платформах. В частности, использовались пропагандистские и манипулятивные сообщения, СМС-бомбёры, которые по своим интенциям являлись имиджевыми или тематическими, а также призывали целевую аудиторию в социальных сетях к действиям организационного и мобилизационного характеров, в том числе была рассылка церемониальных сообщений, в которых отдавалась дань уважения тем, кто поддерживает кандидата. Данные принципы реализовывались посредством синтеза маркетинговой (планирования, реализации и оценки программы), креативной (использования нестандартных решений в политическом PR) и медиастратегий (интернет-рекламы).

Библиографический список

Авзалова Э.И. Интернет-коммуникации в избирательной кампании США // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 185–194.

Гавра Д.П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии // Российская школа связей с общественностью. 2019. № 15. С. 65–77.

Ключевский Д.С. Особенности использования социальных сетей в президентских кампаниях 2016 и 2020 г. в США: сравнительный анализ // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 3. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-172-180>

Fowler E.F., Ridout T.N., Franz M.M. Political advertising in 2016: The presidential election as outlier? The Forum. 2016, vol. 14 (4). <https://doi.org/10.1515/for-2016-0040>

Makela M. Opinion | Count Every Legal Vote — Then Certify Them, Too. Politico. Электронный ресурс: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/11/18/count-every-legal-vote-then-certify-them-too-437935>

Mccaskill N.D. Democrats demand that Trump rescind Bannon appointment. Politico. Article 15 November 2016. Электронный ресурс: <https://www.politico.com/story/2016/11/democrats-demand-trump-rescind-steve-bannon-231422>

Reuters. Key quotes from US President Biden's Jan. 6 democracy speech. Reuters. January 6, 2024. Электронный ресурс: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/jul/27/hillary-clinton-glass-ceiling-metaphor-that-needs-to-be-smashed>

Shah S. Charting Congress on Social Media in the 2016 and 2020 Elections. Pew Research Center. September 30, 2021. Электронный ресурс: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/30/charting-congress-on-social-media-in-the-2016-and-2020-elections/>

Strömbäck J., Kiousis S. Strategic Political Communication in Election Campaigns. In book: Political Communication. Publisher: Mouton de Gruyter. Ed.: C. Reinemann. 2014. <https://doi.org/10.1515/9783110238174.109>

Stromer-Galley J., Rossini P., Hemsley J., Bolden S.E., McKernan B. Political Messaging Over Time: A Comparison of US Presidential Candidate Facebook Posts and Tweets in 2016 and 2020. Social media + Society. 2021, vol. 7 (4). <https://doi.org/10.1177/20563051211063465>

Tymbay A. Communicative strategies of American politicians (basing on the 2016 election campaign), 2018, pp. 105-123.

Источник

The Guardian. 'Four years of propaganda': Trump social media bans come too late, experts say. 8 Jan 2021. Электронный ресурс: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jan/07/donald-trump-facebook-social-media-capitol-attack>

References

Avzalova E.I. Internet communications in the US election campaign. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Reli-govedenie* = Proceedings of Irkutsk State University, 2017, vol. 22, pp. 185-194. (In Russian)

Gavra D.P. Concept and characteristics of communication strategy. *Rossijskaja shkola svjazej s obshhestvennost'ju* = The Russian School of Public Relations, 2019, no. 15, pp. 65-77. (In Russian)

Klyuchevsky D.S. Features of the use of social networks in the presidential campaigns of 2016 and 2020 in the United States: a comparative analysis. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* = Journal of Political Studies, 2021, vol. 5, no. 3. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-172-180>. (In Russian)

Fowler E.F., Ridout T.N., Franz M.M. Political advertising in 2016: The presidential election as outlier? The Forum. 2016 Vol. 14 (4). <https://doi.org/10.1515/for-2016-0040>

Makela M. Opinion | Count Every Legal Vote — Then Certify Them, Too. Politico. Retrieved from: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/11/18/count-every-legal-vote-then-certify-them-too-437935>

Mccaskill N.D. Democrats demand that Trump rescind Bannon appointment. Politico. Article 15 November 2016. Retrieved from: <https://www.politico.com/story/2016/11/democrats-demand-trump-rescind-steve-bannon-231422>

Reuters. Key quotes from US President Biden's Jan. 6 democracy speech. Reuters. January 6, 2024. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/jul/27/hillary-clinton-glass-ceiling-metaphor-that-needs-to-be-smashed>

Shah S. (2021) Charting Congress on Social Media in the 2016 and 2020 Elections. Pew Research Center. September 30, 2021. Retrieved from: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/30/charting-congress-on-social-media-in-the-2016-and-2020-elections>

Strömbäck J., Kiousis S. Strategic Political Communication in Election Campaigns. In book: Political Communication. Publisher: Mouton de Gruyter. Ed.: C. Reinemann. 2014. <https://doi.org/10.1515/9783110238174.109>

Stromer-Galley J., Rossini P., Hemsley J., Bolden S.E., McKernan B. Political Messaging Over Time: A Comparison of US Presidential Candidate Facebook Posts and Tweets in 2016 and 2020. Social Media + Society. 2021, vol. 7 (4) : 205630512110634. <https://doi.org/10.1177/20563051211063465>

Tymbay A. Communicative strategies of American politicians (basing on the 2016 election campaign), 2018, pp. 105-123.

Source

The Guardian. 'Four years of propaganda': Trump social media bans come too late, experts say. 8 Jan 2021. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jan/07/donald-trump-facebook-social-media-capitol-attack>

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПОГРАНИЧЬЕ: СЕМИОТИКА ЗАБОРА И ОГРАДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ЮРИЯ ОЛЕШИ

А.А. Корниенко, А.И. Кулепин

Ключевые слова: семиотика, художественное пространство, хронотоп, забор, граница, медиатор

Keywords: semiotics, artistic space, chronotope, fence, boundary, mediator

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-13)

Введение
В автобиографической книге «Алмазный мой венец» (1978) В. Катаев настаивает на праве автора сколько угодно цитировать чужие тексты, не заботясь при этом о точности: «Должен <...> предупредить читателей, что все стихи в этой книге я цитирую исключительно по памяти, так что не ручаюсь за их точность, а проверять не хочу, даже если это стихи Пушкина, так что рассматривать мое сочинение как научное пособие нельзя. Это чисто художественное отражение моего внутреннего мира. Чужую поэзию я воспринимаю как свою и делаю в ней поправки. Сделал же поправку Толстой, цитируя стихи Пушкина: “...и горько жалуюсь и горько слезы лью, но строк постыдных не смываю”. А у Пушкина не “постыдных”, а “печальных”. Толстой превратил их в постыдные и был прав, так как имел обыкновение пропускать все явления мира, в том числе и поэзию, через себя» (Валентин Катаев. 1984. С. 113).

Юрий Олеша мечтал написать такую статью, «в которой мотивированно, а значит, и увлекательно для читателя нашли бы место цитаты из русских поэтов — не одна, не две, а целая река цитат!» (Юрий Олеша. 2006. С. 349). Такую статью Олеша не написал, но на страницах его «Книги прощания» действительно разлилась «целая река цитат». В.О. Перцов считал, что в своих многочисленных пересказах классиков «Олеша извлекает из художественного текста только то, что в нем содержится. <...> Он ничего не добавляет от себя, строго оставаясь в пределах авторского замысла и доверия гению...» [Перцов, 1976, с. 26].

С этим утверждением согласиться трудно. Куда убедительнее суждение М.О. Чудаковой, продемонстрировавшей, что острый интерес Олеши к «опыту мастеров прошлого был интересом соревновательным. В статьях и заметках Олеши о литературе блестящий анализ „литературной техники“ великих писателей то и дело сменяется „благородной завистью“ к ним» [Чудакова, 1972, с. 9].

Цель и результаты исследования

Цель исследования — выявление семиотического потенциала образов забора и ограды в художественном мире Юрия Олеши. Материалом послужили художественные и мемуарные произведения писателя. Комплексный анализ текстов на основе структурно-семиотического метода позволил продемонстрировать, что хронотоп границы приобретает у Олеши разные оттенки значения.

В «Книге прощания» Ю. Олеша цитирует и пересказывает множество чужих текстов, и часто — неточно. Можно с уверенностью предположить, что по отношению к великим писателям прошлого Олеша испытывал, если воспользоваться терминологией Г. Блума, преувеличенный «страх влияния». По утверждению американского литературоведа: «Рациональная формула всякого сильного поэта звучит как: „пусть там, где было стихотворение предшественника, отныне будет мое“» [Блум, 1996, с. 25] (курсив наш. — А.К., А.К.).

«Через себя» пропущен автором «Книги прощания», в частности, рассказ Герберта Уэллса «Дверь в стене» (1906). Олеша назвал английского фантаста «самым лучшим из писателей, которых читал» (Олеша. 2006. С. 290). Это не помешало ему перекроить уэллсовский текст на свой лад.

Для начала Олеша меняет название рассказа. *«The Door in the Wall»*¹ он почему-то переводит как «Зеленая калитка». В доступных Олеше изданиях рассказ Уэллса печатался под названием или «Калитка в стене» (переводы В. Готовцева и С. Займовского) или «Дверь в стене» (перевод М. Михаловской). Олеша убирает «стену» из заглавия, да и в самом пересказе это слово ни разу не использует: «У него (Уэллса. — А.К., А.К.) есть рассказ („Зеленая калитка“) о человеке, который однажды в детстве, открыв некую встретившуюся ему по пути зеленую калитку, очутился в неизъяснимо прекрасном саду, где на цветущей лужайке играла мячом пантера... Хотя произошло это в далеком детстве, на заре

¹ Wells H.G. The Door in the Wall. Электронный ресурс: <https://shortstoryproject.com/stories/the-door-in-the-wall/#>

жизни, но воспоминание о чудесном саде настолько завладело душой героя, что вот идут годы, а он все ищет зеленую калитку. Теперь он уже зрелый, достигший высокого положения человек (он министр!), но лучшее, к чему постоянно возвращается его душа, — это мечта отыскать калитку. Однажды ему кажется, что он видит ее... Вот она, вот эта калитка! Он открывает, шагает — но нет за калиткой сада с играющей на лужайке пантерой: там мрак! Оказывается, он шагнул в шахту, в которую и провалился» (Юрий Олеша. 2006. С. 373).

Олеша несколько упрощает замысел Уэллса, проигнорировав, например, тот факт, что зеленая калитка на протяжении жизни являлась герою рассказа целых семь раз, но он так и не воспользовался возможностью вернуться в райский сад. Олеша говорит о «мечте», уэллсовский рассказчик, напротив, «совершенно уверен», что «эта „дверь в стene“ была настоящей дверью в реальной стене и вела к вечным реальным ценностям» [Уэллс, 1982, с. 368]. И что особенно важно, у Уэллса финал истории о зеленой калитке далеко не так однозначен, как у Олеши: «В свете наших обыденных представлений нам, заурядным людям, кажется, что Уоллес безрассудно пошел в таинший опасность мрак, на встречу своей гибели. Но кто знает, что ему открылось?» (Герберт Уэллс. 1982. С. 379).

Автор «Человека-невидимки», несомненно, вложил в рассказ «Дверь в стene» очень много субъективного, не случайно имя героя рифмуется с его собственным: Уэллс — Уоллес (Wells — Wallace). Олеше несложно было вообразить себя двойником Уоллеса-Уэллса. Аранжировку романов и рассказов английского писателя предваряет в дневнике Олеши глубоко личное признание: «Уэллс! О, мой дорогой Уэллс! Я еще напишу о тебе, обязательно напишу — боже мой, ведь знакомство с тобой — это и есть история моей жизни!» (Олеша. 2006. С. 371). Показательно, что почти в самом конце жизни в своей «книге о прощании с миром» (Юрий Олеша. 2006. С. 430) Олеша набрасывает сюжет, инвариантный уэллсовскому: «Идя по Французскому бульвару по левой его стороне по направлению от 3-й гимназии, вдруг видели вы по левую руку переулок... В нем были и неуютные краски загона, коровы грязно-коричневые краски, и один из заборов провисал в нем, наваливаясь как бы брюхом на прохожего, вместе с тем был этот переулок озарен синевой видного вдали моря. И так хотелось свернуть в этот переулок... Но всегда я спешил куда-то, всегда спешил! Так и никогда не сверну я в этот переулок. Я думаю, что и до сих пор выглядит он так же. Так же провисает забор и так же видно вдали поверх ромашек и широких попухов море» (Там же. С. 428-429).

Олешу влечет не волшебный сад, а море. Понятно, что в этой связи уэллсовские образы стены и калитки нерелевантны, тем удивительнее упоминание здесь о заборе, «как бы наваливающимся брюхом на прохожего». Этот забор не преграждает путь прямо, но к морю все же пройти не дает.

Переводчики рассказа «Дверь в стене» не смогли обойтись без использования слова «забор», которого в английском тексте нет: «...грубый дощатый забор показался ему белой стеной» (Герберт Уэллс. 1982. С. 379). «Забор» плохо вписывается в систему символов Уэллса, зато делает художественное пространство рассказа привычным, легко узнаваемым для отечественного читателя, ведь Россию по праву «могло назвать страной „заборности“»².

«Серый забор» — почти непременная деталь русского пейзажа в литературе XIX–XX веков. Например, у Чехова: «Он ходил, и все больше и больше ненавидел серый забор, и уже думал с раздражением, что Анна Сергеевна забыла о нем и, быть может, уже развлекается с другим, и это так естественно в положении молодой женщины, которая вынуждена с утра до вечера видеть этот проклятый забор» («Дама с собачкой», 1899); «Надя ходила по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе все давно уже состарились, отжило и все только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего» («Невеста», 1903) (Антон Чехов. 1986. С. 138, 219). Подобных цитат не мало и у других классиков.

«Заборы», встречающиеся в произведениях Олеси, унаследовали всю негативную семантику этого образа, сформировавшуюся в искусстве прошлого, причем один из аспектов символики забора для автора романа «Зависть» особо значим, ибо, как известно, «обида и зависть — спутники забора» [Савчук, 2015, с. 16]. В этом контексте поразительно следующее высказывание Олеси: «Чужая ограда не пугала меня и не угнетала моих чувств. Напротив, поставив на нее локти и глядя в чужой сад, я как бы взвешивал то, чем обладали другие, сравнивая его с тем, чем буду обладать я» (Олеша. 2006. С. 28). Судя по всему, в личности Олеси довольно ярко воплощается не имеющий официального существования в психологии, но активно обсуждающийся психологами синдром главного героя (СГГ). Свое заявление об отсутствии зависти по отношению к обитателям мира за оградой он продолжает совсем уж солиптически: «Мир принадлежит мне. Это была самая простая, самая

² Феноменология забора (лекция профессора С.А. Медведева). Электронный ресурс: <https://www.hse.ru/news/communication/120584296.html>

инстинктивная мысль моего детства. Я так съвикся с ней, что даже не нуждался в заносчивости ((Юрий Олеша. 2006. С. 28).

Мемуаристы в оценке психологических свойств Олеши расходятся очень сильно. Кое-кто готов усмотреть у него чуть ли не манию величия. Так, Лев Никулин вспоминал: «Моей жене он доказывал, что его, как шляхтича, могли бы избрать королем Речи Посполитой и тогда бы он назывался „пан круль Ежи Перший” — король Юрий Первый. Но и это, казалось, его не удовлетворяло, он требовал, чтобы его называли „пан круль Ежи Перший великий” — великий» [Воспоминания о Юрии Олеше, 1975, с. 69]. А вот хорошо знавшая писателя Зинаида Шишова наличие у него завышенного самомнения отрицает: «С удивлением я вспоминаю, что совсем недавно кто-то сказал, что Олеша “один из таких больших маленького роста людей, как например Наполеон и еще кто-то”. <...> Но когда Олеша с длинными, седыми, развевающимися волосами, гордо закинув голову, шагал по улице Горького, это было не для самоутверждения» [Воспоминания о Юрии Олеше, 1975, с. 29-30]. Мемуаристка права в одном — проекция на личность Олеши «комплекса Наполеона» мало что объясняет. В психике Олеши сработал иной механизм защиты. В его индивидуальной картине мира не было никого выше него. Таким образом он избавлял себя от конкуренции, обиды, зависти и действительно, хоть и с переменным успехом, «даже не нуждался в заносчивости».

В успешности действия этого механизма немаловажную роль сыграл биографический фактор: человеку, застрявшему в междумирье, остается только примерять разные роли и все равно никогда не чувствовать себя на своем месте. «Я вишу между двумя мирами» ((Юрий Олеша. 2006. С. 65), — утверждает Юрий Олеша. Он, польский дворянин, родившийся на рубеже столетий в 1899 году в Елисаветграде, — в самом деле настоящий человек пограничья. Он чувствовал себя европейцем, но большая часть его сознательной жизни прошла в Советской России. Дореволюционную Одессу Олеша описывает как стопроцентно европейский город. Как верно подметил Сергей Беляков, «полиэтничная Одесса начала ХХ века виделась Олеше исключительно европейским городом» [Беляков, 2004]. «Образ Одессы, запечатленный в моей памяти, — это затененная акациями улица, где в движущейся тени идут полу-кругом по витрине маленькие иностранные буквы. В Одессе я научился считать себя близким к Западу. Я видел загородные дороги, по сторонам которых стояли дачи с розами на оградах и блеском черепичных крыши. Дороги вели к морю. Я шел вдоль оград, сложенных из камня-из-

вестняка»; «Одесса, в которой я провел детство, была похожа на европейские города» и др. (Юрий Олеша. 2006. С. 27, 372).

После революции все, конечно, изменилось, между Советской Россией и Европой опустился «железный занавес». Символично, что с точки зрения Олеши этот занавес вовсе не железный, он выглядит скорее как «серый забор». В «Книге прощания» оппозиция Россия / Европа артикулируется неоднократно: *«А может быть, просто нужен мне технически богатый ослепительный город, которыми давят меня Запад, — меня, видящего серый забор, нищету, русские затхлые буквы в мире, где строится социализм? Ведь может быть такой ужас: что преданность будущему, т.е. грандиозности техники, есть просто тоска о Европе настоящего времени. Быть может, если бы я жил в Европе, то мне и не нужно было бы мечтать о будущем?»* (Там же. С. 45). Характерно, что эта серия риторических вопросов следует сразу после указания на писателя, книги которого сформировали мировоззрение Олеши: *«Я, в детстве читавший Уэллса»*.

Покосившимся русским заборам Олеша противопоставляет изящные ограды Европы: *«Уже не заборы кое-где, а именно дачные ограды — может быть, некоторые исполнены и в Париже»* (Там же. С. 266). Разница в том, что забор «глухой» и неэстетичный, ограда же — прозрачна и прекрасна. Валерий Савчук подмечает: *«...ограда проницаема для света и взгляда, если к тому же она произведение искусства, то язык не повернется назвать ее забором»* [Савчук, 2015, с. 16]. Вспомним, что в детстве Олеша заглядывал за чужие ограды, поставив на них локти. Можна вообразить не только прозрачность, но и малую высоту этих оград, раз ребенок без усилий может на них облокотиться. Ограда имеет сугубо декоративную функцию, владельцы таких участков не имеют цели обезопасить себя от внешнего мира или же скрыть от посторонних глаз то, чем они обладают. Парадоксально, но европейские ограды создают ощущение приобщенности к чужим благам из-за отсутствия стремления хозяина этих благ скрыть их от любопытствующих взглядов.

Если спутники забора «обида и зависть», то спутники ограды — мечта и вера в ее осуществимость. Главная героиня пьесы Олеши «Список благоденствий» (1931) Елена Гончарова обращает внимание на то, что в советском садоводстве кусты жасмина никак не огорожены. И это ей совсем не нравится. *«Нет чужой цветущей изгороди, за которую заглядывает бедняк, мечтающий о богатстве. <...> Ощущение запаха и цвета жасмина становится неполноценным...»* — объясняет она свое недовольство [Гудкова, 2002, с. 311].

По версии Кенета Кларка, «рай — огороженное место» [Кларк, 2004, с. 291]. Строительство же советского рая началось с разрушения стен. Во всяком случае, именно так это представляет себе Леля Гончарова и Олеша вместе с ней. «Я однажды видела, — рассказывает Леля, — как валилась стена. Высокая стена. Ее веревками... Сперва она наклонилась и несколько секунд, а может быть, целую минуту стояла неподвижно в наклонном положении... Тишина наступила страшная. Впервые в природе этой местности совершилось падение большого тела, и природа этой местности — домики, мостовая, заборы, обыкновенный городской кусок — как бы ужаснулась, воспринимая такой грандиозный физический акт. В лесу падают сосны, в горах — происходят обвалы, но... в городе стены падают редко. И зрешище получилось патетическое» [Гудкова, 2002, с. 213]. Иносказательный смысл эпизода очевиден. Самая интересная деталь здесь — стена упала, а заборы остались.

Забор для чужого взгляда, разумеется, более непроницаем, чем ограда или изгородь, и хотя кое-какая возможность для подглядывания все же остается, ситуация меняется радикально. В детстве «*статуи чужих садов, цветники, дорожки, сверкающие суроком гравия*», не раздражали самолюбия Олеша, потому что «*мир принадлежал ему*» ((Юрий Олеша. 2006. С. 28). Теперь же и самому Олеше, и его героям только и остается через щель в заборе смотреть с завистью на новую жизнь, в которую их никогда не пустят.

В романе «Зависть» Иван Бабичев и Кавалеров наблюдают за своими врагами сквозь брешь в стене, которая названа «*амбразурой*» (Юрий Олеша. Избранное. 1974. С. 81). В русском языке слово это, известное с начала XVII века, впервые встречается в «*Уставе ратных дел*» (1607–1621), означает оно «*отверстие в укреплении, баррикаде, башне для стрельбы орудий, бойница*» [Черных, 1994, с. 41]. Олеша не зря использует понятие из военной сферы. Лишенный возможности приобщиться к дивному новому миру, Иван Бабичев собирается хотя бы бросить ему вызов. «*Подождите, я сейчас влезу на стену и обругаю их...*» — говорит он трусливо убегающему Кавалерову. На стену, однако, взбирается его дочь Валя, а Иван, признав свое поражение, мечтает ослепнуть и в итоге «*тяжко шлепается к подножию стены*» (Юрий Олеша. Избранное. 1974. С. 82).

Мизансцена эта типично олешевская. Позицию «на заборе» в его произведениях занимают либо дети, либо юные представители нового мира. Представители старого же мира остаются за пределами советского рая. Так, военный не пропускает Кавалерова на летное поле, где проходит испытание советского аэроплана новой конструкции. «*Вы*

не оттуда», — говорит он. За барьером тоже «было отличное место для наблюдения», но Кавалеров «вдруг ясно осознал свою непринадлежность к тем, которых созвали ради большого и важного дела, полную ненужность *<своего>* присутствия среди них, оторванность от всего большого, что делали эти люди, — здесь ли, на поле, или где-либо в других местах» (Юрий Олеша. Избранное. 1974. С. 34). Герой «мучительно переживает свою грунтовость, приземленность, потерю чистоты, легкости. Кавалерова не пускают на аэродром, утверждая его чуждость миру новых людей, строящих новое общество» [Ушакова, 2013, с. 302]. И на стадионе в момент апофеоза Володи Макарова «Кавалерову не хватило духу проникнуть за триумфальное кольцо. Он заглядывал в щели, топчясь за толпой» (Юрий Олеша. Избранное. 1974. С. 87).

Иван Бабичев помещает свою мечту — «универсальную машину машин» — за «доцатым невысоким заборчиком» (Там же, с. 72). Несмотря на незначительность такого препятствия, и оно непреодолимо. После очередного подглядывания через щель создатель «Офелии» вообще вынужден спасаться бегством: «Иван бежал от забора на Кавалерова — быстро семенил ножками — свист летел за ним, как будто Иван не бежал, а скользил, нанизанный на ослепительный свистовой луч.

— Я боюсь ее! Я боюсь ее! — услышал Кавалеров задыхающийся шепот Ивана» (Там же, с. 73).

В действительности Офелией, повергшей в ужас Ивана Бабичева, оказался ребенок, замеченный Кавалеровым на заборе: «— Слушайте, — сказал он, — какая чепуха! Просто мальчик свистел в два пальца. Я видел. Мальчик появился на заборе и свистел... Ну да, мальчик...» (Там же, с. 74).

Совершенно неслучайно дети в художественном мире Олеши занимают позицию на заборе, в пространстве, разделенном разного рода барьерами, они находятся на границе или даже над границей. Как в сказке «Три толстяка», где мальчишки распевают озорные куплеты про учителя танцев Раздватриса, «сидя на заборе, готовые каждую минуту свалиться по ту сторону и улепетнуть» (Там же, с. 113). Ребенок — медиатор между двумя мирами — реальным (миром взрослых) и фантазийным (миром детей). Для Олеши особенно важна возможность додумывания незримого мира за преградой, поэтому пространство за забором — область тайны, простор для воображения. Правда, за советским забором, как выясняется, нет ничего, кроме внушающей страх и отчаяние пустоты: «Забор манил, и, однако, вероятнейше допускалось, что никакой тайны нет за серыми обычными досками» (Там же, с. 72).

Заключение

Итак, забор, пусть серый и невзрачный, нужен для того, чтобы в ход могла пойти фантазия. Он является небезопасным, шатким и очень условным барьером между реальным миром и миром воображения. Закрыв глаза, можно увидеть иную реальность — погрузиться в физиологический или искусственно смоделированный сон, подойдя к глухому забору, можно добиться того же эффекта. Прямой зрительный контакт взрослого с содержимым зазаборья несет неминуемое крушение потустороннего мира и пробуждение. И только дети, подобно маленькому Уоллесу, вошедшему в зеленую дверь впервые, способны физически соприкоснуться со сном-реальностью, который никогда не утратит своей силы.

Конфликт Олеси с эпохой протекал в предельно острой форме. Писатель доходил порой до полного отрицания окружающего мира. Н.А. Гуськов и В.А. Кокорин даже думают, что «автор „Книги прощания“ доходит до прямого солипсизма» [Гуськов, Кокорин, 2017, с. 366]. Социальные роли и модели поведения, выбираемые Олешей для самозащиты и способности адаптироваться в стремительно перестраивающемся советском мире, помогали ему сохранять шаткое равновесие — игра, нацеленная на выживание, имела правила, понятные только одному игроку, смоделировавшему свою собственную реальность, в которой он сам и представлял собой весь мир, подлинный и реалистичный в своей нереальности.

Повышенное внимание к хронотопу пограничья не могло не отразиться на всем жизненном и творческом пути Юрия Олеси, его статус попутчика в новом советском мире — убедительное тому доказательство.

Библиографический список

Беляков С. Европеец в русской литературе: нерусский писатель Юрий Олеша // Урал. 2004. № 10. Электронный ресурс: <https://magazines.gorky.media/ural/2004/10/evropeecz-v-russkoj-literature-nerusskij-pisatel-yuriy-olesha.html>

Блум Г. Страх влияния: теория поэзии (Главы из книги) // Новое литературное обозрение. 1996. № 20. С. 17–35.

Воспоминания о Юрии Олеше. М.: Советский писатель, 1975. 304 с.

Гудкова В. Юрий Олеша и Всеялод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеяний». М.: Новое литературное обозрение, 2002. 608 с.

Гуськов Н.А., Кокорин А.В. Чудотворец, завистник, и «истинный низкий» Олеша // Олеша Ю.К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. СПб.: Вита Нова, 2017. С. 331–371.

Кларк К. Пейзаж в искусстве. СПб.: Азбука-классика, 2004. 303 с.

Перцов В.О. «Мы живем впервые». О творчестве Юрия Олеши. М.: Сов. писатель, 1976. 239 с.

Савчук В. Забор как искушение // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2015. № 88. С. 9–26.

Ушакова А.Н. Символика крыльев/полета в прозе Ю.К. Олеши // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1 (2). С. 301–303.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Рус. яз., 1994. 625 с.

Чудакова М.О. Мастерство Юрия Олеши. М.: Наука, 1972. 100 с.

Источники

Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1984. С. 7–226.

Олеша Ю. Избранное. М.: Худож. лит., 1974. 576 с.

Олеша Ю.К. Книга прощания. М.: Вагриус, 2006. 480 с.

Уэллс Г. Дверь в стене // Уэллс Г. Человек-невидимка. Машина времени. Рассказы. М.: Юридическая литература, 1982. С. 367–379.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. 1898–1903. М.: Наука, 1986. 491 с.

References

Belyakov S. The European in Russian literature: non-Russian writer Yuri Olesha. *Ural = Урал*, 2004, no. 10. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/ural/2004/10/evropeecz-v-russkoj-literature-nerusskij-pisatel-yuriy-olesha.html> (In Russian)

Blum G. Fear of influence: Theory of poetry (Chapters from the book). *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Review, 1996, no. 20, pp. 17–35. (In Russian)

Memories of Yuri Olesha, Moscow, 1975, 304 p. (In Russian)

Gudkova V. Yuri Olesha and Vsevolod Meyerhold at work on the play “The List of Benefits”, Moscow, 2002, 608 p. (In Russian)

Gus’kov N.A., Kokorin A. V. The miracle worker, envious of the “true beggar” Olesha. In: Olesha Yu. K. Envy. A conspiracy of feelings. A strict young man, St. Petersburg, 2017, pp. 331–371. (In Russian)

Klark K. Landscape in art, St. Petersburg, 2004, 303 p. (In Russian)

Pertsov V.O. "We're living for the first time." About the work of Yuri Ole-sha, Moscow, 1976, 239 p. (In Russian)

Savchuk V. The fence as a temptation. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku* = Collection of Matica Srpska for slavistics. Novi Sad, 2015, no. 88, pp. 9-26. (In Russian)

Ushakova A.N. The symbolism of wings / flight in the prose of Yu. K. Ole-sha. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 2013, no. 1 (2), pp. 301-303. (In Russian)

Chernykh P. Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Russian language, vol. 1. Moscow, 1994, 625 p. (In Russian)

Chudakova M. O. The skill of Yuri Olesha, Moscow, 1972, 100 p. (In Russian)

List of Sources

Kataev V.P. My diamond crown. In: Kataev V. P. Collected works: in 10 vol., vol. 7. Moscow, 1984, pp. 7-226. (In Russian)

Olesha Yu. Favourites, Moscow, 1974, 576 p. (In Russian)

Olesha Yu. K. The Book of Farewell, Moscow, 2006, 480 p. (In Russian)

Wells G. The door in the wall. *Uells G. Chelovek-nevidimka. Mashina vremen* = Wells G. The Invisible Man. The time machine. Short stories, Moscow, 1982, pp. 367-379. (In Russian)

Chekhov A. P. The Complete collection of writings and letters in 30 vol., vol. 10. Moscow, 1986, 491 p. (In Russian)

О ТИПИЧНЫХ ОШИБКАХ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *THING* РУССКОЯЗЫЧНЫМИ СТУДЕНТАМИ

Т.Н. Гарьковская

Ключевые слова: существительное широкой семантики, ошибки при переводе, концептуальная структура, дискурсивные функции, широкозначность, дейксис

Keywords: broad semantics noun, translation mistakes, conceptual structure, discourse functions, broad semantics, deixis

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-14)

Введение

Понимание иноязычной письменной речи — сложный процесс, который требует от человека владения определенными когнитивными навыками и умениями. Перевод является одним из способов понимания иноязычных текстов, при котором концепты трансформируются в зависимости от фонового знания и контекста, результатом чего являются смыслы, которые, в свою очередь, образуют смысловые структуры в сознании [Фурсова, 2013, с. 71]. С точки зрения взаимодействия картин мира двух языков при переводе происходит проецирование на уровне концептуальных и языковых картин двух культур, а также отдельных концептов и их содержательных признаков [Заботкина, 2021, с. 40].

На определяющую роль контекста при интерпретации значения существительных широкой семантики английского языка, таких как *thing*, указывает Л.А. Козлова [Козлова, 2023, с. 244]. Лингвист оперирует расширенным пониманием контекста как сложного комплекса знания не только о языке и его когнитивных механизмах, но и о типе дискурса, культурной специфике и др., что влияет на понимание значения языкового знака в процессе перевода с одного языка на другой [Там же].

В данной статье мы покажем, что анализ типичных ошибок при переводе полифункционального существительного *thing* с английского языка на русский в разных его дискурсивных функциях может установить причины, по которым студенты — экономисты и лингвисты — испытывают трудности при восприятии фрагментов текста с *thing*. Также ставится вопрос о том, является ли буквальный перевод *thing* ошибкой

или допущением, если речь идет о понимании текста, а не профессиональном переводе. Так, добавление или опущение не рассматривалось как ошибка, если это не приводило к искажению смысла [Kim, 2009, р. 135]. Перевод рассматривается нами в рамках когнитивного подхода.

Ошибки при переводе с английского языка на русский у студентов 1, 2 курсов неязыковых специальностей уже были предметом исследования в 2021 году. Так, Д.М. Терентьева выделила основные типы ошибок при переводе в результате межъязыковой интерференции и предложила способы их преодоления [Терентьева, 2021]. Лингвист указывает на то, что одной из типичных ошибок при переводе *thing* является чрезмерная генерализация значения [Там же, с. 532].

Актуальность нашего исследования определяется тем, что при анализе студенческих работ перевода существительного *thing* фокус внимания направлен на правильность понимания смысла, передаваемого гибкой концептуальной структурой *thing*, а не на профессиональный литературный перевод. Также сравниваются ошибки в двух группах студентов: неязыковой специальности и языковой.

Теоретической базой исследования послужили работы лингвистов: Р.Р. Николаевской в области перевода, Х. Шмидта и О.К. Ирисхановой по когнитивной семантике, В.И. Карасика по теории дискурса и других.

Так, Р.Р. Николаевская исследовала особенности перевода существительного *thing* в рамках структурного подхода [Николаевская, 2003, с. 92–96]. С точки зрения когнитивного подхода Х. Шмидт отмечает особое свойство существительного *thing* инкапсулировать в свои концептуальные рамки любой тип опыта. Обладая гибкой концептуальной структурой, отмечает лингвист, данное имя существительное может актуализировать не только конкретные объекты, но и абстрактные сущности, события или пропозиции [Schmid, 2018, р. 112]. В этой связи Л.К. Шамина отмечает разную скорость обработки мозгом конкретных и абстрактных понятий по причине сложной организованности последних [Шамина, 2023, с. 76].

Отмечая многоаспектность данной широкозначной единицы, лингвисты подчеркивают способность *thing* участвовать в осуществлении дискурсивного дейкса для организации информации в дискурсе [Ирисханова, 2014, с. 114; Schmid, 2018, р. 112]. Дискурсивная функция *thing* в том, чтобы обратиться к информации внутри предложения, в тексте или за его пределами [Ivančić, 1991, р. 107]. Тем самым *thing* функционирует катафорически или анафорически, как бы сигнализируя [Flowerdew, Forest, 2016, р. 43] о том, где в дискурсе содержится смысл сообщаемого. Следует подчеркнуть сигнализирующую и свя-

зеобразующую функции слов широкой семантики в дискурсе [van Dijk, 2008, p. 186]. Х. Шмид указывает на частое использование модели *the thing is (that)* как клишированной фразы в разговорном общении [Schmid, 2020, p. 8]. Таким образом, существительное *thing* является ча-стоупотребимым в обиходном дискурсе, который, по мнению В.И. Ка-расика, часто строится на «действических знаках и формульных кли-шированных выражениях разговорной речи», поскольку главная цель обиходной коммуникации состоит в информировании, не лишенном эмоций [Карасик, 2022, с. 63].

Методы исследования

В данной работе используется эмпирический метод эксперимента, который проводился в мае 2024 года.

В эксперименте приняли участие 130 студентов двух направлений: экономисты и лингвисты с продвинутым уровнем (3 курс) и средним уровнем владения английским языком (1, 2 курсы). Каждому студенту было предложено перевести с английского языка на русский без исполь-зования словаря 9 предложений с существительным широкой семан-тики *thing*. Предложения взяты из британской прессы на разную тема-тику (бизнес, обзор книг, спорт, тенденции, искусство и развлечения).

*This certificate is valid for three years from the date of issuance, but you will have to **make things clear** to the buyer since it is assumed that the old car comes with insurance* (The Economic Times. Business).

*People drive around and meet one another in a novel that is set in the Irish countryside. I don't know why this seems like **an amazing thing** for them to do* (The Guardian. Book Review).

*For me **the only thing that matters** is the day-to-day and working today for tomorrow. I am not looking further than tomorrow*” (The Independent. Sports — Football).

*The **most important thing to remember**, when you write a book and release it, is that you are entering into a relationship with the reader and you owe it to them to provide a product that is as professional as possible* (The BBC News. The Art and Entertainment)

*For me, the technical side of ballet is just the pallet that we work with. I love doing **the ballerina thing**, of course I do, but I feel like I'm starting to give more to my performances and I believe that is because of everything I've been through* (The BBC News. The Art and Entertainment).

*I'm quite good at switching off at the end of the day and that's hugely im-
portant. On days off you'll find me wearing jeans, trainers, my parka coat —
that sort of thing* (The BBC News. The Art and Entertainment).

Amanda Marcotte tweeted negative comments about the trend, and told the BBC: "In my experience anyone who uses the word 'female' where 'woman' would work much better is probably going to say something vile and sexist. Both men and women tell lies because it's not a gendered thing to do, but a human thing to do. Why single out 'females' for it?" (The BBC News. Trending).

There is no such thing as the banking profession (Financial Times).

It's probably a joke. I don't find it funny. But that's OK. Because this is the thing about comedy — we can't all have the same sense of humour (The Guardian. The Art and Entertainment).

Все переводы были собраны для дальнейшего анализа. Для обработки эмпирических данных использовался метод сопоставительного анализа перевода с оригиналом, а также самих переводов друг с другом. Ошибки были классифицированы по типам: буквализм (дословный перевод с искажением или сохранением смысла), неправильная конкретизация и игнорирование контекста и(ли) непонимание связей в тексте. Далее проводилось сравнение переводов между студентами разных уровней владения языком и направлений для выявления основных типов ошибок. Также проводился подсчет частоты каждого типа ошибок среди разных групп студентов для выявления закономерностей в ошибках у студентов по специальности и уровня владения английским языком.

Цель эксперимента: выявить типичные ошибки перевода предложений с существительным широкой семантики *thing* и установить, как неправильный перевод существительного *thing* может повлиять на понимание фрагмента текста в целом. А также задача состояла в том, чтобы проанализировать, является ли дословный перевод *thing* преградой для передачи адекватного смысла высказывания на русский язык.

В этой связи необходимо проанализировать:

- 1) как понимают студенты устойчивое выражение с *thing* (пример 1);
- 2) видят ли они *thing* как избыточный элемент и, соответственно, опускают его при переводе (примеры 2, 7, 8);
- 3) понимают ли связи внутри предложения и отсылку к последующему контексту (примеры 3, 4, 8);
- 4) способны ли передать обобщенное значение *thing* в структуре *do+определение+thing* (пример 5);
- 5) понимают ли, что *that sort of thing* относится к разговорной фразе обобщения (пример 6);
- 6) способны ли понять смысл *thing* по его позиции в предложении и дейктической функции отсылки как к предыдущему, так и к последующему контексту (пример 9).

Результаты и обсуждение

В таблице представлены результаты типичных ошибок по каждому примеру, приведенному выше, а также результаты статистического анализа количества ошибок в зависимости от специализации студентов и их уровня владения английским языком.

Типичные ошибки и результаты статистического анализа количества ошибок в зависимости от специализации студентов и их уровня владения английским языком

	Тип структуры	Тип ошибки	Студенты-экономисты, количество ()	Студенты-лингвисты, количество ()
1	thing в составе устойчивого выражения	Дословный перевод thing с сохранением смысла	3 курс (2) 1, 2 курс (6)	3 курс (–) 1, 2 курс (4)
		дословный перевод всего выражения с искажением смысла	3 курс (–) 1, 2 курс (6)	3 курс (–) 1, 2 курс (11)
2	Определение+thing — прилагательное в функции экспрессии	Дословный перевод thing с сохранением смысла	3 курс (3) 1, 2 курс (8)	3 курс (3) 1, 2 курс (4)
3	the only thing+that clause в составе сложного предложения — катафора	Дословный перевод thing с сохранением смысла	3 курс (6) 1, 2 курс (12)	3 курс (3) 1, 2 курс (15)
4	the most important thing+to Infinitive+is that clause в составе сложного предложения — катафора	Дословный перевод thing с сохранением смысла	3 курс (3) 1, 2 курс (13)	3 курс (2) 1, 2 курс (10)
5	to do+определение+thing (широкозначный глагол и широкозначное существительное) — модель обобщенного представления действия, где определение — семантический центр	Дословный перевод	3 курс (5) 1, 2 курс (10)	3 курс (2) 1, 2 курс (12)
		дословный перевод + добавление по собственной инициативе	3 курс (3) 1, 2 курс (8)	3 курс (8) 1, 2 курс (10)
		вольный перевод, свое видение	3 курс (–) 1, 2 курс (2)	3 курс (–) 1, 2 курс (3)
		ошибочный перевод / не понят смысл	3 курс (3) 1, 2 курс (14)	3 курс (2) 1, 2 курс (5)

	Тип структуры	Тип ошибки	Студенты-экономисты, количество ()	Студенты-лингвисты, количество ()
6	Разговорный узус — использование <i>thing</i> имеет обобщенный характер	Дословный перевод <i>thing</i> с сохранением смысла ошибочный перевод	3 курс (—) 1, 2 курс (2) 3 курс (—) 1, 2 курс (14)	3 курс (—) 1, 2 курс (—) 3 курс (—) 1, 2 курс (2)
7	Определение+ <i>thing</i> +инфinitив (широкозначный глагол) — <i>thing</i> структурный элемент, при переводе опускается	Дословный перевод <i>thing</i> с сохранением смысла ошибочный перевод / не понят смысл	3 курс (1) 1, 2 курс (1) 3 курс (2) 1, 2 курс (9)	3 курс (—) 1, 2 курс (6) 3 курс (—) 1, 2 курс (3)
8	<i>thing</i> — анафорическая связь, при переводе опускается	Дословный перевод <i>thing</i> эмоционально-положительное ложное видение эмоционально-отрицательное ложное видение ошибочный перевод / не понят смысл	3 курс (3) 1, 2 курс (4) 3 курс (4) 1, 2 курс (—) 3 курс (—) 1, 2 курс (1) 3 курс (4) 1, 2 курс (19)	3 курс (1) 1, 2 курс (7) 3 курс (—) 1, 2 курс (4) 3 курс (—) 1, 2 курс (—) 3 курс (3) 1, 2 курс (11)
9	<i>thing</i> как двусторонний дейксис (анафора-катафора)	Дословный перевод <i>thing</i> с сохранением смысла дословный перевод <i>thing</i> с искажением смысла вольный перевод ошибочный перевод / не понят смысл	3 курс (—) 1, 2 курс (2) 3 курс (—) 1, 2 курс (3) 3 курс (1) 1, 2 курс (—) 3 курс (1) 1, 2 курс (15)	3 курс (—) 1, 2 курс (—) 3 курс (—) 1, 2 курс (—) 3 курс (1) 1, 2 курс (3) 3 курс (—) 1, 2 курс (11)

Данные, приведенные в таблице, позволяют утверждать, что вне зависимости от специализации студенты со средним владением английским языком склонны к дословному переводу *thing* (примеры 1, 2, 3, 4). Студенты-лингвисты показали более вольный описательный перевод с добавлением по собственной инициативе — 18 лингвистов против 11 экономистов (пример 5). Следует отметить, что для экономистов пред-

ложение не по экономической тематике (пример 5) вызвало сложность в переводе. Так, 17 студентов-экономистов не поняли смысл в сравнении с 7 лингвистами.

Дискурсивный маркер перечисления *that sort of thing* (пример 6), который является общеупотребимым в общедоминантном дискурсе, неправильно перевели студенты со средним уровнем владения английским языком, а именно 14 экономистов против 2 лингвистов. По всей видимости, лингвисты больше знакомы с таким употреблением *thing* в силу своей специализации. По той же причине лингвисты лучше справились с интерпретацией *thing* как структурного элемента (пример 7). Только 3 лингвиста со средним уровнем не поняли смысл предложения в сравнении с 11 экономистами.

Примечательно, что предложение про банковскую профессию (пример 8) с отрицательной сравнительной структурой *no such thing as* ошибочно истолковали 23 студента-экономиста, что на 10 студентов больше, чем лингвистов. Причиной тому может быть тот факт, что экономисты не восприняли информацию как возможно истинную, так как это было подано в *Financial Times*, и, как результат, перевели предложение как посчитали нужным. Самым сложным для понимания всеми студентами оказался фрагмент текста, в котором *thing* выступает в роли двустороннего дейктика с отсылкой к предыдущему и последующему контекстам (пример 9). Ведь именно на стыке катафоры и анафоры формируется значение *thing*, которое не поняли 16 экономистов и 11 лингвистов.

Следует отметить, что, когда ошибки были сгруппированы по типам (см. диаграммы 1–3), самой многочисленной среди всех опрашиваемых студентов по количеству оказалась ошибка неправильного понимания смысла по причине игнорирования контекста и(ли) анафорических / катафорических связей, причем у студентов со средним уровнем владения английским языком эта ошибка выше в семь раз.

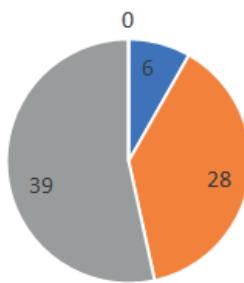
При сравнении трех выявленных типов ошибок у двух групп по специальности (см. диаграммы 2 и 3) выяснилось, что дословный перевод существительного *thing* привел кискажению смысла всего предложения (пример 1) лингвистами почти вдвое больше, чем экономистами. Скорее всего, многие лингвисты 1, 2 курсов не знали устойчивое выражение *make things clear*, а вот экономисты продемонстрировали языковую догадку по контексту в рамках делового дискурса. И наоборот, у почти в три раза большего числа студентов-экономистов возникла сложность в подборе адекватного слова с более узкой семантикой, которое сможет конкретизировать широкое значение *thing*. В ре-

зультате студенты предпочли перевести *thing* дословно, используя русский эквивалент «вещь» (примеры 5, 7).

Диаграмма 1. Типичные ошибки всех студентов

Студенты-экономисты

- дословный перевод с искажением
- неправильная конкретизация
- игнорирование контекста/анафоры и(ли) катафоры

Диаграмма 2. Типичные ошибки студентов-экономистов

Диаграмма 3. Типичные ошибки студентов-лингвистов

Ограничением данного исследования явилось изучение правильности понимания девяти функций широкозначного существительного *thing* в обиходном и деловом дискурсах (см. табл.). Данные примеры с иллюстрацией девяти разных употреблений существительного *thing* были выбраны как самые частотные в обоих типах дискурса и потенциально вызывающие трудности в интерпретации у студентов.

При сравнении переводов по специальности можно отметить, что ошибки перевода *thing* у студентов-экономистов среднего уровня владения английским языком связаны с несколькими причинами:

- 1) сложности в понимании более тонких контекстуальных нюансов, например связей в тексте;
- 2) большая сфокусированность на передаче основных идей, а не на подборе нужного эквивалента на русском языке;
- 3) незнание разговорных клишированных выражений с *thing*, так как они ориентированы на термины и лексику, характерные для делового дискурса.

Для студентов-лингвистов 1 и 2 курсов сложности перевода с *thing* могут быть связаны с:

- 1) недостаточными знаниями учета контекстуальных особенностей и типов дискурса;

2) незнанием / невладением на ранних этапах обучения приемов перевода *thing* в разных дискурсивных функциях;

3) еще не выработанными знаниями передачи устойчивых выражений с широкозначным существительным *thing* и ограниченным опытом владения такими выражениями в активном арсенале.

Поэтому для улучшения качества понимания текста на иностранном языке, особенно для студентов-лингвистов, важно понимать связи между познавательной деятельностью (cognition) и владением навыками не только письменного, но и устного перевода, а также перевода с листа [López, Martín, 2018, p. 357].

Выводы

Проанализировав типичные ошибки, можно сделать вывод, что основная причина трудностей при переводе существительного широкой семантики *thing* связана с его полифункциональностью и более широкой сочетаемостью по сравнению с русским эквивалентом «вещь». Это приводит к тому, что студенты часто переводят *thing* буквально. Такой подход может быть оправдан для студентов-экономистов, поскольку их внимание сосредоточено на содержании текста, а не на выборе слов. Однако для студентов-лингвистов это серьезная профессиональная ошибка, которая противоречит нормам литературного русского языка и принципам переводоведения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что определение типичных ошибок при переводе существительного *thing* может способствовать созданию эффективных методик обучения перевода для студентов разных направлений подготовки с учетом уровня владения иностранным языком. Так, необходимо ознакомить студентов с разницей в интерпретации широкозначного существительного *thing*, обусловленной типом дискурса. Также важно научить студентов видеть связи в тексте, на которые указывает *thing* в роли дискурсивного дейкса, что приведет к более осмысленному пониманию текста.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, могут стать основой для анализа когнитивных процессов восприятия, обработки и интерпретации информации при переводе слов с широким значением у студентов разных специальностей и уровня подготовки. Еще предстоит ответить на вопрос, какие ресурсы памяти и стратегии необходимы для успешной интерпретации широкозначных слов. В перспективе можно провести эксперимент, чтобы определить, насколько студенты осознают переводческий процесс в целом и как они контролируют качество перевода существительных широкой семантики, в част-

ности. Это позволит разработать эффективные стратегии перевода и обучить им студентов.

Библиографический список

Заботкина В.И. Когнитивные механизмы перевода // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 40–44.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Карасик В.И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-2. С. 61–71. Электронный ресурс: <https://www.doi.org/10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71>

Козлова Л.А. Когнитивный контекст и его роль в процессах перевода // Фундаментальные ценности языка и культуры : сб. статей. Новосибирск, 2023. С. 243–256.

Николаевская Р.Р. Проблема широкозначности и перевод // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2003. № 480. С. 83–99.

Терентьева Д.М. Переводческие ошибки как результат лингвистической интерференции английского языка (на материале студенческих практических работ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 531–536. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-oshibki-kak-rezulat-lingvisticheskoy-interferentsii-angliyskogo-yazyka-na-materiale-studencheskikh-prakticheskikh>

Фурсова И.Н. Когнитивный подход в переводоведении // Lingua Mobilis. 2013. № 6 (45). С. 66–73.

Шамина Л.К. Противопоставление абстрактного конкретному: в поисках нейроКогнитивных обоснований лингвистической дихотомии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 73–83. Электронный ресурс: <https://www.doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-73-83>

Dijk T. A. van. Discourse and context: A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p. <https://www.doi.org/https://doi.org/10.1017/CBO9780511481499>

Flowerdew F., Forest R. Signalling nouns in English. A corpus-based discourse approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 306 p. <https://www.doi.org/10.1075/fol.23.1.06jia>

Ivanič R. Nouns in search of a context: A study of nouns with both open- and closed-system characteristics // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. Heidelberg, 1991. Pp. 93–114. <https://www.doi.org/10.1515/iral.1991.29.2.93>

Kim M. Meaning-oriented assessment of translations // Testing and assessment in translation and interpreting studies: a call for dialogue between research and practice, Amsterdam, 2009. Pp. 123–157. <https://www.doi.org/10.1075/ata.xiv>

López A.M.R., Martín R.M. Translation process research // The Routledge handbook of translation and methodology. Routledge, 2022. Pp. 356–372. Электронный ресурс: <https://www.doi.org/10.4324/9781315158945>

Schmid H.-J. Shell nouns in English — a personal roundup. Capilletra // Revista Internacional de Filología. 2018. №. 64. Pp. 109–128. Электронный ресурс: <https://www.doi.org/> <https://doi.org/10.7203/capilletra.64.11368>

Schmid H.-J. How the entrenchment-and-conventionalization model might enrich diachronic construction grammar: The case of (the) thing is (that) // Belgian Journal of Linguistics. 2020. Т. 34. №. 1. Pp. 306–319. Электронный ресурс: <https://doi.org/10.1075/bjl.00055.sch>

References

Fursova I.N. Cognitive approach in translation studies. *Lingua Mobilis*, 2013, no. 6 (45), pp. 66–73. (In Russian)

Iriskhanova O.K. Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing, Moscow, 2014, 320 p. (In Russian)

Karasik V.I. Discourse precision: functional characteristics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika* = Bulletin of Moscow Region State University, 2022, vol. 2, no. 3, pp. 61–72. <https://www.doi.org/10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71> (In Russian)

Kozlova L.A. Cognitive context and its role in translation processes. *Fundamental'nye cennosti jazyka i kul'tury. Sbornik statej* = Fundamental values of language and culture. Collection of articles, Novosibirsk, 2023, pp. 243–256. (In Russian)

Nikolaevskaya R.R. The problem of broad semantics and translation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2003, no. 480, pp. 83–99. (In Russian)

Shamina L.K. Abstract vs Concrete: In Search for Neurocognitive Justification of the Linguistic Dichotomy. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhhuk'turnaja kommunikacij* = Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023,

vol. 21, no. 3, pp. 73–83. <https://www.doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-73-83> (In Russian)

Terentyeva D.M. Translation mistakes as a result of linguistic interference of the English language (by the example of students' works). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktik* = Philology. Theory and Practice, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 531–536. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-oshibki-kak-rezulstat-lingvisticheskoy-interferentsii-angliyskogo-yazyka-na-materiale-studencheskih-prakticheskikh> (In Russian)

Zabotkina V. I. Cognitive mechanisms of translation. *Kognitivnye issledovaniya jazyka* = Cognitive studies of language, 2021, no. 3 (46), pp. 40–44. (In Russian)

Dijk T. A. van. Discourse and context: A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 267 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511481499>

Flowerdew F, Forest R. Signalling nouns in English. A corpus-based discourse approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 306 p. Retrieved from: <https://www.doi.org/10.1075/fol.23.1.06jia>

İvanič R. Nouns in search of a context: A study of nouns with both open- and closed-system characteristics. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. Heidelberg, 1991, pp. 93–114. <https://www.doi.org/10.1515/iral.1991.29.2.93>

Kim M. Meaning-oriented assessment of translations. *Testing and assessment in translation and interpreting studies: a call for dialogue between research and practice*. Amsterdam, 2009, pp. 123–157. <https://www.doi.org/10.1075/ata.xiv>

López A.M.R., Martín R.M. Translation process research. *The Routledge handbook of translation and methodology*, Routledge, 2022, pp. 356–372. <https://doi.org/10.4324/9781315158945>

Schmid H.-J. How the entrenchment-and-conventionalization model might enrich diachronic construction grammar: The case of (the) thing is (that). *Belgian Journal of Linguistics*, 2020, t. 34, no. 1, pp. 306–319. <https://doi.org/10.1075/bjl.00055.sch/>

Schmid H.-J. Shell nouns in English — a personal roundup. *Caplletra. Revista Internacional de Filología*, 2018, no. 64, pp. 109–128. <https://doi.org/10.7203/caplletra.64.11368/>

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В РОССИЙСКИХ РЕДАКЦИЯХ СМИ

Е.А. Важина

Ключевые слова: коммуникационные модели, СМИ, редакционный менеджмент, управляемые коммуникации, журналистика

Keywords: communications models, mass media, media management, editorial management, journalism, management communications

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-15)

Введение

Внутреннюю структуру редакции СМИ и ее трансформацию в результате конвергентного перехода в последние годы изучают как в России, так и за рубежом, однако комплексных работ, посвященных этому направлению, довольно немного. Большинство исследователей посвящают свои публикации формату конвергентной редакции, в то время как разработкой редакционных моделей и моделей управляемых коммуникаций в настоящее время и описанием существовавших практически никто не занимается. Е.А. Баранова [Баранова, 2010, с. 91-100] рассматривала влияние новых технологий на структуру редакции, В.А. Овчинников [Овчинников, 2011, с. 73-80] изучал принципы модернизации редакционной стратегии, А.В. Вырковский писал о базовой организационной структуре редакции [Вырковский, 2017, с. 136-151], А.С. Юферева исследовала проблему виртуальной редакции [Юферева, 2019. с. 100-104], Л.С. Махакова и А.В. Шадрина занимались выявлением методики оценки эффективности работы редакции СМИ [Махакова, Шадрина, 2020. с. 41-47].

Как теоретики, так и практики СМИ пытались вывести единую универсальную структуру редакции, которая была бы применима для всех изданий. С.М. Гуревич предложил вывести единую редакционную структуру, которую он назвал пирамидальной [Гуревич, 2004]. Она состоит из трех функциональных групп, каждая из которых затем делится на несколько подразделений. На вершине пирамидальной структуры, как правило, расположен главный редактор, ниже — его заместители, редакционная коллегия, секретариат, самый нижний уровень занимают творческие и технические отделы. В такой редакции существовали жесткая иерархия и вертикальная структура. Все процессы были

под контролем главного редактора. С.М. Гуревич отмечал популярность подобной структуры в российских редакциях, но одновременно подчеркивал ее громоздкость и бюрократизм.

Затем в медиасфере появилась тенденция на упрощение редакционной структуры: в первую очередь, это было связано с экономическими причинами и появлением интернета. Немаловажным фактором стало и то, что многие издания стремились улучшить качество материалов и скорость их выхода.

В результате в редакционной структуре произошло сокращение отделов, уменьшение количества сотрудников, объединение разрозненных тематических рубрик в отделы — культуры, спорта, политики.

Отметим, что для многих современных редакций — особенно это касается интернет-СМИ — модель С.М. Гуревича уже неактуальна. Во-первых, она не соответствует современным реалиям: так, некоторые редакционные отделы, использованные в моделях Гуревича, — например, секретариат, машинописное бюро, отделы писем и архива — перестали существовать в современных редакциях. Во-вторых, со временем публикации работы автора прошло более 20 лет, и в ней не учтены ключевые процессы, произошедшие за это время в медиасреде, в том числе появление Web 3.0, развитие социальных сетей и мультимедийных редакций. В эпоху цифровизации идет перестройка СМИ, которая касается структуры медиа, взаимодействия с аудиторией и конкурентами. Е.Л. Вартанова пишет о «пересборке медиасистемы», которая «связана с изменениями в производстве, распространении и потреблении медийного контента, вызванными развитием цифровых технологий» [Вартанова, 2023, с. 309].

В последнее время все больше исследователей говорят о том, что классическая многоступенчатая иерархия в редакции трансформируется, а впоследствии — и коммуникационная управленческая модель. Среди отечественных специалистов в своих работах тему трансформации отношений внутри редакции затрагивали Б.Н. Лозовский, М.Н. Ким и Е.М. Пак, П.В. Васильев [Лозовский, 2011, с. 7-12; Ким, Пак, 2023, с. 72-81; Васильев, 2024, с. 5-15].

То, что управленческий стиль трансформируется в некоторых типах СМИ, отмечала В. Васильева, исследуя феномен российских *small media* [Васильева, 2017, с. 127]. В таких изданиях из-за их относительно небольшого размера (в редакции могут работать только два человека, включая главного редактора, а контент в основном производится внештатными авторами) практикуется открытая горизонтальная система управления, когда авторы сами выбирают темы для публикаций, ра-

ботают над ними и размещают на сайте. В некоторых случаях это происходит без согласования с главным редактором. Однако отметим, что зачастую сотрудники small media работают на добровольных началах и не получают плату за свои материалы.

Некоторые исследователи, такие как А.В. Колесниченко, Д.В. Люкайтис и У.Ю. Эшкенина, связали трансформацию редакционного менеджмента с влиянием пандемии коронавируса [Колесниченко, Люкайтис, Эшкенина, 2021, с. 123–128]. В частности, именно тогда стал повсеместно вводиться гибридный формат работы и практиковаться удаленное общение с сотрудниками по всей стране, что значительно сократило коммуникационную цепочку внутри редакции.

Чтобы медиапредприятие успешно отвечало всем вызовам медиарынка, необходимо выстроить оптимальную модель управлеченческой коммуникации в редакции. Один из ее важнейших элементов — внутренняя иерархия редакции СМИ.

Актуальностью данной статьи является тот факт, что социальные и экономические вызовы, а также интенсивное развитие соцсетей и нейросетей требуют от главных редакторов российских СМИ поиска новых способов успешной работы своего издания и при этом оставаться на ведущих позициях на медиарынке. Для того чтобы редакция работала эффективно, достигая всех поставленных КПИ, необходимо внедрять в систему управления новые принципы и модели, в том числе и коммуникационные. Цель этой работы — ответить на вопросы: какие коммуникационные модели управления редакцией можно выделить в редакциях российских СМИ и какие используются медиаменеджерами на самом деле.

Методы и материалы исследования

Объектом исследования являются управлеченческие коммуникационные модели редакций российских СМИ. В работе применялся качественный метод исследования — мы взяли фокусированные интервью у главных редакторов Sports.ru¹, Lenta.ru², «Вокруг света»³ и Parents.ru⁴. Стоит отметить, что медиаменеджеры в беседе с нами учитывали основные моменты работы редакции в периоды вынужденной трансформации — например, во время пандемии коронавируса. В настоящем

¹ <https://www.sports.ru/>

² <https://lenta.ru/>

³ <https://www.vokrugsveta.ru/>

⁴ <https://www.parents.ru/>

время редакционный менеджмент не претерпевает подобных резких изменений, поэтому даже если какие-то локальные преобразования происходят в редакционной иерархии того или иного СМИ, они не будут радикально влиять на выводы, сделанные в этой работе.

Кроме того, мы использовали метод анализа структуры редакций данных СМИ, в результате чего выявили основные факторы, влияющие на коммуникационные модели, используемые внутри того или иного медиа.

Результаты исследования

Наш анализ показал, что на структурную иерархию редакции напрямую влияет размер издания. Для крупных СМИ с количеством сотрудников более 100 человек характерна сегментация — в таких изданиях большое количество отделов и подразделений. Соответственно, коммуникация внутри редакции значительно усложняется. Из-за сильной разветвленности внутренней системы крупных редакций главному редактору физически невозможно контролировать работу всех сотрудников. За него это делают редакторы отделов или редакторы по направлению. Чаще всего главный редактор общается напрямую с редакторами отделов на еженедельных встречах или онлайн-планерках, если команда работает удаленно. Редакторы отделов докладывают о том, что происходит внутри их подразделения, фокусируясь на основных темах в зависимости от вида СМИ: это может быть контент, трафик, приходящий на сайт, работа с рекламодателями и партнерами. Затем редакторы отделов уже напрямую взаимодействуют с авторами и новостными редакторами внутри своей структуры и передают им задачи, поставленные медиаменеджером.

Подобная система практикуется в Sports.ru, редакция которого состоит из 130 человек и 10 различных разделов. Среди них — директор по развитию нефутбольных отделов, руководитель новостной службы, руководители международного и российского футбола, редактор и продюсер лонгридов, руководитель фоторедакторов, куратор дежурных редакторов.

В свою очередь, нефутбольный отдел делится на ряд других — хоккейный, баскетбольный, бокс. При этом у каждого отдела есть свой редактор, который координирует работу внутри своего отдела — отвечает за создание текстов и составление плана на неделю. При необходимости редактор отдела может обратиться за помощью к директору по развитию нефутбольных отделов или напрямую к главному редактору.

Два раза в неделю в редакции проводится планерка главного редактора с редакторами отделов, где обсуждается подготовка ближайших материалов для выпуска на сайте. За три месяца до крупных спортивных событий в редакции проводится дополнительная общая встреча, в ходе которой главный редактор и редакторы отделов составляют план работы во время освещения турнира.

Похожая структура у интернет-издания Lenta.ru, в редакции которого работают 160 человек. В издании несколько ключевых отделов: отдел выпуска, который координирует оперативную работу, отдел дежурных редакторов отделов, отдел новостных агрегаторов. Отдел выпуска мониторит и выбирает новости, которые затем отправляет редакторам отделов. Отдел новостных агрегаторов занимается тем, чтобы новости получили достаточно трафика на поисковых системах.

У главного редактора пять заместителей — пять ответственных редакторов отделов. В их числе редактор отдела инфотейнмента, директор по социальным медиа и видео, редактор отдела международных отношений, ответственный редактор по социальным медиа и видео. У каждого редактора своя команда сотрудников. Разумеется, любой сотрудник может напрямую связаться с главным редактором, однако ему так или иначе сначала нужно обсудить любые возникающие вопросы со своим непосредственным начальником. «Не считаю необходимым решать вопросы, которые в компетенции руководителя отдела», — говорит главный редактор Lenta.ru В. Тодоров.

Коммуникация в издании строится с помощью внутренних чатов: есть общий редакционный чат, куда добавлены все 160 сотрудников и главный редактор. Есть отдельный чат, в котором присутствуют только главный редактор, руководители отделов и заместители главного редактора. И существует еще один чат, где есть только главный редактор и его заместители.

Тем не менее каждый сотрудник в издании обязан соблюдать правила и распорядки, установленные в издании, которые нужны для того, чтобы повышать эффективность организации в целом. Кроме того, сотрудники должны следовать определенным гайдлайнам при создании материалов для сайта. Подобные гайдлайны разработаны главным редактором и его заместителями и используются в редакции уже несколько лет.

Сейчас, как рассказывают российские медиаменеджеры, устав редакции распространен далеко не везде. В небольших редакциях он нецелесообразен — там он заменяется договором между учредителем и редакцией.

В свою очередь, масштабные СМИ используют гайдлайны, разработанные редакционным коллективом, в которых прописаны основные функции сотрудников. Информация о правах и обязанностях работников также часто включается в их трудовые договоры.

В небольших изданиях редакционная структура гораздо проще: там нет разделения на отделы, а у редактора, как правило, нет заместителя. Иногда его роль играет шеф-редактор. В работе таких редакций есть определенные преимущества: все сотрудники максимально вовлечены в работу, за основными процессами, происходящими в редакции, легко уследить и при необходимости быстро корректировать некоторые из них.

В онлайн-издании для родителей *Parents.ru* размер редакции не превышает 10 человек. При этом у главного редактора есть заместитель, который также выполняет функции выпускающего редактора. Общение в редакции также происходит в чатах, раз в неделю проводятся планерки, где обсуждаются создание новых редакционных материалов и трафикогенность уже опубликованных.

В отличие от крупных изданий, таких как *Lenta.ru* или *Sports.ru*, в небольших редакциях нет иерархии по отделам, несмотря на то что вышеупомянутые издания имеют различные рубрики («Истории», «Наука», «Путешествия», «Авто» — «Вокруг света»; «Воспитание», «Здоровье», «Знаменитости», «Вопрос эксперту», «Беременность» — *Parents.ru*). Там практикуется взаимозаменяемость: иногда обязанности корректора или выпускающего редактора берет на себя главный редактор, задачи главного редактора при необходимости может взять на себя выпускающий.

В маленьких редакциях главный редактор зачастую взаимодействует с сотрудниками напрямую, в крупных эта роль отводится редакторам отделов — им необходимо контролировать атмосферу внутри своего коллектива и дать понять, что к нему можно обратиться за личным или профессиональным советом.

Для успешной работы в редакции управленцам необходимо выстроить эффективную коммуникационную модель между сотрудниками и главным редактором. В качестве таковой приводится система открытой субъект-субъектной модели коммуникативного взаимодействия, цель которой — «обеспечить взаимодействие личностей на всех уровнях, через которое осуществляется развитие индивидуальности» [Чернов, 2013, с. 16]. Главной целью подобной коммуникационной модели является не просто обмен информацией, знаниями и идеями, а «реализация потенциалов объекта управления посредством активного ис-

пользования его интеллектуальных ресурсов, вовлечения его в управленческий процесс и тем самым превращения в полноправный субъект деятельности» [Кунугрцева, 2012, с. 96]. Такая модель коммуникации оптимизирует управленческий цикл в редакции СМИ на основе «отношений сотрудничества, координации, инициативы, ответственности» [Владимирова, Панферова, Шкондин 2019, с. 4]. На практике подобная модель может реализовываться в редакциях СМИ, которые отказались от жесткой внутренней иерархии, у главных редакторов, которые поощряют инициативность и самостоятельность своих сотрудников, где за формирование повестки дня отвечает не один человек, а вся редакционная команда.

Отметим, что во всех без исключения медиапредприятиях, главные редакторы которых приняли участие в наших интервью, присутствует субъект-субъектная модель коммуникации — медиаменеджеры выступают за сокращение коммуникационных связей внутри редакции, стараются соблюдать баланс «семья — работа» и отходят от традиционных принципов управления коллективом, — это, например, выражается в создании полностью удаленных редакций или переводе некоторых подчиненных на «удаленку», а также работа с сотрудниками из других городов.

Помимо коммуникационных моделей, в редакциях СМИ, основанных на взаимоотношении внутри коллектива, мы можем выделить как минимум еще одну, приняв во внимание размеры редакции, — в СМИ, где в штате более 100 человек, коммуникация внутри так или иначе будет более сложной: по крайней мере потому, что помимо главного и выпускающего редактора, там есть редактора отделов, под руководством которых работает команда журналистов и корреспондентов. Особенно хорошо данная структура заметна на примере спортивных изданий. «У нас есть отдельные руководители отдела российского футбола, международного футбола. Отдельно есть кураторы длинных текстов, лонгридов, отдельно — руководители фотослужбы, новостной службы, блоговой редакции, клубной редакции», — рассказал нам в интервью главный редактор Sports.ru В. Воронин. Еще один пример — классическое женское СМИ, где есть редакторы моды, звездных новостей, психологии, здорового образа жизни, красоты. Все они руководят своим пулом авторов, экспертов и корреспондентов. Более того, иногда ответственные редакторы часто коммуницируют не только со всем коллективом в целом, но и устраивают отдельные встречи внутри своего отдела.

Противоположная ситуация у изданий, где редакция небольших размеров — от 5 до 10 человек. В этом случае речь идет об узкоспециализированных СМИ конкретной тематики. Там главный редактор находится в центре ядра коммуникации. Он формирует пул авторов, распределяет задачи, контролирует работу новостных редакторов, сам пишет статьи и занимается редактурой. «Я нахожусь в формате наблюдателя [в чате новостников]. Если мне что-то не нравится, я прошу это не брать. Параллельно веду мониторинг для новостного редактора», — говорит главный редактор «Вокруг света» Т. Меньщикова.

Поэтому нам кажется целесообразным выделить еще две коммуникационные модели в редакциях СМИ — назовем их «многоуровневой» и «центральной». Разумеется, можно выделить еще несколько моделей в зависимости от способов коммуникации в редакции СМИ — например, логично, что в редакциях, работающих на «удаленке», общение будет проходить с помощью соцсетей и видеоплатформ, а оффлайн-редакции общаются на ежедневных встречах и планерках в офисе.

Еще одна коммуникационная модель в редакции издания будет зависеть от его формата — редакция, которой приходится выпускать печатный продукт и его онлайн-издание, отличается от СМИ, функционирующего только в интернете либо только в печати. Отличия заключаются в специфике работы — редакции нужно отдавать номер в печать или отбирать материалы, которые пойдут в оффлайн-версию издания, а также в коммуникационной модели. Она становится значительно шире и сложнее: увеличивается количество субъектов коммуникации, меняются его форматы — например, «письмо редактора», которое практически отсутствует в онлайн-изданиях, до сих пор остается актуальной жанровой единицей в печатных СМИ и представляет собой образец, когда коммуникационный процесс выходит за пределы редакции.

Не исключено, что расширение эмпирической базы позволит выделить и изучить в будущем и другие коммуникационные модели, но в рамках этого исследования и в данном конкретном контексте мы ограничимся теми, что описали выше.

Заключение

Современным редакциям СМИ следует быть готовыми быстро адаптироваться к изменениям, происходящим на медиарынке. Для этого необходимо выстроить эффективную коммуникационную модель внутри редакции СМИ как минимум для того, чтобы получать финансовую прибыль, а все участники создания медиапродукта выполняли

бы свою работу, достигая поставленных КПИ. В данной работе мы выделили основные коммуникационные модели управления редакциями СМИ и описали, какие факторы влияют на их использование.

Коммуникационная модель зависит от нескольких факторов, самым главным из которых, на наш взгляд, является размер редакции. Немаловажным также можно считать формат СМИ — онлайн или печатный.

Внешние политические и экономические факторы, на наш взгляд, на коммуникационную модель не влияют, хотя, безусловно, могут модифицировать работу редакции СМИ. В первую очередь это касается жанровой и тематической направленности конкретного издания, а не построения внутри него коммуникационной модели. Однако для получения точных данных необходимо провести несколько исследований, чтобы точно выявить закономерности изменений редакционных коммуникационных моделей в связи с событиями, происходящими в социуме.

Учитывая непрерывную трансформацию медиарынка, можно предположить, что ряд коммуникационных моделей в дальнейшем может расширяться, а также вполне вероятно появление новых факторов, которые бы влияли на возникновение неизученных ранее коммуникационных моделей.

Библиографический список

Баранова Е.А. Конвергенция СМИ глазами российских журналистов-практиков // Медиаскоп. 2010. № 4. Электронный ресурс: <http://www.mediascope.ru/node/672>

Васильева В.В. «Фанатский журнал» как тип издания (на примере петербургских фэнзинов 2010-х годов) // Вестник Омского гос. пед. ун-верситетата. Гуманитар. исслед. 2017. № 2 (15). С. 127-130.

Васильев П.В. Управление медиакомпанией: искусственный интеллект как новый субъект в медиапроизводстве // Экономика и парадигма нового времени. 2024. № 10 (31). С. 5-15.

Вартанова Е.Л. К новой архитектуре медиа: вызовы эпохи цифровизации // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : мат-лы VIII Международной научной конференции. Донецк, 2023. С. 307-309.

Владимирова Т.Н., Панферова В. В., Шкондин М. В. Журналистика в жизненном мире современности: аспекты целостности // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 24-37.

Вырковский А.В. Структура редакций СМИ: традиция и современность // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 4. С. 136-151.

Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра : учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. Электронный ресурс: <http://eartist.narod.ru/text10/01.htm>

Ким М. Н., Пак Е.М. Организационно-технологические аспекты деятельности конвергентной редакции // Управленческое консультирование. 2023. № 7 (175). С. 72-81. <https://www.doi.org/10.22394/1726-1139-2023-7-72-81>

Колесниченко А.В., Люкайтис Д.В., Эшкинина У.Ю. Влияние пандемии коронавируса на редакционный менеджмент российских СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 123-128

Кунгурцева Г.Ф. Интеллектуальный потенциал как базовый ресурс развития системы управления современным обществом : дис. ... док. социол. наук. Уфа, 2012.

Лозовский Б.Н. Российские СМИ: портфель заказов на модернизацию // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). С. 7-12.

Махакова Л. С., Шадрина А.В. Методика оценки системной эффективности организации работы редакции СМИ // Челябинский гуманитарий. 2020. № 4 (53). С. 41-47. <https://www.doi.org/10.24411/1999-5407-2020-10406>

Овчинников В.А. Принципы организации и функционирования системы управления качеством творческих процессов в региональной мультимедийной редакции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.

Чернов Ю.Н. Реализация субъект-субъектной модели коммуникации в учебном процессе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 2 (25). С. 113-115.

Юферева А.С. Представления профессиональных журналистов о проблемах перехода к модели виртуальной редакции: оценка опыта региональных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 100-104.

References

Baranova E.A. Media convergence through the eyes of Russian journalists-experts. *Mediaskop = Mediascope*, 2010, no. 4. Retrieved from: <http://www.mediascope.ru/node/672> (In Russian)

Vasilyeva V.V. Fan Magazine as the type of edition (On the example of the Saint Petersburg Fanzins of 2010-s). *Vestn. Omsk. gos. ped. un-ta.* = Omsk State Pedagogical University, 2017, no. 2 (15), pp. 127-130. (In Russian)

Vasilyev P.V. Media Company Management: AI as a new subject in media production. *Ekonomika i paradigma novogo vremeni* = Economics and the paradigm of the new time, 2024, no. 10 (31), pp. 5-15. (In Russian)

Vartanova E.L. Towards a new media architecture: challenges of a new digitalization era. *Donetskcie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti* = Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time, Donetsk, 2023, pp. 307-309. (In Russian)

Vladimirova T.N., Panferova V.V., Shkondin M.V. Journalism in the vital world of the present: aspects of integrity. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* = Social and humanitarian knowledge, 2019, no. 8, pp. 24-37. (In Russian)

Vyrkovsky A.V. The editorial structure of mass media: tradition and modernity. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Vestnik of Moscow State University, Vol. 10, 2017, no. 4, pp. 136-151. (In Russian)

Gurevich S.M. Newspaper: yesterday, today, tomorrow: Textbook for universities. Moscow, 2004. Retrieved from: <http://evartist.narod.ru/text10/01.htm> (In Russian)

Kim M.N., Pak E.M. Organizational and Technological Aspects of the Activities of the Convergent Editorial Office. *Upravlencheskoe konsul'tirovaniye* = Administrative consulting, 2023, no. 7, pp. 72-81. Retrieved from: <https://www.doi.org/10.22394/1726-1139-2023-7-72-81> (In Russian)

Kolesnichenko A.V., Lyukaitis D.V., Eshkinina U.Yu. The impact of the coronavirus pandemic on the editorial management of Russian media. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Voronezh State University, 2021, no. 4, pp. 123-128. (In Russian)

Kungurtseva G.F. Intellectual potential as a basic resource for the development of the management system of modern society. Thesis of Doct Social Diss. Ufa, 2012. (In Russian)

Lozovsky B.N. Russian mass media: brief case of orders for modernization. *Izv. Ural. gos. un-ta.* = Izvestia Ural Federal University, vol. 1, 2011, no. 2 (89), pp. 7-12. (In Russian)

Makhakova L.S., Shadrina A.V. Methodology for assessing system efficiency of the organization of work of media edition. *Chelyabinskij Gumanitarij* = The Chelyabinsk Humanitarian Journal, 2020, no. 4 (53), pp. 41-47. Retrieved from: <https://www.doi.org/10.24411/1999-5407-2020-10406> (In Russian).

Ovchinnikov V.A. Principles of organization and functioning of the quality management system for creative processes in the regional multimedia editorial office. Thesis of Philol. Cand. Diss. Ekaterinburg, 2011 (In Russian)

Chernov Yu.N. Implementation of the subject-subject communication model in the educational process. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = Vestnik of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no 2(25), pp. 113-115. (In Russian)

Yufereva A.S. Representations of professional journalists about problems of transition to the virtual news media model: assessment of experience of regional media. *Znak* = Znak, 2019, no. 2 (32), pp. 100-104. (In Russian)

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Е.В. Яркова. Старообрядческий текст первого тома романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и его авторизованного перевода Н.С. Селивановой. Статья посвящена изучению старообрядческого текста в первом томе романа-эпопеи Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в его авторизованном английском переводе Н.С. Селивановой. Анализ нацелен на выявление особенностей изображения старообрядчества в контексте межъязыковой трансформации. В статье представлен анализ элементов, составляющих старообрядческий текст романа, выявлены источники заимствования и проанализированы стратегии авторизованного перевода. Научная новизна обеспечивается введением в научный оборот материала исследования, поскольку авторизованный перевод романа не был опубликован Г.Д. Гребенщиковым. В результате исследования установлено, что старообрядческий текст романа складывается из таких составляющих, как: духовные стихи, песни, цитаты из Священного Писания, имитация церковных распевов и безэквивалентная обрядовая лексика. Перевод данных текстов происходит преимущественно с использованием стратегии доместикации, что выражается в использовании описательного перевода и сносок-пояснений.

E.V. Yarkova. Old Believer Text of the First Part of George Grebenshchikov's Novel *The Churaevs* and its Authorized Translation by Nina Selivanova. The article is the study of the Old Believer text in the first part of a novel by George Grebenshchikov *The Churaevs* and its authorized English translation by Nina Selivanova. The analysis is aimed at identifying some features of Old Believers in the context of interlingual transformation. The article presents some analysis of the texts that create the Old Believer layer of the novel, it identifies the sources of these texts and analyzes the strategies of the authorized translation. Scientific novelty is presented by the introduction of material under research into scientific study, since the authorized translation of the novel was not published by George Grebenshchikov. As a result of the study, it was established that the Old Believer text of the novel consists of such components as: Christian poetry, songs, quotations from the Holy Scripture, imitation of Christian chants and non-equivalent ritual vocabulary. The translation of these texts is carried out

mainly through the domestication strategy, which is achieved with the use of descriptive translation and footnotes-explanations.

Н.М. Сухих. Веществование и повседневность вещи как приемы художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали (по рассказам М.А. Осоргина). Статья посвящена исследованию вещного мира повседневности в творчестве представителя первой волны русской эмиграции XX века М.А. Осоргина. Цель работы — выявить особенности изображения вещей как части повседневного пространства. Для этого предлагается использовать понятия «веществование» и «повседневность вещи». В качестве материала исследования были выбраны рассказы «Часы» и «Портрет матери». В работе использовались компаративистский и герменевтический методы исследования. В пространственных характеристиках домашней повседневности главных героев — бабушки («Часы») и матери («Портрет матери») — присутствуют точки пересечения: будничный ритм обеих женщин связан с рабочим столиком и особой вещью (для бабушки это часы, для матери — институтская книжка). Замечено, что изображение схожих предметов (рабочего столика) дается по-разному, сделан вывод о связи минимальной детализации в описании вещи в «Портрете матери» с автобиографичностью рассказа и переносе внимания с объекта на субъект.

N.M. Sukhikh. Rexistentia and Everyday Life of a Thing as Techniques of Artistic Presentation of Everyday Room through Material Details (Based on Mikhail A. Osargin's Short Stories). The article studies the materialistic world of everyday life in short stories of M. A. Osargin — representative of the first wave of Russian emigration of the 20th century. The aim of the research is to identify the features of depicting everyday space through material details. The stories *The Clock* and *Mother's Portrait* were chosen as the material for the study. In order to perform in-depth analysis of the specificity of the thing depiction we propose to use such terms as “existentia” and “everyday life of a thing” taken as techniques of artistic presentation of the everyday room using material details. The research employed comparative and hermeneutic methods. Spatial characteristics of characters' domestic everyday life, represented by the grandmother (*The Clock*) and the mother (*Mother's Portrait*), include points of intersection: both women have a ladies' work-table and a special thing (the clock and the institute book), which are the key feature of their daily routine.

Е.В. Лебедева. Образ рассказчика в военной публицистике Г.Д. Гребенщикова (на материале публикации 1916 г. «Охвостье»). В статье предложена методика анализа публицистического творчества Г.Д. Гребенщикова. Целью исследования является определение типа образа автора-рассказчика в публицистических текстах писателя. В работе были использованы методы жанрового моделирования на основе изучения тематического содержания, композиционного построения и стиля текста и сопоставительного анализа. Материалом исследования стал текст «Охвостье», рассматриваемый с точки зрения его жанровой принадлежности через определение темы, стиля и композиции текста. Анализируемый текст сопоставляется с ранее изученными публицистическими текстами («Ручеек журчащий», «Минуты молчания») по аналогичным параметрам. Полученные результаты позволили подойти к определению категории образа автора-рассказчика в рассматриваемых текстах. Выявлено, что автор-рассказчик принимает на себя роль либо наблюдателя, либо непосредственного участника описываемых событий, что отражается на выборе писателем определенных стилистических и композиционных приемов.

E.V. Lebedeva. The Image of the Narrator in Military Journalism of G.D. Grebenschchikov (Based on the 1916 Edition *Okhvostye*). The article proposes a methodology for analyzing the journalistic works of G.D. Grebenschchikov. The purpose of the study is to determine the type of the author-narrator image in the writer's journalistic texts. The work used the methods of genre modeling based on the study of the thematic content, compositional structure and style of the text and comparative analysis. The material of the study was the text *Okhvostye*, considered from the point of view of its genre affiliation through the definition of the theme, style and composition of the text. The analyzed text is compared to previously studied journalistic texts (*Babbling Brook*, *Minutes of Silence*) according to similar parameters. The results obtained made it possible to approach the definition of the category of the author-narrator image in the texts under consideration. It was revealed that the author-narrator takes on the role of either an observer or a direct participant in the events described, which is reflected in the writer's choice of certain stylistic and compositional techniques.

С.А. Губанов. Эпитетация тишины и молчания в текстах М. Цветаевой. В статье описываются когнитивно-семантические принципы моделирования концепта «тишина / молчание» средствами признаковой лексики в текстах М. Цветаевой. Эпитетация признается одним из главных способов презентации знаний об объекте в идиостиле по-

эта. Материалом исследования послужило творчество М. Цветаевой. Данная статья содержит описание основных направлений эпитетации рассматриваемого концепта, среди которых ведущее место занимает антропоморфная метафора; также активно вовлекается в эпитетацию мир артефактов. Обращается внимание на блэндинговый характер эпитетации, заключающийся в создании общего, а затем смешанного ментального пространства в рамках эпитетного комплекса, содержащего общие признаки объекта эпитетации и эпитета. Ассоциативная общность признаков является временной, окказиональной, однако необходимой и закономерной в рамках идиостиля, является тотальной, ничем не ограниченной. Отмечается продуктивность применения теории концептуальной интеграции при описании механизмов эпитетации.

S.A. Gubanov. Epithetation of Silence and Stillness in M. Tsvetaeva's Texts. The article describes the cognitive-semantic principles of modeling the concept of "silence" by means of attributive vocabulary in M. Tsvetaeva's texts. Epithetation is recognized as one of the main ways of representing knowledge about an object in the poet's idiom. The creativity of M. Tsvetaeva served as the material for the research. This article analyses of the main directions of epithetation of the concept, among which the leading place is occupied by anthropomorphic metaphor; the world of artifacts is also actively involved in epithetation. Attention is drawn to the blending nature of epithetation, consisting in the creation of a common, and then mixed mental space within the epithet complex containing common attributes of the object of epithetation and the epithet. The associative community of attributes is temporary, occasional, but necessary and natural within the idiom, it is total, unlimited. The productivity of applying the theory of conceptual integration in describing the mechanisms of epithetation is noted.

О.Н. Григорьева, Гаоюань Хао. Фразеология смелости и трусости в современном русском языке и в произведениях А.С. Пушкина. Статья посвящена устойчивым словосочетаниям с семантическими компонентами 'смелость' и 'трусость'. Целью исследования было определить особенности семантики и функционирования данных фразеологических единиц в повседневной речи и художественном тексте. Для достижения поставленной цели применялась методика лексического и стилистического анализа. Материалом послужили толковые и фразеологические словари русского языка, а также поэтические и прозаические тексты А.С. Пушкина. В работе впервые сделана попытка выявить и систематизировать фразеологизмы, определяющие человека по признаку смелость / трусость. Фразеологические единицы были отобраны

и систематизированы на основе их словарных дефиниций. Представленный материал позволил сделать вывод о том, что в русском языке фразеологизмы, характеризующие человека с позиции смелость / трусость, представляют обширную группу (68 единиц). Почти половина из них обозначает психоэмоциональное состояние человека и имеет в своем составе соматизмы. Большинство рассмотренных устойчивых сочетаний относятся к разговорной речи и наделены высокой степенью об разности и экспрессивности.

O.N. Grigoryeva, Gaoyuan Hao. The phraseology of Courage and Cowardice in the Modern Russian Language and in A.S. Pushkin's Works. The article is devoted to phrases with the semantic components 'courage' and 'cowardice'. The aim of the study was to determine the features of semantics and functioning of these phraseological units in everyday speech and fiction. To achieve this goal, the methods of lexical and stylistic analysis were used. The material was explanatory and phraseological dictionaries of the Russian language, as well as poetic and prose texts by A.S. Pushkin. In the work, an attempt to identify and systematize phraseological units that define a person based on the feature of courage/cowardice was made for the first time. Phraseological units were selected and systematized on the basis of their dictionary definitions. The presented material allowed us to conclude that in the Russian language, phraseological units characterizing a person from the point of view of courage / cowardice represent a large group (68 units). Almost half of them denote a person's psychoemotional state and include somatisms. Most of the idioms considered relate to colloquial speech and they posses a high degree of imagery and expressiveness.

Г.В. Напреенко. Озвучивание как интерпретация письменного текста (на материале текстов эссе). Статья посвящена исследованию соотношения письменного и озвученного вариантов текста в парадигме лингвистической вариантомологии (тождества-различия членов парадигмы). Материалом исследования, собранного в ходе эксперимента, явились тексты эссе на тему «Культура речи в моей профессиональной деятельности» и их озвученные авторами варианты. Озвучивание письменного текста трактуется нами как процесс и результат интерпретационной деятельности; порождение вторичного текста посредством деривационных механизмов его преобразования; межкодовый перевод, детерминирующий, в свою очередь, изменения на формально-семантическом уровне. В озвученном варианте письменного текста отмечаются такие же деривационные механизмы, что и между письменными текстами, выступающими в отношениях первичности /

вторичности. Озвученные варианты, к которым не применялось требование не опираться на подготовленный текст, отражают тенденцию к формально-семантическому тождеству, в то время как варианты, озвученные без визуальной опоры на подготовленный текст, характеризуются наибольшими различиями относительно исходного текста, высоким уровнем его интерпретирования (наличие компрессии, разворачивающих преобразований).

G.V. Napreenko. Voicing as an Interpretation of a Written Text (Based on the Material of Essay Texts). The article is devoted to the study of the relationship between written and voiced versions in the paradigm of linguistic variantology. The research material, collected through an experiment, was the texts of essays on the topic "Speech Culture in My Professional Activity" and their voiced versions by the authors. We interpret the voicing of a written text as a) a process and a result of interpretative activity, b) the generation of a secondary text through derivational mechanisms of its transformation, c) a change in the code, which in turn leads to changes at the formal-semantic level. The voiced version of a written text is characterized by the same derivational mechanisms as between written texts acting in the primary-secondary text relationship. The voiced versions, to which the requirement not to rely on the prepared text was not applied, reflect the desire for formal-semantic identity, while the voiced versions without visual support on the prepared text are characterized by the greatest differences relative to the original text, a high level of interpretation (compression, unfolding of meaning).

Янь Сяолин. Функционально-стилистический подход к преподаванию грамматики русского языка в китайском вузе (реализация категории каузальности в разговорной речи). В статье исследуется актуализация функционально-семантической категории причины в русской разговорно-обиходной речи. Цель работы — определение особенностей функционирования всего комплекса каузальных конструкций в этой речевой разновидности для создания фактической базы для изучения темы «выражение причинных отношений». Материал анализа — опубликованные записи разговорной речи объемом 100 тысяч словоупотреблений. Для исследования использован широко применяемый в функциональной стилистике качественно-количественный метод. Установлено, что в обиходно-разговорной речи высокую частоту употребления имеют лишь бессоюзные сложные предложения и в меньшей мере — сложноподчиненные предложения с придаточным причины. Употребление каузальных языковых средств в разговорной речи определяется прежде всего такими ее коммуникативными задачами, как

объяснение собеседнику своих жизненных обстоятельств, мотивировка мнения по какому-либо вопросу, побуждение адресата к чему-либо, запрет на совершение тех или иных действий, объяснение оценок, желаний, своего или чужого эмоционального состояния.

Yan Xiaoling. Functional and Stylistic Approach to the Teaching Russian Grammar in Chinese Universities (Realization of Category of Causality in Colloquial Speech). The article studies actualization of the functional-semantic category of cause in Russian colloquial speech. The purpose of the work is to determine the features of functioning of the entire complex of causal constructions in this speech variety in order to create a factual basis for studying the topic of "expressing causal relations". The material of the analysis is published recordings of colloquial speech, 100 thousand word usages. The qualitative-quantitative method, widely used in functional stylistics, was used for the study. It was found that in colloquial speech, only complex sentences joined asyndetically and, to a lesser extent, complex sentences with a subordinate clause of cause have a high frequency of use. The use of causal linguistic means in colloquial speech is determined primarily by such communicative tasks as explaining one's life circumstances to the interlocutor, motivating an opinion on any issue, encouraging the addressee to do something, prohibiting the performance of certain actions, explaining assessments, desires, one's own or someone else's emotional state.

Е.И. Абрамова, Е.Д. Павлычева. Метафора дерева в политическом дискурсе США. Статья посвящена анализу использования дендрометафор в политическом дискурсе США. Цель исследования — выявление национально- и культурно-обусловленных метафорических моделей политического дискурса США, в основе которых лежит обращенность к дереву. Материал исследования — речи и интервью американских политических деятелей. Использованы методология концептуального анализа метафорических моделей и методы контекстного анализа. Выявлены основные метафорические модели: дерево — сильный политик; листья — политические идеи, новые политические поколения; желудь, семена, деревце — начало развития; рост дерева — жизнь человека; корень — причина, истоки, прошлое; ствол — опора и основа; кора — видимая часть политической деятельности; шипы — проблема; пень — предвыборная кампания. Рассмотрены дендрометафоры, используемые для описания структуры и иерархии знаний, решений и политических состояний. Выявлены метафоры, ассоциируемые с определенными политиками.

E.I. Abramova, E.D. Pavlycheva. Tree Metaphor in the USA political discourse. The article presents the analysis of the use of dendro-metaphors in the political discourse of the USA. The objective of the research is to identify nationally and culturally conditioned metaphorical models of the political discourse of the USA, which are based on the tree image. The material is speeches and interviews of American political figures. The research is based on the methodology of conceptual analysis of metaphorical models, methods of contextual analysis. The paper identifies the following metaphorical models: the tree as a strong politician; leaves as political ideas, new political generations; the acorn, seeds, sapling as the beginning of development; tree growth as human life; the root as the cause, origin, past; the trunk as support and foundation; the bark as the visible part of political activity, thorns as a problem, the stump as an election campaign. The article examines dendro-metaphors used to describe the structure and hierarchy of knowledge, decisions and political states. The paper also identifies metaphors associated with certain politicians.

Н.Ю. Шнякина. Метафорическая модель «личностное развитие — путь» в практике немецкоязычного коучинга. Статья посвящена описанию метафорической модели «личностное развитие — путь» в практике немецкоязычного коучинга. На материале популярных изданий об индивидуальном росте анализируется когнитивный и дидактический потенциал модели в рамках мотивационной стратегии убеждения. Метод когнитивного моделирования, предполагающий использование дефиниционного и фреймового анализа, логических операций анализа и синтеза, а также приема когнитивно-прагматической интерпретации в опоре на исследовательскую интроспекцию, позволяет сделать вывод о значимости рассматриваемой модели в связи с ее наглядностью и доступностью. С одной стороны, образ пути позволяет человеку осознать личностное развитие как последовательность маленьких шагов, ведущих к цели, с другой — дает возможность коучу мотивировать реципиента на всех этапах движения к ней. Исследование обладает теоретической значимостью, заключающейся в разработке когнитивно-прагматических основ мотивационного дискурса; практическая ценность работы состоит в использовании ее результатов в практике коучинга: написании мотивационных текстов, создании опросников и т.д.

N.Yu. Shnyakina. Metaphorical Model «Personal Development is a Path» in the Practice of German-Language Coaching. The article discusses the metaphorical model «personal development is a path» in the practice of German-language coaching. Based on the material of popular publications

about the individual growth, the work analyzes the cognitive and didactic potential of the model in terms of the motivational strategy of persuasion. The method of cognitive modeling, which involves definitional and frame analysis, logical operations of analysis and synthesis, as well as the method of cognitive-pragmatic interpretation based on research introspection, allows to make a conclusion about the significance of the model in connection with its clarity and accessibility. On the one hand, the image of the path allows one to understand personal development as a sequence of small steps leading to a goal, on the other hand, it allows the coach to motivate the recipient at all stages of movement towards it. The study has theoretical significance, which lies in the description of the cognitive-pragmatic foundations of motivational discourse; the practical value of the work lies in the use of its results in coaching practice: in writing motivational texts, in developing questionnaires, etc.

Е.В. Валюлина. Роль медиаинтеграционной модели в цифровой трансформации информационного пространства (на примере Алтайского государственного университета). В статье рассматривается роль медиаинтеграционной модели в процессе цифровой трансформации информационного пространства на примере Алтайского государственного университета. Цель исследования — анализ ключевых тенденций и аксиологических факторов, влияющих на разработку и внедрение медиаинтеграционных подходов в условиях цифровизации. Материал исследования — практические примеры функционирования образовательной и информационной медиаплощадки Алтайского государственного университета. Методы включают аксиологический анализ, контент-анализ и сравнительный методологический подход. Результаты показывают, что цифровая трансформация требует переосмысливания традиционных методов взаимодействия с медиаконтентом. Выявлена роль медиа как инструмента формирования культурных норм и образовательных практик, а также акцентировано значение ценностных ориентиров для повышения эффективности медиаинтеграции. Раскрыта специфика языковых и коммуникационных стратегий, подчеркнута их роль в образовательной и информационной деятельности и влияние аксиологических параметров на эффективность медиаинтеграции.

E.V. Valyulina. The Role of the Media Integration Model in Digital Transformation of the Information Space (Case Study of Altai State University). The article considers the role of the media integration model in the process of digital transformation of the information space as in the case of Altai State University. The purpose of the study is to analyze the key trends

and axiological factors influencing the development and implementation of media integration approaches in the context of digitalization. The research material is practical examples of functioning of the educational and information media platform of Altai State University. The methods include axiological analysis, content analysis and a comparative methodological approach. The results show that digital transformation requires a rethinking of traditional methods of interaction with media content. The role of media as a tool for the formation of cultural norms and educational practices is revealed, and the importance of value guidelines for increasing the effectiveness of media integration is emphasized. The specificity of language and communication strategies is revealed, their role in educational and information work and the influence of axiological parameters on the effectiveness of media integration are emphasized.

С.В. Доронина, И.Ю. Качесова. Манипулятивные стратегии как компонент речевого воздействия: размышления о статусе коммуникативного явления. Статья описывает феномен речевых манипуляций как инструмента управления речевыми коммуникациями. Исследование проводится в контексте филологической теории коммуникации, феномен манипуляций исследуется внутри аргументирующего дискурса. Материалом исследования послужили спорные тексты, прошедшие лингвистическую экспертизу, в частности, демотивационные постеры, содержащие националистические идеи, запрещенные для публичного выражения законодательством Российской Федерации. Публичный медийный характер речевых действий, подпадающих под действие Уголовного кодекса, требующий от авторов данных высказываний особой осторожности, позволяет нам классифицировать исследуемые процессы как скрытые формы речевого воздействия. Анализ денотативно-сигнификативного, оценочного, мотивационно-целевого планов текстов обнаруживает манипулятивные стратегии, механизмы которых нацелены на импликацию наиболее важных компонентов выражаемого значения и снижение критического порога их восприятия реципиентом. В частности, выделяются стратегия девербализации об зательных смыслов высказывания и стратегия смещения точки зрения.

S.V. Doronina, I.Yu. Kachesova. Speech Manipulation as a Component of Speech Influence: Reflections on the Status of a Communicative Phenomenon. The article describes the phenomenon of speech manipulation as a tool for managing speech communications. The research is conducted in the context of the philological theory of communication; the phenomenon of manipulation is investigated within the argumentative discourse. The

research material is based on the materials of the authors' forensic expertise, in particular, demotivating posters containing nationalist ideas prohibited for public expression by the legislation of the Russian Federation. The public media nature of speech actions falling under the Criminal Code, which requires special caution from the authors of these statements, allows us to classify the processes under study as covert communication. The analysis of denotative-significative, evaluative, motivational-target plans of texts reveals manipulative strategies, the mechanisms of which are aimed at implicating the most important components of the expressed meaning and lowering the critical threshold of their perception by the recipient. In particular, the strategy of deverbalizing the obligatory meanings of the utterance and the strategy of shifting the point of view are highlighted.

А.Д. Цкриалашвили. Коммуникационные стратегии в политическом PR: на материале предвыборных кампаний в США 2016–2020 и 2020–2024 годов (электоральный цикл). Цель исследования — представить целостную картину PR-стратегии американских кандидатов на пост президента, используемых в интернете для управления политической активностью граждан в период предвыборных кампаний в США. Практика американских предвыборных кампаний является ярким примером того, как активная электоральная коммуникация реализовывается через социальные сети и демонстрирует, почему данный процесс общения с избирателями имеет большую значимость для предвыборной агитации. Чем технологичнее становятся инструменты предвыборного штаба, тем сложнее оппоненту добиться существенных успехов на всех этапах электоральных циклов. Коммуникационные стратегии современной предвыборной кампании выступают в роли инструмента достижения политических целей: конвенциональных, пропагандистских, конфликтных, агитационных и манипуляционных, при этом делается упор на философию, идеологию и ценности кандидата на пост президента, выступающего в роли субъекта стратегирования. Данные цели реализуются посредством синтеза маркетинговой (планирования, реализации и оценки программы), креативной (использования нестандартных решений в политическом PR) и медиастратегий (интернет-рекламы).

A.D. Tskrialashvili. Communication Strategies in Political PR: Case Study of the US Election Campaigns 2016–2020 and 2020–2024 (Electoral Cycle). The purpose of the study is to present a comprehensive picture of the PR strategy of American presidential candidates used on the Internet to manage the political activity of citizens during election campaigns in the

United States. The practice of American election campaigns is a vivid example of how active electoral communication is implemented through social networks and demonstrates why this process of communication with voters is of great importance for election campaigning. The more technologically advanced the tools of the election headquarters become, the more difficult it is for the opponent to achieve significant success at all stages of the electoral cycles. Communication strategies of a modern election campaign act as a tool for achieving political goals: conventional, propaganda, conflict, agitation and manipulation, at the same time emphasizing the philosophy, ideology and values of the presidential candidate, who acts as a subject of strategizing. These goals are achieved through a synthesis of marketing (planning, implementation and evaluation of the program), creative (use of non-standard solutions in political PR) and media strategies (Internet advertising).

А.А. Корниенко, А.И. Куляпин. Пограничье: семиотика забора и ограды в художественном мире Юрия Олеши. Цель исследования — выявление семиотического потенциала образов забора и ограды в художественном мире Юрия Олеши. Материалом послужили художественные и мемуарные произведения писателя. Комплексный анализ текстов на основе структурно-семиотического метода позволил продемонстрировать, что хронотоп границы приобретает у Олеши разные оттенки значения. Установлено, что программной для писателя становится оппозиция «серый забор» — «дачная ограда». Проницаемая для взгляда посторонних ограда, в отличие от забора, имеет сугубо декоративную функцию, поэтому она не пугает и не угнетает чувств героев Олеши. Если спутник ограды — мечта и вера в ее осуществимость, то спутники забора «обида и зависть». В произведениях Олеши представители старого мира всегда остаются за пределами советского рая. Позицию на заборе занимают дети. Ребенок — медиатор между двумя мирами — реальным (миром взрослых) и фантазийным (миром детей). Для Олеши особенно важна возможность додумывания незримого мира за преградой, поэтому пространство за забором — область тайны, простор для воображения. Правда, за советским забором, как выясняется, нет ничего, кроме внушающей страх и отчаяние пустоты.

A.A. Kornienko, A.I. Kulyapin. The Borderline: The Semiotics of Fences and Enclosures in the Artistic World of Yuri Olesha. The goal of the research is to identify the semiotic potential of the images of fences and enclosures in the artistic world of Yuri Olesha. The material for the study consists of the writer's literary and memoir works. A comprehensive analysis of the texts based on the structural-semiotic method has shown that the chronotope of the

boundary acquires different shades of meaning in Olesha's work. It has been established that the opposition "gray fence" — "dacha enclosure" becomes a key theme for the writer. A permeable enclosure, open to the gaze of outsiders, in contrast to a fence, has a purely decorative function, which is why it does not scare or oppress Olesha's characters. While the enclosure is linked to a dream and its feasibility, the fence is linked to "offense and envy". In Olesha's works, representatives of the old world always remain outside the Soviet paradise. Children occupy the position on the fence. The child is a mediator between the two worlds — the real world (the world of adults) and the imaginary world (the world of children). For Olesha, the possibility of imagining the unseen world behind the barrier is particularly important, which is why the space beyond the fence is an area of mystery, a space for imagination.

Т.Н. Гарьковская. О типичных ошибках в интерпретации английского существительного *thing* русскоязычными студентами. В данной статье анализируется влияние перевода существительного широкой семантики *thing* на понимание всего предложения или фрагмента текста. Данное существительное отличается обобщенно-широким значением и многообразием функций, что может вызывать проблемы в понимании смысла высказывания. В работе рассматриваются типичные ошибки, которые допустили русскоязычные студенты при переводе предложений в ходе переводческого эксперимента с участием 130 студентов двух специальностей. Сравнение переводов, выполненных экономистами и лингвистами, позволило выявить и классифицировать типичные ошибки как по уровню владения английским языком, так и внутри каждой специальности. Самая распространенная ошибка при переводе была вызвана игнорированием контекста и связей в тексте, что привело к неправильному толкованию смысла. Результаты исследования могут быть полезны для развития теории и практики перевода, а также для улучшения методик обучения переводу существительных с широким значением в разных типах дискурса.

T.N. Garkovskaya. Analysis of Typical Mistakes Made by Russian-Speaking Students while Interpreting the English Noun *Thing*. This article examines how translating the broad semantics noun "thing" affects the understanding of sentences or text fragments. Due to its general meaning and various functions, "thing" can pose challenges in conveying the intended message. The study investigates common mistakes made by Russian-speaking students during a translation experiment involving 130 students pursuing degrees in two different fields of study. Comparing translations made by students of economics and students of linguistics, the research identifies

and categorizes the students' typical mistakes both according to the English language proficiency and according to each field of study. The most frequent mistake among all students is ignoring the context and connections within the text, leading to misinterpretation. Also, the study reveals the main reasons that most likely lead to typical mistakes in each of the groups. The findings of this research can contribute to the development of translation theory and practice, as well as improving teaching methods for grasping the nouns with broad meanings across different types of discourse.

Е.А. Важина. Основные модели управленческих коммуникаций в российских редакциях СМИ. Статья посвящена анализу основных управленческих коммуникационных моделей, используемых в редакциях российских СМИ, а также ключевым факторам, влияющим на ту или иную модель. Цель исследования — изучение коммуникационных моделей управления в российских редакциях. Для анализа применен качественный метод исследования с опорой на фокусированные интервью главных редакторов Sports.ru, Lenta.ru, «Вокруг света» и Parents.ru, а также анализ редакционной структуры СМИ, на основе изучения которых были предложены собственные модели управленческих коммуникаций, способные помочь изданию не только выстроить систему непрерывной работы внутри редакции, но и ежедневно выпускать более качественный продукт, а также быстро отвечать на вызовы российского медиарынка. Установлено, что коммуникационная модель зависит от нескольких факторов, самым главным из которых является размер редакции. Немаловажным также можно считать формат СМИ — онлайн или печатный. Ряд коммуникационных моделей в дальнейшем может расширяться, а также вероятно появление новых факторов, влияющих на возникновение других коммуникационных моделей.

E.A. Vazhina. Main Models of Management Communications in Russian Media Editorial Offices. The presents the analysis of the main management communication models used in the editorial offices of Russian media, as well as the key factors influencing a particular model. The purpose of the work is to study the management communication models in the editorial offices of Russian media. For the analysis, a qualitative research method was used based on focused interviews with the editors-in-chief of Sports.ru, Lenta.ru "Vokrug Sveta" and Parents.ru, as well as an analysis of the editorial structure of the media, following which our own models of management communications were proposed so that to help the publication not only build a system of continuous work in the editorial office, but also release a higher quality product daily, as well as quickly respond to the

challenges of the Russian media market. It was found that a communication model depends on several factors, the most important of which is the size of the editorial office. The format of the media — online or print — can also be considered important. A number of communication models may expand in the future, and the emergence of new factors influencing the introduction of other communication models is also likely.

НАШИ АВТОРЫ

АБРАМОВА,
Елена
Ивановна

— кандидат филологических наук,
доцент Государственного университета
просвещения (г. Москва)
E-mail: abramel@mail.ru

ВАЖИНА,
Евгения
Алексеевна

— преподаватель-исследователь
Санкт-Петербургского государственного
университета
E-mail: evazhina94@mail.ru

ВАЛЮЛИНА,
Екатерина
Владимировна

— кандидат филологических наук,
доцент Алтайского государственного университета
(г. Барнаул)
E-mail: serev@ya.ru

ГАРЬКОВСКАЯ,
Татьяна
Николаевна

— старший преподаватель
Новосибирского национального
исследовательского государственного
университета, соискатель на степень кандидата
филологических наук
E-mail: tatyana.garkovskaya@gsu.ru

ГРИГОРЬЕВА,
Ольга
Николаевна

— кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: lonogrig@yandex.ru

ГУБАНОВ,
Сергей
Анатольевич

— доктор филологических наук,
доцент Поволжского государственного
университета телекоммуникаций и информатики
(г. Самара)
E-mail: gubanov5@rambler.ru

ДОРОНИНА,
Светлана
Валерьевна

— кандидат филологических наук, доцент Военной
академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва (г. Санкт-Петербург)
E-mail: doroninasv73@mail.ru

КАЧЕСОВА,
Ирина
Юрьевна

— кандидат филологических наук, доцент Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва
(г. Санкт-Петербург)
E-mail: ikachesova@mail.ru

КОРНИЕНКО,
Анна
Андреевна

— ассистент кафедры русского языка
как иностранного Алтайского государственного
медицинского университета (г. Барнаул)
E-mail: kornienkoanna2000@gmail.com

КУЛЯПИН,
Александр
Иванович

— доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (г. Барнаул)
E-mail: iskander58@mail.ru

ЛЕБЕДЕВА,
Евгения
Витальевна

— аспирант Алтайского государственного
университета, ведущий эксперт Алтайского центра
финансовых исследований (г. Барнаул)
E-mail: evgeniya-lebedeva@mail.ru

НАПРЕЕНКО,
Галина
Викторовна

— кандидат филологических наук,
доцент Кемеровского государственного
университета
E-mail: galina_napreenko@mail.ru

ПАВЛЫЧЕВА,
Елена
Дмитриевна

— кандидат социологических наук, профессор
кафедры Государственного университета
просвещения (г. Москва)
E-mail: prof_pavlycheva@mail.ru

СУХИХ,
Назира
Мамитовна

— аспирантка Иркутского государственного
университета
E-mail: kurbanovanazira@mail.ru

ХАО,
Гаюань

— аспирант Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: 947922671@qq.com

ЦКРИАЛАШВИЛИ,
Анна
Давидовна

— аспирантка Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: atskry@mail.ru

ШНЯКИНА,
Наталья
Юревна

— доктор филологических наук,
доцент Омского государственного педагогического
университета
E-mail: zeral@list.ru

ЯНЬ,
Сяолин

— преподаватель кафедры русского языка
Чэндуского института иностранных языков (Китай)
E-mail: yxl19910729@yandex.ru

ЯРКОВА,
Елена
Владимировна

— кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского
Томского государственного университета
E-mail: beork.berkana@gmail.com

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется с указанием издательства, индекса DOI (при наличии), страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.), количества страниц и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого

в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междусторочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (1000 знаков с пробелами каждая); в аннотации указываются тема, цель, материал, методы, краткие результаты исследования). Далее следует **основной текст статьи**: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, Библиографический список литературы (не менее 15 единиц) и References.

К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности

темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организаций) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 2 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер ПИ № ФС77-81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т.Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета: Д.А. Басманова

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 30.05.2025.
Дата выхода издания в свет xx.05.2025.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 14,7. Тираж 500 экз. Заказ № xxx

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66